

«Прошлое научной мысли рисуется нам каждый раз в совершенно иной и всё новой перспективе. Каждое научное поколение открывает в прошлом новые черты...»

Акад. В.И. Вернадский

Последние десятилетия XX и начало XXI вв. ознаменовались в археологической науке пониманием необходимости осмысления пути, пройденного предшествующими поколениями исследователей. Однако в силу различных обстоятельств многие результаты научных исследований не были опубликованы должным образом. И в этих случаях поистине бесценным источником для последующих поколений становятся рукописи. Таким до сего времени не оцененным в полной мере является рукописное наследие одного из выдающихся одесских археологов Михаила Федоровича Болтенко.

Научная деятельность Михаила Федоровича была неразрывно связана с Одесским (Новороссийским) университетом и Одесским археологическим музеем. Преподавательскую деятельность он органично соединил с археологическими изысканиями на двух памятниках, получивших мировую известность и привлекающих пристальное внимание исследователей и в наше время. Это раскопки в окрестностях с. Усатово под Одессой и на острове Березань. Однако, не все задуманное Михаил Федорович сумел реализовать при жизни. Часть его изысканий так и не была представлена широкой научной общественности.

В архиве ОАМ НАН Украины хранятся рукописи М.Ф. Болтенко, которые еще ждут тщательного изучения. Это и незащищенная докторская диссертация, и многочисленные заметки филологического характера, и работы, посвященные археологическим исследованиям в Усатово и на острове Березань. Подводя итоги своим многолетним археологическим исследованиям, Михаил Федорович задумывался и об издании работ монографического характера. Одновременно с изданием монографии, посвященной исследованиям у с. Усатово совместно с Е.Ф. Лагодской и В.Н. Даниленко (набросок плана хранится в Институте археологии НАН Украины), М.Ф. Болтенко предполагал и подготовку похожего исследования, посвященного острову Березань. Об этом свидетельствует подготовленный машинописный вариант рукописи.

План будущей работы, включающей период изучения острова с 1848 по 1948 гг. предполагает изложение как результатов непосредственно археологического исследования, так и картину исторического прошлого острова (см. список публикаций); характеристику природных условий; анализ происхождения названия «Березань» и многое другое.

Представленная к публикации часть этой работы по существу является введением и первой частью монографического исследования. Она включает в себя характеристику природных условий, геологического прошлого и географического положения острова, результаты раскопок, произведенных Р.А. Пренделем, Б.В. Фармаковским и Г.А. Скадовским. Живой язык и увлекательность рассказа при описании острова, его исторических судеб характеризуют автора не только как глубокого исследователя, но и талантливого писателя. М.Ф. Болтенко на основании глубокого знания предмета проводит филологический анализ возникновения названия острова, которое по словам автора «само по себе представляет собой важнейший археологический объект в полном смысле этого слова, который в конечном итоге исследования должен найти надлежащее место в комплексно-стратиграфическом изложении судеб острова и окружающих его территорий».

Остатки античного поселения на острове Березань привлекли внимание исследователей еще в конце XIX в. С тех пор и до настоящего времени многие исследователи связали свою научную судьбу с этим памятником, выпущено огромное количество научных трудов, однако разработка проблем, связанных со всесторонним изучением острова, его истории, начиная с античных времен, и сегодня остается актуальной.

В отличие от большинства исследований талант М.Ф. Болтенко позволяет нам увидеть остров Березань как неотъемлемую часть пространства и времени, как живой организм. Недаром название одной из глав публикуемой работы звучит как «Отложение прошлых судеб острова «Березани» в его названии».

Отдавая дань глубокого уважения памяти ученого, а также принимая во внимание тот факт, что, по словам самого Михаила Федоровича: «настоящая работа вряд ли будет бесполезной для наших продолжателей» и было принято решение о публикации этой работы.

Рукопись печатается по авторскому машинописному варианту. К сожалению М.Ф. Болтенко не успел доработать этот труд до конца, чем и объясняются пропуски в тексте.

А.Н. Колесниченко, Л.Ю. Полищук

* Рукопись подготовлена к печати при поддержке совместного гранта РГНФ и НАН Украины №23/08-01-9113а/У.

М.Ф. Болтенко родился в 1888 г. в районе крепости Осовец Гродненской губернии (в настоящее время территория Польши). «По рассказам моей матери, увидел я впервые свет в лесной избушке в окрестностях Осовца (Гродненская губерния) без всякой медицинской помощи в отсутствие моего отца, который тогда находился на топографических работах» (из автобиографии М.Ф. Болтенко). Профессия отца способствовала частой смене места жительства семьи. Таким образом, география гимназического курса М.Ф. Болтенко протянулась от Иркутска до Одессы, через Томск и Варшаву. По окончании гимназического курса М.Ф. Болтенко поступает на историко-философский факультет Новороссийского (Одесского) университета. Уже в годы учебы (окончил в 1912 г.) М.Ф. Болтенко серьезно увлекся археологией и принимал активное участие в раскопках Э.Р. фон Штерна в г. Белгороде-Днестровском (античное городище Тира) и на острове Березани. Под руководством Э.Р. фон Штерна (главный хранитель Музея ООИД) Михаил Федорович не только прошел практику раскопок, но и прекрасно разбирался в музейных коллекциях, о чём свидетельствует его авторство в «Кратком указателе Музея ООИД, (1908 г. и переиздания в 1909, 1911 и 1913 гг.)». По окончании университета Михаил Федорович преподаёт классические языки, историю и современные европейские языки в гимназиях Одессы. В 1913 г. молодой учёный заслуженно становится действительным членом Одесского общества истории и древностей.

С 1921 г. он успешно проводит раскопки поселения Усатово-Большой Куяльник, постоянно участвует в Ольвийской экспедиции, проводит самостоятельные работы на острове Березань (1924-1931 гг.), пишет и публикует научные статьи. Исследования М.Ф. Болтенко получают широкое признание, он избирается членом-корреспондентом Берлинской академии наук.

С 1921 г. плодотворная научная деятельность М.Ф. Болтенко тесно связана и с Одесским археологическим музеем, в 1930-1932 гг. он является его директором. В 1932 г. одновременно с этим его приглашают на должность заведующего сектором Рабовладельческого общества и отдела археологии в научно-исследовательском институте истории имени Д.И. Багалая (г. Харьков, в то время столица УССР). Однако в 1933 г. по вздорному обвинению в шпионаже М.Ф. Болтенко был арестован и в числе многих невинно осужденных отбыл пять лет в Дальлаге на Ангаре. Согласно сообщению, направленному в дальнейшем начальнику Управления МГБ по Одесской области подполковнику Будакову, «по отбытию меры уголовного наказания Болтенко М.Ф. 28 января 1939 года из лагеря был освобождён». 31 января 1939 г. он «убыл к постоянному месту жительства в Одессе».

С 7 мая 1939 года М.Ф. Болтенко возобновляет работу в Историко-Археологическом музее в качестве консультанта. С 1 сентября 1939 года и по сентябрь 1941 г. он продолжил работу и в Одесском Госуниверситете в должности старшего преподавателя. Читал лекции по археологии. С началом Великой Отечественной войны и в связи с эвакуацией университета М.Ф. Болтенко был вынужден выехать из Одессы. Некоторое время ему довелось поработать в колхозе счетоводом и преподавать в школе, а с 1 сентября 1943 г. он вновь приступает к работе в Новороссийском (Одесском) университете, который находился тогда в г. Байрам-Али (Туркменская ССР). Здесь в апреле 1944 г. М.Ф. Болтенко была присуждена учёная степень кандидата исторических наук по теме «Сказочные «муравьи» Геродота и историческая реальность». В 1944 г. Михаил Федорович возвращается в Одессу и продолжает активную научную и преподавательскую деятельность. Заведует кафедрой классической филологии, а затем основанной в декабре 1945 г. кафедрой археологии (до 1948 г.); читает курсы лекций по истории Греции, первобытного общества, Древнего Востока, основам археологии и этнографии. Одновременно продолжает исследования по античной эпиграфике Причерноморья, истории острова Березань, археологии Усатово, работает над переводом «Истории» Геродота и комментариями к ней.

Самозабвенная работа и лестные характеристики, подписанные ректором университета и секретарём парторганизации, не убергли М.Ф. Болтенко от новой травли в 1951-1953 гг. Неоднократные обращения о реабилитации не дали результатов, что, несомненно, сказалось на его здоровье и в 1959 г. М.Ф. Болтенко не стало.

26 января 1990 года (спустя 31 год после смерти ученого) Одесской прокуратурой было

сделано заключение, что «Болтенко Михаил Фёдорович подпадает под действие ст.1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40 и начала 50-х годов» (Смирнов 2007: 88). Честное имя ученого было восстановлено.

Глубокие знания, оригинальность взглядов, смелость мысли были неотъемлемыми чертами научной и преподавательской работы М.Ф. Болтенко, неоднократно отмеченными его учениками и коллегами. Все эти качества получили яркое воплощение в его работах, требующих дальнейшего изучения и по возможности публикации рукописного наследия.

М.Ф. Болтенко (о нем)

- Михайло Фёдорович Болтенко. 1959. // Праці ОДУ. Одеса. Т.149.
Пам'яті М.Ф. Болтенка. 1959. // МАСП. №2.
Карышковский П.О. 1960. М.Ф. Болтенко (1888-1959) // СА. №1.
Славин Л.М. 1960. М.Ф. Болтенко (1888-1959) // КС ИА АН УССР. Вып.10.
Петренко В.Г. 1989. Михаил Фёдорович Болтенко // 150 лет Одесскому обществу истории и древностей. Одесса.
Клейман И.Б. 2000. В начале славных дел (М.Ф. Болтенко и раскопки в Аккермане в 1912 г.) // Stratum. №3. Кишинёв.
Смирнов В. 2007. Раскопки цивилизации (по материалам архивно-следственного дела №23136-П Болтенко Михаила Фёдоровича) // Реквием XX века. Ч.4. Одесса.

Список печатных работ М.Ф. Болтенко

- Краткий указатель Музея Одесского Общества истории и древностей. 1908. Одесса.
Болтенко М.Ф. 1925. Раскопки Усатовско-Большекуяльницкого поля культурных остатков // ВОКК. Ч. 2-3.
Болтенко М.Ф. 1930. До питань про час виникнення та назву давньої іонійської оселі над Бористеном (З Березансько-Ольбійських студій) // ВОКК. Секція археологічна. Ч. 4-5.
Розкопки на острові Березані р. 1930-1931. // Хроніка археології та мистецтва. Ч. 3.
Болтенко М.Ф. 1947. Стародавня руська Березань // Археологія. №1.
Болтенко М.Ф. 1949. Розкопки на острові Березані в 1946 р. // АП УРСР. Т.ІІІ. Київ.
Болтенко М.Ф. 1949. Про назву острова Березань // ВОГУ. Т.2.
Болтенко М.Ф. 1953. Новая надпись в честь Ахилла Понтарха. // ВДИ. №4.
Болтенко М.Ф. 1954. Значение острова Березань в совместной борьбе братских великого русского и украинского народов за Чёрное море против турецких захватчиков // Тр. ОГУ. Т.144., серия исТ.Наук. Вып. 4.
Болтенко М.Ф. 1957. Стратиграфия и хронология Большого Куяльника // МАСП. Вып. 1. Одесса.
Болтенко М.Ф. 1959. HERODOTEANA // Праці ОДУ. Т.149.
Болтенко М.Ф. 1960. HERODOTEANA // МАПП. Вып. 3.
Болтенко М.Ф. 1960. Исторические судьбы острова Березань // ЗОАО. Т.1/34.
Болтенко М.Ф. 1962. HERODOTEANA // МАСП. Вып. 4.
Boltenko M.F. 1930. Vergangenheit der Insel Berezanjan nach den Ergebnissen der letzten Ausgrabungen // Archäologisches Institut des Deutschen Reiches. Bericht über die Hundertjahrfeier. 1929. Berlin.

Доцент М.Ф. Болтенко, кандидат исторических наук

О. БЕРЕЗАНЬ И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ЧАСТЬ I.

Исследования по 1900 г.

ВВЕДЕНИЕ

I. ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ ОСТРОВА,

ЕГО ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Сравнительное значение тех или иных географических объектов нашего исторического знания меньше всего определяется занимаемым им пространством. Конечно и этот момент в определённых условиях может приобретать большое значение, но решающим и ведущим из данных географической среды, «как одного из постоянных и необходимых условий развития общества» (История ВКП/б 1950: 113), без полного учёта которого невозможно понимание исторического процесса, является не в такой мере пространственное протяжение объекта исторического изучения как его географическое положение, предопределяющее направление связей и отношений-опосредствований в разворачивании исторического процесса на разных его ступенях. Однако, одни и те же природные данные, одна и та же географическая среда не одинаково действует на развивающиеся в ней человеческие общества и не одинаково используются при не одинаковом развитии в них производительных сил и при не одинаковых производственных отношениях. Это должно предохранить исследователя от географического фатализма, в который впадают те, кто забывает, что «историю делают люди», общественный человек...

Яркий пример верности изложенных положений даёт нам история крохотного островка на бедном островах Чёрном море, острова Березани, занимающего в длину всего лишь 856 метров при максимальной ширине в наиболее широкой северной его части до 350 метров... Оторванная от близлежащего материка глыба известняковой коренной породы из года в год пядь за пядью медленно, неуклонно подтачивается непрерывно действующими стихийными силами природы... Пройдут ещё века и тысячелетия и от нашего острова останется простая отмель¹.

В контуре своём наш островок в своей широкой северной части напоминает в миниатюре северную половину Африки, а своим постепенно (от 175 м) суживающимся к югу острым южным клином южную оконечность южно-американского материка, сходство с которым увеличивается ещё более выступающей на юге над морской поверхностью из воды отдельной, оторвавшейся от него скалою, миниатюрным соответствием Огненной Земли у южной оконечности Южной Америки...

Остров вытянулся с севера на юг под 49°16' в.д. и 46°36' с.ш. в открытом море перед входом из него с одной стороны (с Востока) в обширный Днепро-Бугский лиман, в котором скрещиваются все речные пути, идущие из Центра, с Севера и с Востока нашей великой равнины (Днепр), с таковыми с её Запада (Южный Буг). С другой стороны (с Севера) наш остров так же прикрывает вход в другой обширный лиман Березанский (или Сосицко-Березанский). Хотя в лиман этот не впадают такие реки как Днепр или Южный Буг, к нему тяготеет богатый хлебородноземледельческий район и он имеет немалое рыболовное значение, усиливается обширным солончаком Тузла у западного входа в лиман со стороны моря как раз напротив острова Березани.

Такое предлиманное положение острова создавало у людей, не бывавших здесь на нашем материке, и попадавших впервые сюда с моря, при взгляде с высокого острова на

¹ Недаром покойный профессор Э.Р. Штерн, производивший на Березани археологические раскопки в 1904-1913 годах, любил называть наш остров Северно-Черноморским Гельголандом...

обширные уходящие в даль материковых просторов широкие водные ленты лиманов — Березанского, Бугского, Днепровского впечатленье единой великой реки, изливающейся в море тремя громадными рукавами «тремя жерелы», как это мы читаем действительно в нашей «Начальной летописи» XI – XII вв., использовавшей здесь, очевидно, книжный (греческий) источник, отражавший впечатления тех, кто приезжал к нам с моря, а не живые впечатления и знание края наших отечественных пловцов, ходивших Днепром в море и за море «в греки»...

Это именно представление запечатлелось на средневековых италийских маршрутных картах Чёрного моря XIV – XV веков, на которых западное русло Днепра помещено в точности на месте Березанского лимана, среднее на месте Бугского лимана, а восточное, действительно соответствующее Днепру и Днепровскому лиману, показано текущим не с Востока, а с Севера с приписью *flumina d'Ellexe*, т.е. река Олешья, знаменитой пристани XI – XII веков на Нижнем Днепре².

От высокого (до 27 м) остроконечного мыса, которым на юге заканчивается наш остров, поверхность его имеет заметный уклон к северо-востоку, где обрывы его не превышают 7 метров. На северо-восточном обращённом к материку и лиманам побережье острова тянется узкая полоска низменного намывного берега и галечника, образуя своего рода «пляж» и, облегчая тут причал мелко сидящих парусных рыбацких судов. Такой же, но ещё более узкий «пляж» имеется и в сужении («талии») острова на его западном побережье, обращённом к открытому морю, но отвесная высокая крутизна обрыва над этим пляжем мешает пользоваться им для сношений острова водою с внешним миром.

Основу острова³ составляет выступающий из моря на юге на высоту до 7 метров, а на севере не более 2–3 м желтый ноздреватый «одесский» известняк (третичный), размыаемый постоянной работой моря и ежегодно, подрезаемый напором весенних льдов с Днепра и Буга, который перекрывается отделённым от него тонкой (около 0,30 м) прослойкой зелено-серой пастной глины желтовато-серым песком (толщ. от 1 до 3 м), который в свою очередь перекрывается в южной части отделённой от него зеленовато-серой глиной, красной глиной-белоглазкой, а над нею лёссом. Последние три наслоения на севере острова от-

² Здесь будет уместным попутно обратить внимание на припись *с а в о* (саро) de Zagorі или просто Zasoḡ, Zagorі при мысе, соответствующем нынешнему Самбашу (турецкому Гассенпаша) в Очакове, проливающую свет на историю названия этого города. Zagorі — это итальянское преломление славяно-византийского Загора, как византийцы называли Болгарию эпохи второго болгарского царства (1185–1393 гг.). Так мы видим в дотурецкие времена назывался и мыс, при котором вырос позднейший Очаков.

Другое произношение этого Загори-Цакори и дальше Чаковъ (ср. Чурка и цурка, чапля и цапля, Буковище и Букурушти). Последнее представляет собою конвергенцию, случайное историческое совпадение и переосмысление древнего названия страны Загории-Болгарии с именем выплывшего в конце XIII века татарского властителя этих мест и мучителя Болгарии того времени сына знаменитого Ногай Чаки, убитого в 1295 г.

Следующий шаг в истории названия нашего города — наше русское Очаков. Озу-калу, т.е. Днепровская крепость по тюркскому названию реки Днепра — Озу, от которого принято производить наше название Очаков, как мы видим, не только не является прототипом русского Очакова, но наоборот, представляет собою позднейшее турецкое искажение его более древнего названия, вызванное попыткой осмыслить по своему старое название, восходящее ко временам за много веков до построения здесь турецким данником татарским крымским ханом Менгли-Гиреем крепости на месте нынешнего Очакова, ко временам здесь более ранним, чем сами даже татары, к XII–XIII векам. Мыс при выходе из Днепровской водной артерии в открытое море на Запад к Болгарии-Загоре получил название Загори, как до сих пор западный выход из Днестровского лимана в сторону Царьграда называется Царьградским гирлом, восточный же в сторону Очакова Очаковским...

³ Ведущей для нас работой по геологии острова и примыкающего материка является Н. Соколов (1896). Геологическое строение острова уже до него было выяснено работами Н. Барбот де Марни (1869), Р. Пренделя (1886), И. Синцова (1891). Из новейших авторов надо учитывать работы по Сев. Причерноморью покойного В.И. Крокоса, бывшего с нами на Березани лично в 1924 г., хотя специально о Березани или об о. Березани этот автор и не говорит (Крокос 1924; 1926).

сутствуют, и там прямо на белом песке залегают рыхлая сероватая земля, перемешанная с золою, углём, черепками глиняной посуды и обильными створками раковин мидий (*Mitylus galloprovincialis*) и «морского сердечка» (*Cardium edule*).

Поверхность острова, представляя слегка волнистую, слабо наклонённую к С.В. равнину, покрытую довольно густой травой, является как бы клочком «северо-черноморских степей, отделённых от материка морем» (Соколов 1896: 243 сл.).

Взгляд на карту морских берегов и глубин показывает, что остров наш представляет собою высокий надводный выступ довольно обширной отмели, вплотную примыкающей к западному (аджиякскому) берегу Сосицко-Березанского лимана и, если условно взять за границу между материком и морем изобату в 7 футов глубины, теперешний узкий, клиновидный к югу островок Березань составил бы стержень широкого, округлого на юге, более значительно с запада и с востока, чем с юга, скрытого под водою полуострова.

Северная коса острова в зависимости от смены направления дующих в то или иное время ветров и силы напора течения со стороны Днепра постоянно меняет свои очертания, то далеко вытягиваясь как бы навстречу такой же, как она, косе материка, тянущейся от юго-западного мыса Березанского лимана на аджиякском берегу, то совсем исчезая, как это было в 1931 году.

Совсем неширокий (едва ли больше 1½ км в самом узком месте) пролив в большей своей части представляет собою глубину, позволявшую крестьянам противоположащего на материке села Аджияк (ныне Рыбаковка) с начала восьмидесятых годов прошлого века и до 1912 г., арендовавшим остров для покоса и выпаса своего скота, перегонять на остров вброд по отмели между двумя косами своих лошадей и коров.

Уже Р.А. Прендель, обследовавший остров в 1884 г. по заданиям подготовительного комитета по устройству в Одессе VI-го Всероссийского Археологического Съезда, высказал уверенность в том, что некогда обе тянущиеся теперь здесь друг другу навстречу косы соединялись между собою и таким образом Березань, представляя собою тогда не остров, а полуостров, имела связь с материком не посредством песчаной отмели, а песчаного же, вероятно, более или менее узкого перешейка. Такая же уверенность возникла и у лиц, не являющихся специалистами в области естественных наук, которым приходилось провести на острове некоторое время (Э.Р. Штерн, С.Д. Пападимитриу, сам пишущий эти строки в период до 1924 г.). Иллюзию речного ландшафта усиливали заросли невысокого камыша в северо-восточном низменно-береговом уголке острова подле причальной косы.

За долгое время с 1909 года нам не раз изо дня в день доводилось наблюдать своеобразный неустойчивый песчаный волнорез, образуемый обеими косами с песчаной отмелью между ними, о который плескались с одной стороны волны днепровского течения с В. из лимана из-за Очакова с его мысом Самбаш (в турецкие времена Гассан-Паша) и из-за Кинбурнской косы (в древности священный участок *ἄλος* грозной подземной богини Гекаты), а с другой — волны открытого моря с Запада из-за Аджиякского мыса.

Июльский шквал 1928 г., который нашей экспедиции пришлось пережить на острове, когда несколько дней подряд дул с материка северо-восточный ветер, обнажил необычайно широкую песчаную полосу на северо-востоке острова, косы почти сходились, оставляя между собою чрезвычайно узкое водное пространство. Целая флотилия застигнутых бурей вблизи острова рыбацких шаланд нашла себе спасение на якоре на песчаном северо-восточном берегу острова.

Наоборот, весной 1931 г. северная коса острова, постоянно наблюдавшаяся нами при многократных в разные (кроме зимы) времена года посещениях нами острова в период 1909–1931 гг., оказалась совершенно смывтой и унесённой напором речной воды из Днепровско-Бугской системы в связи с бывшим в ту весну сильнейшим наводнением от таяния снегов.

Вообще при обычной здесь смене ветра, когда дующие здесь в летнее время с рассвета часов до 3-х пополудни ветры сменяются северо-восточным ветром, укрывающиеся у северо-восточной березанской косы рыбацьи суда перетаскиваются волоком на противоположную ветру заветренную сторону косы. В обычное же время северо-восточная бухта острова даёт надёжный приют и убежище для рыбацких судов не только от западных вет-

ров, но и от поднимающейся к вечеру влажной и сырой «Юги», с юга, с моря, от которой прикрывает северо-восточную бухту крайний восточный выступ острова, напоминающий африканский полуостров Сомаль. Поэтому эта бухта является естественным и незаменимым местом отдыха и ночлега для застигнутых в море наступлением вечера вдали от своих жилых баз рыбаков. Здесь они разводят свои костры, варят пищу, сушат одежду на низком песчаном берегу. Наблюдая этих рыбаков и вступая с ними в беседы в течение ряда лет, мы, обобщая итоги этих своих знакомств, устанавливаем, что они, почти все поголовно, либо одесситы, либо жители ближайших к Одессе прибрежных сёл и только крайне редко, в единичных исключительных случаях, попадают среди них очаковцы или николаевцы. Недаром основной ветер, дующий здесь большую часть дня с утра, западный, а ночлег на острове не очень заманчив для тех рыбаков, которых толкают на их занятие, не романтическое искание приключений, а трезвые поиски пропитания и у которых близка жилищная база... Не только направление ветров гонит сюда рыбаков западного приднестровского участка нашего северо-черноморского побережья: устья Днестра значительно уступают Днепру-Бугу по своим рыбным богатствам (Рябков 1896: 51, 56 сл.).

Совершенно отрезая остров от связи с материком и с прекрасным источником колодезной пресной воды на восточном (бейкушском) берегу противоположного на материке Березанского лимана, северо-восточный ветер взамен нагоняет такую массу пресной речной воды со стороны Днепро-Бугского лимана, что делает воду северного побережья острова пригодной для питья даже в сыром виде. Такой же она бывает и весной после таяния снегов и ледяного покрова рек и лимана и сохраняет это свойство по май месяц, затем осолоняясь и становясь совсем негодной для питья...

Существовала ли в исторические времена такая временная непостоянная и непрочная песчаная связь нашего острова с противоположным материком или нет, она не меняла бы ни в какой мере геологически островного положения основного известнякового массива острова Березани, этого прямого продолжения одесско-аджиякского берега, и покрывающего его почвенного покрова с густой травой, этого клочка северо-черноморских степей... Песчаная связь, если такая когда либо возникала, как продукт объединенного действия ветра и воды, конечно, не могла восстановить разорванной когда-то целостности известнякового массива острова с таковым материка и целостности степного ландшафта острова с таковым материка и не могла иметь такого значения, какое ей склонны были придавать историки и филологи, бравшиеся за разрешение этого вопроса без учёта того, чему нас в этом вопросе учит современная геология⁴.

Классический пример вековых колебаний, следы которых запечатлены на колоннах древнего храма Сераписа близ Поццуоли на берегу Неаполитанского Залива в южной Италии показывают, что этот ещё в 205 г. н.э. существовавший в полной исправности храм с тех пор пережил периоды и повышения, и понижения почвы...

«Периоды отступления моря» прерываются «положительным движением берега» (Неймайр 1902: 435, 443) и, наоборот, и если, допустим, для последних десятилетий или даже столетий и было бы твёрдо доказано для Нижнего Приднестровья и окрестностей Днепру-Бугского лимана понижение суши и наступление моря, в настоящее время и в ближайшие к нам века, то вряд ли соответствовало бы данным современной геологической науки признанию неизменной однолинейности и прямолинейности развития этого процесса в одном направлении на протяжении хотя бы последних трех тысячелетий.

Исходя из этого, созданная, как мы увидим дальше, совершенно без всякой необходимости историком Э.Р. Штерном геологическая теория Березани — полуострова в историческое время на протяжении VII — V вв. до н.э. и превращения её затем в V веке из

⁴ Если верны наблюдения покойного В.И. Крокоса, что береговая полоса южного берега не так далёкого от Березани Ягорлыкского залива в связи с постепенным в порядке векового колебания опусканием берега Чёрного моря в области Нижнего Приднестровья сократилась до нескольких шагов ширины в 20 гг. XX века против 1 ½ версты в XIX веке на старых картах трехвёрстках, и Березань без всякой катастрофы могла в древности быть полуостровом, имеющим песчаную связь с материком.

полуострова в остров, что довёл до абсурда чистый филолог С.Д. Пападимитриу, сделал это превращение результатом геологической «катастрофы» (Пападимитриу 1910: 97-112), не только неизвестной для нашего района в V в. до н.э., но и вряд ли возможной, учитывая его геологическое строение, может быть квалифицирована только как «здание на песке» и в прямом, и в переносном смысле этого слова⁵.

При этом трезвому историку, считающему для себя обязательным еще свыше 100 лет тому назад высказанное бессмертное положение основоположников марксизма (К. Маркс, Ф. Энгельс: 1934, 8, прим. 1) о взаимосвязи и переплетении истории человека и истории природы, нельзя не учесть, в каком направлении, и в этом отношении действительно неуклонно и неизменно, протекает история березанской северо-восточной бухты и пролива, отделяющего остров от аджиякского берега материка, с того самого момента как родились Чёрное море и остров Березань. Вековая работа стихийных сил природы и могучего речного течения из Днестра и Буга, через лиман продолжающегося и в море, и ветра с намывным действием морских волн, всё это исподволь и неуклонно ведёт к засорению и бухты и пролива, к заносу их песком и илом, а не наоборот и тогда вполне правдоподобно, что в 645 году до нашей эры и позже в IV — III вв. до н.э. (Страбон География VII, 17) у Латышева (Латышев 1890: 120) наша северо-восточная березанская бухта могла носить по праву название λιμήν (пристань) и удовлетворять в этом отношении не только простые мелкоосидающие лодки-однодеревки, но и небольшие суда более глубокой осадки, конечно, не в аспекте последних столетий. Тогда пришлось бы признать, что Березань разделила судьбу тех сотен, если не тысяч, древних бухт и пристаней, которые объединённое действие истории природы и истории общественного человека (прогресса его техники) вычеркнуло из списка мировых портов.

Ещё одна черта, сближающая нашу черноморскую Березань с Гельголандом на далёком европейском Северо-Западе, это — богатство рыбой окрестных вод. В северо-западном Причерноморье между восточным берегом Балканского полуострова на Западе и Крымским западным берегом на Востоке по своим рыбным богатствам первое место занимают устья Дуная с прилегающей частью моря, на втором Днепру-Бугский лиман с устьями впадающих в него рек и прилегающими к нему частями моря и только на третьем месте лежащий между ними Днестровский лиман (Рябков 1896: 51 сл., 56 далее).

Это прежде всего привлекло сюда и первых греческих рыбопромышленников в середине VII в. до н.э.⁶, как и в конце лета 1930 г. побудило Агрокомбинат обосновать на Березани у северо-восточной её пристани свой рыбный пункт, функционировавший там в

⁵ Приближение к нам по времени (до 5000 лет до нашего времени) эпохи последнего соединения Новозвксинского бассейна с Эгейдою и Средиземным морем, вырисовывающееся в исследованиях советских геологов, особенно Н.М. Страхова (Архангельский, Страхов 1932), проф. Б.Ф. Добрынина (1948: 7, 31 сл., 47 сл. и, особенно, 54 сл.) ничего не может изменить для нас в вопросе о Березани, как острове, в исторические времена, не ранее, чем VII в. до н.э.

⁶ Милетские «Вечные мореходы» $\delta\epsilon\iota\ \nu\alpha\upsilon\tau\alpha\iota$ конечно, были одновременно и рыбопромышленниками, и купцами, и пиратами, смотря по обстоятельствам, и поэтому «Пригодные для обороны скалы или острова, командовавшие над спокойной бухтой или пляжем, на который корабли легко могли быть вытянуты», где они на первых порах обосновывались, совмещали в себе функции рыболовной стоянки и торговой фактории — «торжища» — $\epsilon\mu\tau\omicron\rho\iota\upsilon\sigma$, привлекавшего к себе туземцев, в данном случае Борисфенитов. И данные раскопок и отсутствие собственных (в прямом смысле этого слова) имён у всех почти греческих поселений северного Причерноморья, вместо которых мы имеем простые названия рыболовных районов, где основывались такие стоянки-торжища, как Истр, Тирас, Борисфен, Херсонес, даже Феодосия (божий дар), далее Пантикапей или Боспор, Танаис и, наконец, Фасис, делают в данном случае совершенно неосновательным умаление А.А. Иессеном в его недавно вышедшей прекрасной новой книжке о предпосылках и особенностях древне-греческой колонизации Северного Причерноморья (Иессен, 1947: 57) значения рыбопромысловых функций древнейших греческих стоянок здесь доколониального периода. Документальными данными являются здесь раскопки на местах и сами названия этих мест у древних греков, имеющие для нас большую цену, чем отсутствие положительных свидетельств об этом у древних авторов, которые вполне естественно могли для нас и не сохраниться. Положение о том, что «в VII—VI вв. ни Иония, ни собственная Греция не нуждались ещё будто бы в регулярном значительном импорте рыбы», само по себе ни в какой мере не представляется нам обоснованным...

первой половине 30-х гг. нашего столетия и проводивший там сезонную работу от марта по ноябрь, перенося затем на зиму свою рыбопромысловую деятельность на Березанский лиман, глубоко врезающийся в противоположный материк в хлебородном районе и имеющий в отличие от Одесских лиманов немалое рыболовное значение. Выход из этого лимана в такой же мере находился под контролем острова Березани во все исторические эпохи, и выход из Днепро-Бугского лимана.

Обычными обитателями острова из наземных животных являются теперь мыши-полёвки и змеи (степная гадюка и более крупный полоз-желтобрюхий). Водятся и ужи водяные и обыкновенный. В 1930 г. пишущему эти строки пришлось даже подвергнуться укушению гадюки, причём только быстрые и энергичные меры противоядия предотвратили возможные печальные последствия этого.

За всё время нашего знакомства с островом только летом 1928 г. нами обнаружен был на нём один заяц, попавший сюда очевидно тогда, когда остров в зимнее время соединялся с противоположным берегом суши ледовым покровом, не успев случайно покинуть остров до таяния снега. Испуганный появлением на острове людей, заяц начал метаться из конца в конец, по тесному простору острова, пока не погиб, свалившись с кручи острова и разбившись о береговые камни...

Для понимания свидетельств древних, которые могли бы быть отнесены к нашему острову, мы считаем очень существенной фиксацию того, что сохранило нам, хотя бы последнее столетие, о птицах, находивших себе приют и пристанище на острове...

Учёный старожил и знаток животного мира нашего лиманно-степного Причерноморья покойный профессор А.А. Браунер (умер 5.V.1941 г.), лично дважды посетивший Березань в 1888 и 1896 гг., с обычной для него готовностью всемерно содействовать всем лицам, ведущим научно-исследовательскую работу, поделился с нами данными своих личных наблюдений над пернатыми о. Березани, предоставив нам свою ценную рукопись-тетрадь в форме дневника «Птицы Новороссии» 1880 г. с некоторыми попутными климатологического и сельско-хозяйственного порядка замечаниями и познакомил нас с посещением острова первым побывавшим там натуралистом-орнитологом Гебелем, посетившим остров, по-видимому, в мае 1869 г. Им констатируется на Березани место гнездования массы мартинов-хохотунов. Гнёзда их из сухого бурьяна наблюдались неподалёку одно от другого среди высоких бурьянов. Во время пребывания Гебеля на острове вокруг острова летали серебристые чайки и держались осторожно, почему Гебелю удалось подстрелить только один экземпляр. Над морем в устьях Днепра и в районе острова Березани летали разные виды чашк. «На берегах острова на крутых скалах имеют свои места бакланы; они сидят друг около друга, как солдаты. Свои гнёзда они делают над выступающими скалами и иногда прибой волн доходит до них. Туда можно добраться по канату»... Гебелем же засвидетельствовано на острове обитание в большом количестве жёлтой трясогузки, гнездящейся в щелях. Им найдены были только что вылупившиеся птенцы её... К тому же времени относится и свидетельство Барбот-де-Марни о том, что Березанский остров обитаем теперь только одними большими птицами, питающимися рыбой. Южная, особенно выдающаяся, скала острова есть любимое место этих птиц, от испражнения которых тут образовалась тонкая белого и фиолетового цвета кора — род гуано (Барбот-де-Марни 1869: 78). И посетивший остров через 25 лет после Гебеля и Барбот-де-Марни летом 1894 г. Н.А. Соколов со специальным и через Геологический Комитет заданием Министерства Земледелия и государственных имуществ обследовать о. Березань для проверки слухов об имеющихся якобы там залежах гуано, приводит свидетельство капитана парового катера Бородина, в продолжении многих лет перед тем неоднократно бывавшего на о. Березани и отлично знавшего этот островок, что «только на южной и западной частях острова... замечается временами сколько-нибудь значительное скопление птиц, преимущественно бакланов». Личный осмотр острова Соколовым действительно обнаружил следы пребывания птиц «только в южной части его, на берегах, обращенных к юго-западу, югу и юго-востоку», но «очень мало птиц даже на южной оконечности острова» и констатировал отсутствие гнездования их «по причине конечно беспокойства от людей, которому стали подвергаться птицы в

последние 15 лет перед тем, с того времени, как остров сдан был в аренду жителям с. Аджияска, пользовавшимся им, как местом покоса и пастбища для своего стада. Лет 15 тому назад, до сдачи в аренду, весь остров, по словам Бородина, был покрыт зарослями высокого бурьяна (многолетника по преимуществу), а береговые кручи были усеяны высокими гнёздами бакланов. В первый же год аренды осенью сухой бурьян был сожжён для устройства хорошего пастбища; при этом пожаре, охватившем весь остров сгорели и гнёзда бакланов». Посетивший остров за 6 лет до Соколова в 1888 г. и вторично через 2-3 года после него А.А. Браунер, в своё первое посещение усмотрел всего два бакланьих гнёзда, остров был покрыт степной растительностью и единственным деревом на нём была груша, а во второе свое посещение острова он констатировал оскудение острова в отношении птиц. Надо думать, что и в прошлые исторические эпохи, когда остров пустел и становился необитаемым и редко посещаемым людьми он населялся птицами.

II. СУДЬБЫ ИЗУЧЕНИЯ ОСТРОВА В НОВОЕ ВРЕМЯ ОТ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ ДО 1880-х ГОДОВ, В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ ЧЁРНОГО МОРЯ В ЭТУ ЭПОХУ

В исследовании исторического прошлого таких микроскопических пространственно объектов как о. Березань, где всё историческое проистекает из их географического положения, их связей и опосредствований, определяемых этим положением, а также и из состояния тех человеческих обществ, которые на разных определённых этапах своего исторического развития вступают в определённую связь с объектом нашего исследования, конечно, самой грубой ошибкой, которая ничего не позволила бы понять в историческом прошлом данного пункта, было бы замкнуться в рамках его топографии. История Березани поэтому есть для нас история узла многосторонних сношений и исторических движений, в ней перекрещивающихся в их совокупности и в раздельном действии и поэтому вне разворачивания всеобщее-исторического процесса понимания роли Березани на отдельных этапах её бытия во времени невозможно.

Крайняя скудость и даже при этой скудости, нередкая спорность письменных исторических источников, могущих быть отнесёнными к нашему острову, равно и разрозненность вещественного материала, даваемого науке археологическими раскопками, могут быть существенно восполнены, осмыслены и приведены в стройную систему сложного и многогранного исторического развития только при полном учёте истории тех стран и народов и путей связи между ними в разные времена, которые не могли не проходить через наш остров.

Стык моря и степи, притом не моря вообще и степи вообще, а нашего Чёрного моря, представляющего собой крайний глубочайший восточный вырез-загиб мирового Средиземного моря, которым оно приходит здесь навстречу, к величайшей в мире открытой степи, широкой полосой, пересекающей весь массив евразийского материка до самого далёкого Востока, облегчая мировые пути и связи, притом степи, перерезаемой могучими речными магистралями, устьями своими сближающимися со всех сторон как раз в Северо-Западном Причерноморье, где сходятся Дунай, Днестр с его двойником Бугом и Днепровский Низ, этот стык и волнорез, в прямом и переносном значении, западных и восточных ветров и течений, представляет собой географическое лицо Березани, её «собину» — спецификум, отличающую её от тысячи тысяч других таких же ничтожных, как она, пространственно точек на побережье Чёрного моря и определяющую её роль, конечно, не одинаковую, на разных этапах разворачивания истории на побережье Чёрного моря при разном уровне развития хозяйства, общественности и идеологии живших на его берегах и действовавших там человеческих групп...

Ни о каких попытках научного реалистического освещения прошлого и настоящего о. Березани прежде так называемой «эпохи возрождения наук и искусств в Западной

Европе», связанной с первыми ростками молодого капитализма в итальянских средневековых городских республиках, конечно, не приходится и говорить.

Появляющиеся приблизительно с начала XIV в., когда в мореходстве получает широкое распространение компас, так называемые компасные карты, из которых самыми ранними признаются карта Петра Весконте 1311 г. и Дульцера 1339 г., и для Чёрного моря отражают невозможный в более раннее время интерес к реальному и способность к его пониманию. Эти карты, назначением которых было ориентировать морехода в его морском маршруте вдоль далёких берегов, отмечают все существенные в плавании моменты: мысы, заливы, бухты, устья рек, острова. В то же самое время на таких картах, как на современных наглядных школьных пособиях, даются, правда, очень грубо суммарно, в образах сведения по географии примыкающей к берегу страны, её политической принадлежности, населению, природных особенностях, богатствах, вообще достопримечательностях... (Багров 1918). Одесский Историко-Археологический Музей располагает небольшим, но интересным собранием точных копий ряда компасных карт Чёрного моря, датированные из которых охватывают период времени от 1318 г. (Петра Весконте) по 1527 г. (из карты мира Рибера времён императора Карла V) [карты были переданы в ОИКМ в 1955 г. — прим. ред.]. Не имея задачей рассматривать здесь специально эти интересные карты, заслуживающие специального и более компетентного исследования, мы отметим только в них:

1. Прекрасное знание берега, особенно ярко отражённое на карте венецианца Франческо Пичигани 1367 г., где сразу распознаются и аджиякский мыс с бухтой того же имени и бейкушский полуостров (коса), также как и наш остров Березань и Очаковский мыс Самбаш и устье реки Южного Буга, но без самой реки.

2. Наличие названия Берберезе с разными дальнейшими искажениями этого названия при маленьком островке у северного берега несомненно нынешней Березани. Название это сохраняется и на поздней карте Рибера XVI в., при том без самого острова, но в месте, которое, по положению своему на карте, должно соответствовать Березанскому лиману.

3. Традиционное представление о трёх устьях и меридиональном течении Днепра с Севера, причем западное из этих устьев обычно соответствует Березанскому лиману.

4. Упадок знания Чёрного моря и его берегов, исчезновение деталей на картах к концу этого периода (отсутствие нашего острова на карте Рибера).

Такая странная постепенная утрата Чёрным морем его реальности для людей Запада в обратной последовательности к успехам «Ренессанса» на Западе обуславливается всё большими и большими затруднениями непосредственных соприкосновений с нашим морем и его берегами живых людей с Запада в результате ряда причин, заглушивших, начиная с середины XIV в., мировой транзит через Чёрное море, пред тем доходивший широкими евразийскими степями до далёких восточно-азиатских Каракурума в недрах Монголии и Канбалыка (нын. Пекин) в восточном Китае.

Распадение Монгольской империи Чингисханидов, а затем свержение в Китае в 1368 г. власти монгольской юаньской династии, выключили из мировой цепи сухопутных связей её важнейшее дальневосточное звено. К тому ещё с этого же времени, начиная с водворения в середине XIV в. на европейском берегу Дарданелл 80 османских удальцов Сулеймана до разгрома турками на Косовом поле в 1389 г. феодальной Великой Сербии наследников Стефана Душана, на Чёрное море и на окрестные страны всё более и более надвигается тень мирового могущества Османской Турции, сперва эмиров, затем султанов, в конце концов присвоивших себе и сан Халифа правоверных и создавших подновлённое Исламское издание павшей Византии.

Закрытие Босфора, взятого с 1452 г. в тиски мощных укреплений Анадолу и Румили-Гиссара в самом узком месте пролива, предредило и судьбу павшего 29.V.1453 г. Константинополя и падение затем в 1475 г. столицы генуэзских владений на Чёрном море Кафы. Последний Золотой Орды в Крыму Менгли-Гирей становится в 1478 г. турецким вассалом и переходит в наступление против Польши-Литвы, тогда владевшей Украиной, надолго отрезая нашу страну от принадлежащего ей морского берега, превратив нашу степь на ряд веков из места мирового транзита в «Дикое поле», периферию и арену ожес-

точённой борьбы двух изолированных в своей феодальной замкнутости миров христианского и мусульманского...

Турецкое кольцо вокруг Чёрного моря замыкается переходом под власть султана в 1484 г. перед тем молдавских Килии и Белгорода-Монкастро-Аккермана и построением султанским вассалом Менгли-Гиреем в 1492 г. твердынь Очакова. Переворот в направлении мировых путей был завершён великими океаническими открытиями испанцев и португальцев 1492-1521 гг. В 1521 г. с водворением династии Гиреев и в Казани, с 1487 г. признававшей московский суверенитет, даже Казань, несмотря на протесты Москвы, признаёт номинально турецкое верховенство. Походы крымчаков на Москву в ответ на взятие Казани 2.X.1552 г. доходили до Тулы (1555 г.) и даже до Москвы, опустошённой в 1571 г. страшным пожаром. Завоевание Иваном Грозным Астрахани вызвало первый непосредственно турецкий поход кафинского паши Касима на Астрахань в 1569 г., кончившийся неудачей прежде достижения конечной цели похода...

Но главным, притом наиболее обычным и доступным объектом татарских опустошений при Менгли-Гирее были «Королевские земли», территории Польско-Литовского государства и среди них, в первую очередь, Украина. «Ясырьём» отсюда постоянно наполнялся невольничий рынок в Кафе, на котором число продаваемых рабов не спускалось в день ниже 30000. На этих рабов, главным образом из Украины, не только ложилась почти вся тяжесть производительного труда в Крыму: они же были главным предметом сбыта на отдалённые рынки Азии и Африки (Ефименко 1922: 1, 33 сл., 53 сл.; Василенко: 512-521).

После сентябрьского разгрома Киева 1482 г., который не без основания сравнивается с батыевым погромом 1240 г., татары в частых наездах, угоняли в неволю десятки, сотни тысяч людей, доходя на Западе до Вислы у Кракова и переходя и через Вислу в Сандомирском воеводстве, на севере они не только переходили Припять, но и Неман, достигая иногда Минска, Полоцка, Витебска... В то же время с турками познакомились альпийские земли Габсбургов, Фрунль и Апулия в Италии. В 1529 г. турки были даже под стенами Вены...

Понятно, что при таких условиях далёкое Чёрное море выпало из поля зрения и круга непосредственных интересов европейского Запада и его экономики, политики и науки, внимание которого в результате открытий Колумба, Васко-да-Гамы и Магеллана, закрепивших подготовленное историческими событиями XIV – XV вв. перемещение мировых торговых путей, устремилось по этим океаническим путям в совсем другие стороны.

В период максимальной военной экспансии султанской Турции, апогей которого исследователи справедливо увязывают с эпохой Сулеймана Великолепного (1520-1561), когда турецкие полчища видели и астраханские степи, и венские стены, когда на Западе Венгрия, а на Востоке Тавриз и Багдад признали своим повелителем «Великого турка», а на море смелый турецкий пират Барбаросса опустошал итальянскую Калабрию и соединившись около... Тулона с... французским флотом «завоевал... 20.VIII/1543... Ниццу, последнее убежище савойского герцога» (Циммерер: 152), а его коллега египетский наместник Сулейман Паша, наводняя ужасом страны вплоть до Индийского океана, победил там португальцев, взял город Диу и покорил арабских князей на берегах Красного моря (Циммерер: 145), находит своё максимальное завершение и оформление морально-культурное отчуждение соединённого и законсервированного османами под знаменем полумесяца Востока без различия расы, веры и языка от Запада (лучшими моряками в турецком флоте тех времён были евреи и греки, т. наз. «страитоты»).

Если на XI – XIV века падал расцвет военной и экономической агрессии Ислама против европейского, азиатского и африканского Востока, то теперь наоборот для всего афроевразийского восточномедиземноморского Востока настает пора давно не бывалого в истории этих стран единства и своеобразного «покоя».

Создавшийся в результате всего этого статус вылился у турок в своеобразную теорию, красочно выраженную одним турецким дипломатом на рубеже XVII – XVIII веков, когда турецкое кольцо вокруг Чёрного моря в результате вековых усилий объединившихся русского и украинского народов стало уже рваться и открывать доступ народам нашей великой равнины к своим морям, от которых они долгое время были силой отброшены.

«Чёрным морем и всеми берегами его владеет один султан: владений же других государей никогда не было и нет, и с тех пор как стали господствовать на том море турки, искони веков никакой чужой корабль по водам его не плавал, да и плавать не будет. Просили Порту неоднократно и теперь ещё просят, французы, голландцы, англичане, венециане о дозволении ходить их торговым судам для купечества по Чёрному морю, но Порты всегда им отказывала и отказывает для того, что владеет всеми берегами его один султан и никому другому владельцем быть нельзя. Оттоманская Порты бережёт Чёрное море, как чистую и непорочную девицу, к которой никто прикасаться не смеет, и скорее султан допустит кого во внутренние свои, чем согласится на плавание чужих кораблей по водам Чёрного моря. Это может случиться разве тогда, когда турецкая империя обратится вверх ногами» (Брикнер: 16 сл.).

Эта *пах Османья* «Османский мир», в систему которого включено было в качестве его захолустной, вне основных мировых путей, периферии и наше Черноморье, жизненно необходимое народам великого восточно-европейского материкового массива, интересовавшего султанский Стамбул только под углом зрения притекающих отсюда московских соболей и прочей пушнины, украинских выносливых рабов и прекрасных невольниц для гаремов султана и его пашей через Кафский рынок и «живой дани» мальчиков и девочек, которая регулярно поставлялась султану феодалами Западного Кавказа, такой «мир» не был выносим для народов исполинского материкового массива, которые стремились порвать оковы его с самых первых турецко-татарских попыток наложить их: конечный успех их освободительных усилий был одновременно также и победой светского, свободного от пут религии, географического и исторического знания, опять выведшего Чёрное море из мрака забвения его реального географического настоящего, не говоря уже об его историческом прошлом...

Отнюдь, конечно, не случайно, что год создания Менгли-Гиреем очаковской твердыни 1492 г. является и годом первого упоминания о днепровском (пока ещё незапорожском) казачестве, и этот же год, всего лишь через 17 лет по ликвидации в 1475 г. «великим турком» генуэзского гнезда в Кафе и замены его турецким, явился и годом открытия генуэзцем Колумбом после долгих обиваний порогов при западных дворах (португальском, арагонско-кастильском) Нового Света, позднейшей Америки, и после неудачи попытки польско-литовского правительства склонить Гирея срыть свои очаковские укрепления ценою высокого денежного откупа начинается с 1493 г. длинная цепь казацких походов и набегов на Очаков, иногда прорывавшихся и дальше на простор Чёрного моря и докатывавшихся до Кафы на южном берегу Крыма и ещё дальше до Синопа и Трапезунта в Малой Азии...

Каневские и черкасские старосты Остап Дашкевич (1523 г.) и Дмитро Вишневецкий «Байда» (1556 г. и позднейшие) стремятся примкнуть к стихийному народному движению «уходов» на Низ в «Дикое поле» от всё более заливающей Северную Украину системы крепостнического панского «фольваркового» хозяйства с тяжёлой «панщиной» и в то же время прорваться к вольному морскому простору.

И не случайно то, что свой знаменитый запорожский освободительный центр — «Сечь», сыгравшую исключительную роль в борьбе против польского панства, стремившегося к полному социальному и национально-культурному обезличению украинского народа, трудящиеся массы украинского народа обосновали на Днепровском низу за порогами.

Исключительный интерес для этого времени представляет активная оборона — наступление московской стороны и соединённые при этом действия братских великого русского и украинского народов против степных добытчиков. Из Путивля на Днепровский низ в поход снаряжена была московская рать под началом «дьяка» Ржевского. Совместно с украинскими казаками, возглавляемыми атаманами Млынским и Лесковичем, она достигла Днепровских плавней и Очакова, одновременно с тем как в 1556 г. русскими занята была Астрахань на Волжском низу. Это заставило Крымского хана Девлет-Гирея поспешно оставить московские пределы.

В это именно время украинские казаки, во главе с Дмитрием Вишневецким, прозванным «Байдою», заняв остров Хортицу и, укрепив её, положили начало Запорожской Сечи.

В сентябре 1557 г. Д. Вишневецкий отправил в Москву к царю Ивану Грозному с извещением об этом Михаила Черкашенина, того же самого атамана Лесковича, который в предыдущем году совместно с московским дьяком Ржевским шёл в поход против крымских татар в днепровские плавни и под Очаков.

В 1558 г. состоялся поход на Днепровский низ пятитысячной московской рати из «жильцов» детей боярских, стрельцов и казаков во главе с Д. Вишневецким. На Хортице к ним присоединился отряд «дьяка» Ржевского. Попытка Девлет-Гирея напасть в декабре 1558 г. на Москву кончилась для него весьма плачевно и имела своим последствием только поход московского окопничьего Данила Адашева в 1559 г. через Кременчуг к устью Днепра, в котором под самым Очаковым и с острова в море захватили два корабля, опустошив с «моря» татарские улусы, они «повоевали и отошли на Озибек остров» (Карамзин 1818: прим.561).

Засвидетельствованный летописью того времени этот «остров в море», или «Озибек остров», является не чем иным, как нашим современным островом Березанью, и если до этого времени, т.е. до середины XVI века были случаи походов украинских казаков на Очаков (1493, 1523, 1545 гг.), то в конце XVI в. и в начале XVII в. днепровское казачество уже совершает походы на турецкие тогда Белгород (Аккерман), Тягинь (Бендеры) на Днестре, а на востоке сперва Козлов (турецко-татарское Гёзлю, нынешняя Евпатория) в Крыму, а затем, пересекши в 1613 г. море по известному ещё в древности, во времена Геродота, пути поперёк моря — Синоп и Трапезунт и в 1616 г. Кафу (ныне Феодосия в Крыму), освободив там множество невольников...

Эти пограничные столкновения, при которых, конечно, никогда не мог быть обминеа наш остров Березань, куда причаливали и мирные рыбаки, и отправляющиеся в смелый морской поход казаки, не благоприятствовали, естественно, сколько-нибудь прочной оседлости на его территории. Однако о постоянном рыбопромысловом использовании острова Березани запорожцами, а также «уходниками» с Севера Украины свидетельствуют мощные пласты отложений в припристанной северо-восточной части острова, обнаруженные в результате наших археологических раскопок 1928-1931 годов и 1946-47 годов.

Даже после того, как Турция, подстрекаемая к войне с Россией, тогдашней передреволюционной, ещё королевской Францией и после крушения антирусских интриг последней в Польше в 1733 г., приняла меры к приведению «в доброе состояние к обороне» своих северно-черноморских границ против «московской опасности» и действительно стала укреплять Хотин, Бендеры, Аккерман, Килию, Очаков и посылать туда пушки, припасы, рабочих и материалы (Байов 1906; Кочубинский 1899: 96-98), старое положение, когда в ходе русско-турецкой войны 1736-1739 гг. русский главнокомандующий фельдмаршал Миних в мае 1736 г. взял Перекоп и для флангового прикрытия его, а также своих действий на Крымском полуострове против Козлова (Евпатории), Бахчисарая, Кафы (Феодосии) направил к Кинбурну (напротив Очакова при входе в Днепровский лиман на его левом берегу, если плыть вниз по течению Днепра) генерал-лейтенанта Леонтьева с двенадцатитысячным отрядом, которым крепость и была взята 8 июня 1736 года.

Даже тогда, при наличии, в виду турецкого ещё Очакова, не только турки не занимали острова Березани, напротив, когда по Кучук-Кайнарджийскому миру 1774 года, Кинбурн, укрепления которого были ещё усилены Леонтьевым, остров Березань служил при случае базой для русской (запорожской) разведки в её действиях против сидевших в Очакове турок (Байов 1906: 279-281).

Так 1 июля 1736 г. отправленная генералом Леонтьевым из Кинбурна на трёх дубках на очаковскую сторону «за языком» партия из 80 запорожцев при одной пушке направилась к Березани, где «ходят в Очаков суда от Белгорода». Здесь они захватили, благодаря имевшейся у них пушке, одно турецкое судно, на котором было семь янычар... Как видим, ничего не изменилось на Березани за 180 лет, протекших со времени Байды и Адашева... Отход всей армии Миниха из Крыма и от Перекопа на зимние квартиры 1736-1737 гг. на Север к государственной границе заставил и отряд Леонтьева, предварительно взорвав на воздух все укрепления Кинбурна, уйти на север, чтобы присоединиться к главным силам русской армии, но «статус» Березани и теперь ничуть не изменился...

Действительно в сообщениях, которые Миних получил в мае 1737 г. от кондуктора инженерного корпуса Прокофия Окулова, специально посланного им для ознакомления с Очаковской крепостью и по возвращении своём представившего по начальству план Очакова, так же как и в показаниях запорожских казаков и пленных турков, как они несовершенны ни были, мы не находим ни малейшего намёка на существование каких бы то ни было турецких укреплений в окрестностях Очакова вообще и в частности на о. Березани, даже нет намёка на самое существование этого острова, очевидно, не бывшего тогда в числе «военных объектов» (Байов 1906: 384 сл.)...

Мысль о строительстве на о-ве Березани возникла впервые не у турок и не у их учителей и подстрекателей французских военных инструкторов, а у русского командования взятого 2 июля 1737 года русскими войсками Очакова (Байов 1906: 386-393).

Овладев Очаковым, «наиважнейшим местом, какое Россия когда либо завоевать могла» (Байов 1906: 393; Соловьев 1851-1879: т. XX: 1360), Миних, отходя с главными силами опять на север на зимние квартиры 1737-1738 гг., решил ограничиться пока тем, «чтобы сбересть эту» в неприятельской ноге «занозу», это «наиважнейшее место, откуда всегда по желанию в неприятельские земли, яко-то к Днестру и к Дунаю и далее, ндти свободно можно» (Байов 1906: 394, прим. 131; Сборник военно-исторических материалов, т. XI: 86-90). Ввиду этого решено было прежде всего привести в порядок и усилить укрепления Очакова (Байов 1906: 395).

В связь с этими мероприятиями и надо несомненно поставить интереснейший подлинный документ не только этой эпохи, но в прямом смысле именно этих славных дней русской военной доблести, о которой один иностранец очевидец (записки Манштейна о России 1727-1744 гг.: цит. по (Байов 1906: 423, пр. 59;) говорит: «Я сомневаюсь, чтобы на свете было другое войско, которое, подобно русскому, в состоянии было или решилось бы терпеливо выносить такие непомерные труды, какие перенесены русскими в Очакове»...

Этот документ, сохранившийся в Одесском Историко-Археологическом музее (ОГИМ-УА-815) представляет собою миниатюрный планчик с масштабом с двумя разрезами острова Ада, (по-турецки «ада» = остров), т.е. Березани с проектом сооружений на нём, между прочим и маяка. Надписи на плане сделаны на немецком языке. План помечен Очаковым, датирован 26 сентября 1737 года, более чем через 2 ½ месяца после взятия Очакова в этом году и подписан Брадке⁷.

Очевидно, на реализацию проектов строительства на Березани не осталось времени. По крайней мере в военных действиях под Очаковым в связи с осадой его во второй половине октября 1737 г. турками Березань совсем не упоминается. Ближайший помощник русского коменданта Очакова генерал-майора Штоффельна Брадке при обороне Очакова был уже в чине бригадира и за отличие при обороне Очакова от турок произведён был в генерал-майоры.

Эпидемия в рядах русских войск, занимавших Очаков и Кинбурн, продовольственные трудности, удалённость от баз и угроза наступления значительных сил противника для отобрания Очакова при таком крайне неблагоприятном для русских стечении обстоятельств вынудили русское правительство и главное командование к оставлению этих важных пунктов, предварительно взорвав и разрушив до основания все укрепления в них 31 августа 1738 г. (Байов 1906: 553-556).

В дальнейшем ходе войны до заключения Белградского мира 1739 г. разрушенные до основания Очаков и Кинбурн не занимались войсками неприятеля, который и не делал попыток к их восстановлению (Байов 1906: 271-272). И положение Березани осталось и после этой войны таким же, каким оно было и в прошлые века.

⁷ Инженер-полковник Брадке последовательно состоял при русских комендантах Очаковской крепости генерал-майорах Бахметьеве (2.VII. — конец августа) и Штоффельне (с конца августа). Он был отправлен в оставленный неприятелем по взятии русскими войсками Очакова Кинбурн для приведения крепости в порядок. В половине октября, когда Очаков подвергся осаде со стороны неприятеля, в Кинбурне «как внутренняя городская стена, так и казармы исправлялись довольно приумножительно и изрядно» (Байов 1906: 411, 20).

План строительства на острове, составленный русскими военными инженерами в 1737 г. осуществлён был турками в два приема. Укрепления в южной части острова возникли только в 1774 г. Ещё в войну 1768-1774 гг. их не было, но уже в 1784 г. инспектировавший тогда турецкие укрепления района упомянутый французский военный инженер Лафит, посетил и наш остров и здесь в южной, обращённой в сторону Кинбурна, части острова, нашёл турецкие укрепления, которые он резко раскритиковал (Ковалевский 1906: 48), но они спокойно дожили до новой войны 1787 г. Его друг Лешевалье, давая интересные сведения об острове, относящиеся к 1787 году, ясно говорит, что турки «занимают его недавно» (Лешевалье, т. II: 357-358?) и послали в этом (т.е. в 1787 г.) пашу для командования там. К этому же времени относятся укрепления при СВ бухте острова. Но уже 7 ноября 1788 года о. Березань был взят «войском верных казаков» под командой войскового судьи Головатого и канонерскими лодками бригадира Рибаса и первый, и последний турецкий двубунчужный паша Березани Келеджа-Осман сдался присланному русским главнокомандующим Потёмкиным дежурному генералу Рахманову во главе 20 «чиновников и 300 человек войска. До сражения было гарнизону более 400».

Потёмкиным о. Березань по разорении укреплений и свозе отсюда всего имущества был оставлен в виду его неудобства: «не препятствует входа в лиман и не имеет пристани для судов... будучи ещё затруднителен для коммуникации»...

Позднее в ходе «ревизии» императором Павлом всех мероприятий Екатерины и Потёмкина Березань опять получила гарнизон в 1800 г. в числе 20-25 солдат при одном офицере, отряжавшихся сначала от Очаковской, а потом от Кинбурнской гарнизонной артиллерии и этот порядок держится до конца следующего царствования в 1825 г. (Ковалевский 1906: 52).

К 1823 г. относится план острова, автором которого является капитан-лейтенант Критский. Остров в это время входит в круг исследовательских интересов людей, изучающих прошлое Чёрного моря и нашей великой родины. Н.М. Карамзин в своей «Истории государства Российского» признаёт в Березани остров Святого Еферия византийских греков, игравший большую роль в византийско-русских отношениях X века (Карамзин 1818: прим. 355), тогда как академик Г. Кёлер уделяет ему большое внимание в разрезе проблемы о культе героя троянской войны Ахилла на Чёрном море⁸.

В 1848 г., когда А.С. Уваров, предпринимая свои «Исследования древностей южной России и берегов Чёрного моря», обратил своё внимание на древнюю Ольвию, в поле исследовательского внимания его был и наш остров, карта которого и древности с него замыкают его знаменитый вышедший в 1851 г. альбом.

Когда началась Крымская война и действовавшие против русских в Крыму войска англо-французских союзников из-за крайне неудовлетворительной у них организации санитарной службы в эту войну страдали от холеры, на Березани в виду её уединённого положения организована была изоляция холерных больных. При раскопках 1909 г. имелся случай обнаружения деревянного гроба с одним из умерших от холеры больных. Долгое время существовал и надгробный памятник одного французского лейтенанта (Прендель 1886)...

С концом войны 1853-1856 гг. Березань опять надолго погружается в покой запустения и ничто не препятствует здесь свободно гнездиться птицам, которых отмечают здесь с конца 1860-х до начала 1880 гг. Гебель, Барбот-де-Марни, Бородин, Браунер, Соколов.

Только с начала 1880 годов, времени, когда Березань была сдана в аренду под покос и выпас для скота крестьянам противоположного села Аджияск (ныне Рыбаковка) и в связи с этим опять изменила свой облик и своё население, начинается исследование Березани под углом зрения прошлого человека на острове и в связи с островом и при том непосредственно на месте и не в книжном порядке...

⁸ 31.VIII.1825 г. результаты его исследований представлены были конференции и опубликованы в 1826 г. на французском языке (Н.К.Е. Koeler 1826).

III. ОТЛОЖЕНИЕ ПРОШЛЫХ СУДЕБ ОСТРОВА БЕРЕЗАНИ И ПРИЛЕГАЮЩИХ ОБЛАСТЕЙ В ЕГО НАЗВАНИИ

а. МЕТОДИЧЕСКАЯ ПРЕДПОСЫЛКА.

Человек, живя на определённых территориях, оставляет после себя в местах своего обитания и временного пребывания не только вполне осязаемые и могущие быть созерцаемыми глазами видимые вещественные памятники. Комплексно-стратиграфическое их изучение будет не полным, если мы не учтём при этом и не включим в эти, так сказать, данные материальной стратиграфии следы, которые оставлены были этим же человеком в своей речи, в тех наименованиях, которые он давал предметам окружающего его мира.

Поколения сменялись, уходили, умирали, а наследие их в речи следующих поколений оставалось. Но не всегда новые поколения оставались жить на местах, где жили их отцы, деды и прадеды, иногда потомкам приходилось далеко уходить от мест, где когда то бытовали предки их с их речью, унося при этом с собою в далёкие края наследие прошлых веков и тысячелетий свою живую речь.

Однако на новых местах в условиях соприкосновения и скрещения с другими иноязычными группами людей, конечно, не всё речевое наследие прошлого, следы пребывания и говорения на уже покинутой родине, могло быть удержано на дальнейшее время. Прежде всего при всяких возможных условиях, при любых катастрофах и потрясениях социального и стихийного порядка, трудно представить себе положение, при котором прежнее население могло бы сразу бесследно и поголовно исчезнуть из данной местности и из её окрестностей и быть заменённым здесь совершенно новым населением, которое, придя на новые места, оказалось бы вне какой бы то ни было связи с остатками прежнего населения края и тем самым вынуждено было давать всему без изъятия окружающему новые наименования. Правда, при таких расселениях многое, особенно в наречии вновь возникающих населённых пунктов, приносится новыми поселенцами со своей старой родины или вновь создаётся из элементов старой речи пришельцев, но многое воспринимается ими от остатков прежнего населения, не всегда малочисленных. Какими в отдельных случаях малочисленными они не оказывались бы, вряд ли можно представить себе вторжение новых пришельцев в чужую страну без «языка», без опроса хотя бы какого нибудь туземного жителя, от которого прежде всего должна была быть усвоенной общая ориентировка в местности, в названиях гор, рек, поселений, если бы даже ничего из всего прочего не было усвоено.

Помимо естественного у живых людей, попадающих в новую для них местность, реального интереса к таким предметам, в далёкие от нас времена, когда примитивное мышление населяло всю окружающую человека природу духами, тесно связанными с определёнными местами, которые считались их постоянными или излюбленными пребываниями, иногда полностью отождествляясь с определёнными топографическими объектами, как река, гора, холм, мыс, остров, лес, болото, пески, в те времена для нового пришельца, хотя и коллективного, казалось обязательным знать имена этих могущественных местных духов и богов, которые совпадали с именами мест их нового пребывания...

Поэтому-то название любого пункта уже само по себе является важным документом исторического прошлого, при том не только его самого, но иногда и окрестных мест на широком пространстве, где есть сходно звучащие названия.

Конечно, не всегда новое иноязычное, вдруг в ходе истории возобладавшее в данной местности, население по свойствам присущих ему навыков речи, произношения, обуславливаемого укладкой органов речи, отличной от таковой у прежнего населения, может оказаться способным в точности воспроизвести звуки речи прежнего населения в названии данного географического пункта или топографического объекта, обычно произношение некоторых звуков меняется, а нередко непонятное в своем звучании чужое слово может по-новому переосмысливаться. Так шведский Стокгольм в XVII в. в устах русских превратился в Стекольну, в XIX в. молдавские *Бэльцу* («болота») превратились в Бельцы, а на рубеже

XIX – XX веков китайский Талиен-ван превратился в русский Дальний, а затем в японский Дайрен, ни в какой мере не представляя собою перевода прежних иноязычных названий, а лишь их переосмысление в порядке так называемых «народных этимологий».

С такими «народными этимологиями» мы бесспорно имеем дело, всякий почти раз, когда звучание данного названия, имеющее в данной языковой среде определённый смысл, не оправдывается никакими реальными свойствами объекта, к которому такое название приросло.

Исходя из такого воззрения на названия географических пунктов, топонимику, мы считаем уместным предпослать очерку исследования Березани под углом зрения прошлого людей на острове и в связи с островом по вещественным следам их на острове и в окрестностях в хронологической последовательности хода этих исследований в порядке смены поколений исследователей и в соответствии с этим изменения самой проблематики исследовательской работы, предпослать этому обзору анализ самого названия острова, которое с нашей изложенной только что точки зрения само по себе представляет собой важнейший археологический объект в полном смысле этого слова, который в конечном итоге исследования должен найти надлежащее место в комплексно-стратиграфическом изложении судеб острова и окружающих его территорий.

Конечно, анализ этот всецело принадлежат нам, является итогом нашей многолетней исследовательской работы по острову и в связи с островом на сегодняшний день, но всё же предпосылается нами истории собственно археологических исследований почвы острова так же, как ей на первом месте уже предпослан нами геологический очерк прошлого острова. Основанный на работах так же более позднего, чем первые раскопки на острове 1884 г., времени...

б. ИМЕНОВАНИЯ ОСТРОВА В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Когда Ясский мир 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г. по н.ст.) окончательно закрепил наш остров за Россией, он имел два названия.

Одно из них бытовое народное украинско-русское Березань, под которым его знали в течение веков украинско-русские «уходники» и запорожские казаки в их постоянном промысловом и военном использовании острова и прилегающих к нему вод.

Другое официальное турецкое, принятое для него недавними эфемерными только, как мы видели, юридическими османско-турецкими хозяевами острова, Бирю-узьень-ада (о-в Волчьей реки, как одновременно в форме Бирю-узьень переосмыслено было название речки Березань, впадающей с Севера в Сасыцко-Березанский лиман, равно как и самого лимана (или просто Ада, т.е. остров)), переделанное российскими канцелярскими грамотеями в Ад.

Турецкие наименования удерживались наряду с первым народным до самой середины XIX века, благодаря оторванности русской дореформенной бюрократии первой половины XIX века от народной стихии и её живой речи. (Географически-статистический словарь Российской империи, т. I: 239; Новороссийский календарь, 1854: 388-405; Военно-статистическое обозрение Херсонской губернии: 17; Журнал Министерства внутренних дел, 1851: XXX, III, 32).

Сходное явление представляет собою судьба нынешнего Белгорода-Днестровского, потерявшего своё древнее имя в 1484 г. с захватом его турками, назвавшими его Аккерманом, с каковым именем он продолжал своё бытие и при русской власти и только окончательное освобождение его доблестной советской армией в 1944 г. вернуло ему его старое русское имя ровно через 460 лет после официальной его утраты.

Имя острова Березани в обоих его вариантах весьма загадочно и в научной литературе о нём до самого последнего времени много путанного, не научного и притом далеко не всегда безвредного.

Прежде всего так хорошо по-русски звучащее слово Березань, невольно в сознании каждого знающего русский язык ассоциирующееся с популярным у нас деревом берёзой, не может происходить от названия этого дерева потому уже только, что дерево это тут на острове не только не растёт, но и никогда и нигде по близости от него не росло (Сукачёв 1934). Помимо того у нас нет данных и о произрастании на Березани каких-либо других высокоствольных деревьев кроме единственной груши, которая продолжала прозябать в южной части острова до 1880-х годов, по-видимому ещё от времени турецкого там пребывания в связи с фортификационными сооружениями 1774-1787 гг.⁹

Плодом совершенного недоразумения, вызванного либо смешением этого важного пункта на великом водном пути «из варяг в греки» с другим таким же пунктом на том же пути островом Хортицею (св. Григория у Константина Багрянородного), где действительно был засвидетельствован дуб, притом священный, или же влиянием сказочного образа острова Буяна нашего русского народного фольклора в его бессмертном литературном оформлении в поэзии А.С. Пушкина («Сказка о царе Салтане» рядом с Лукоморьем известного пролога «Руслана и Людмилы»), является помещение на Березани вместо исторической груши... дуба в статье О.А. Артамоновой-Полтавцевой (Артамонова-Полтавцева 1940: 44)¹⁰.

Чисто фольклорного происхождения с воспроизведением особенно популярного в славянском фольклоре мотива о выростании на могиле дерева (или деревьев) финал жития св. Еферия, епископа Херсонского, умершего и похороненного в IV в. н.э. в длинном и не лёгком в те времена пути Константинополь — Херсонес на острове, который затем в память его в византийских источниках получил его имя. Финал этот гласит, что на могиле святого епископа выросли деревья.

Если смерть Еферия в пути где-то между Константинополем и Херсонесом и погребение его на острове вряд ли подлежащий сомнению исторический факт, то рассказ о деревьях, выросших на его могиле, бесспорная легенда и, конечно, нельзя в поисках острова св. Еферия базироваться, как это делает между прочим, следуя за Н.Н. Мурзакевичем (Мурзакевич 1867: 132) В.В. Латышев в своём известном об этом исследовании, на наличии ныне на том или ином острове близ устьев Днепра деревьев или на их отсутствие там (Латышев 1899: 73-87; 1909: 284-297)¹¹.

Наоборот мы не знаем близ устья Днепра в море кроме Березани, ни одного настоящего острова, который пригоден был бы для целей погребения умерших в море мёртвых у народов, которые считали бы несчастьем или нечестьем предоставление трупа волнам морским. Захоронение мёртвого, особенно высокочтимого погребающими, на заливаемой волнами морскими и постоянно меняющей свои очертания морской косе вроде Кинбурнской или Тендровской, было бы равносильным ввержению его останков в волны бушующего моря.

Поэтому мы категорически отвергаем чисто кабинетные и чересчур берущие на веру все детали агнографической легенды рассуждения покойного В.В. Латышева об этом и следуем старому мнению Н.М. Карамзина, принятому затем Ф.К. Бруном и В.Г. Васильевским, по которому островом святого Еферия византийцев могла быть только наша Березань (Карамзин 1818: 153, прим. 355; Брун 1879: 14 сл; Барсов 1885: 21, 134, 223, прим. 47).

Соблазнительный, но скользкий и обманчивый путь народной этимологии, не позволяя-

⁹ Упоминается Р.А. Пренделем (1886: 217) и была видена ещё в 1888 г. покойным А.А. Браунером при посещении им острова.

¹⁰ Непонятное смешение острова св. Еферия (Березань по нашему) с островом св. Григория (нашей Хортицею) известным знатоком исторической географии нашего края Ф.К. Бруном (Брун 1879: 14) отмечается ещё в «Исследованиях о городах русских» (Брун 1844: VII, 252; Артамонова-Полтавцева 1940: 44).

¹¹ Небольшим основанием к признанию за остров св. Еферия не Березани, а Кинбурнского полуострова, как это делает В.В. Латышев в указанном сборнике (Латышев 1909: 296, может служить наличие на этом полуострове и поныне... в разных местах древесной растительности, почему этот низменный полуостров по В.В. Латышеву «тем более мог иметь её в давние времена»...

ющей расстаться с поэтическим образом берёзы, когда мы слышим имя Березани, толкнул, не далее как в 1931 г., крупного нашего ученого германиста В.А. Брима в его очень интересной и ценной по богатству собранного этим исследователем материала работе (Брим 1931: 206 сл.), на принятие без всякой критики чрезвычайно искусственного, надуманного, ненаучного и вряд ли безобидного для нас в политическом отношении толкования имени нашего острова, как русского перевода (Sic!) со скандинавского Бьорке, т.е. Березовый остров, выдвинутого не так давно известным шведским ученым Т. Арне (Arne 1917: 40).

Совсем непонятно, во-первых, как могло понадобиться русским назвать у себя давно и хорошо известный им остров чужим именем при том не просто заимствовать его из этого языка, подвергнув его может быть легкому видоизменению для осмысления его в порядке народной этимологии, а почему то переводить его с этого языка, во-вторых, не менее непонятно как варяги-скандинавы могли дать острову название по имени дерева, которое на этом острове не растёт, и по-видимому никогда на нём не росло...

На эти наши недоумения пытается дать ответ романтика «великого водного пути из варяг в греки». На далёком севере на родине варягов в шведской Балтике в отправном пункте «великого пути» на озере Меларн есть остров Бьорке так же ещё и известный о-в в Финском заливе. И вот, когда при конце длинного пути по речным путям бесконечных материковых равнинных пространств нашей великой Родины, преодолев, наконец, эту жуждую им средю, варяжские викинги оказывались опять в родной им морской стихии, встретив тут сейчас же при выходе из Днепровско-Бугского лимана маленький островок, они назвали его дорогим для них именем Бьорке, берёзовым островом, хотя ни одной берёзки на нём не росло...

При всей романтичности такого построения, оно не только мало вероятно, но и совершенно невозможно, если только мы из варяжской «перехожей» для нашего побережья среды, перейдем к местному населению, которое имело многовековую традицию знакомства с островом длинного ряда поколений, которые, если и не жили на самом острове, то во всяком случае посещали его и плавали мимо него...

Принятие такого надуманного противоестественного кабинетного предположения ставляло бы, естественно, сделать дальнейший вывод о нашем народе — в древности, как об абсолютно инертном, вплоть до полной неспособности самостоятельно завязать сношения по своим речным путям с берегом ближайшего к нему моря, не говоря уже о заморских странах, что полностью опровергается и находится в самом резком противоречии с нашими данными хотя бы об антах III – VI вв. н.э.

Селящиеся всегда у рек (см. «Стратегикон» Маврикия; Мишулин 1941: 253), умело переправлявшиеся через реки «превосходя в этом отношении всех людей», на своих одноподеревках, также как соплеменные им славяне, отваживаясь пускаться и в далекие моря (Рыбаков 1939: 326) анты никак не могли не иметь того или иного своего названия для нашего острова и менее всего нуждались для этого в появлении выходцев с далёкого туманного скандинавского Севера, чтобы перевести свое название острова с чужого языка.

Если даже не делать такого естественного вывода из противоестественного допущения Т. Арна — В.А. Брима, то получится другой не более утешительный вывод: безнадежная тупость и несамостоятельность народа, который мог прожить века, не имея будто бы собственного своего названия для такого важного пункта на путях своих внешних связей, а если и имел его, то легко от него отказался при первой встрече с «варягами», услышав от них, как они называли наш остров. Но даже, если на один миг допустить, что наши предки были такими, какими их необходимо было бы признать, если принять данное Т. Арне объяснение названия острова Березани, то, конечно, они попросту усвоили бы себе чужое название острова, приспособив его к требованиям своей фонетики, и может быть осмыслив в порядке народной этимологии, но уж никак не стали бы его переводить с чужого языка на свой. Таких вещей в жизни и в истории не бывает; это — чистейший плод оторванной от жизни и жизненной правды искусственной книжно-кабинетной учёной надуманности.

К сожалению, концепция Арне-Брима некритически, хотя и в глухой, слегка затуманенной, формулировке, полностью повторяется в не так давно изданной книге В.В. Мавродина

¹² «Путь же на юг был к тому времени» созданию Олегом в результате объединения им двух русских государств Славии с Новгородом и Куявы (Киева) в 882 году — у В.В. Мавродина — 892 г. уже проложен. Уже в начале или в середине IX в. сложился великий водный путь «из варяг в греки» на всём протяжении от Скандинавии до Константинополя («*Miklagardr*»)… Он шёл от Бьюрке (*Björkö*)… К этому времени фигура «варяжского гостя» с севера… стала привычной… За Киевом, спустя несколько дней пути, начинаются знаменитые пороги, описанные Константином Багрянородным… за Крайней переправой остров святого Григория, остров Хортица, где стоял огромный священный дуб. Итересно отметить, что остров Хортица носил название «Варяжский остров». Далее, последняя остановка перед выходом в море, остров святого Еферия (греч.), называемый русскими Березанью, а варягами, повидимому, *Björkö* (Берёзовый остров). Материализованным следом пребывания здесь варягов является знаменитая руническая надпись конца XI или начала XII в.: «Грани соорудил этот холм по Карле, товарище своему».

За Березанью путь лежал вдоль берега Черного моря…»

Если изложенное соответствует хоть данным географии, дальнейшее представляет собою недопустимую путаницу: «Тут лежали Белобережье наших летописей и пресловутый Ахиллов бег. Здесь в первой половине X в. была какая-то стоянка русских-дромитов (Дромити), упоминаемых в связи с событиями 941 г. у Феофана, Георгия Амартола и Симеона Логодита. Это была стоянка предприимчивых и подвижных воинов-купцов, совершавших свои стремительные налёты и походы, своего рода форпост Руси для нападений на Византию. Недаром Белобережье и Березань играют такую большую роль в русско-византийских отношениях X в.; недаром где-то здесь, неподалёку вырастает русское Олешье, недаром позднее действует здесь берладская вольница»… Это важная, но уже совсем другая тема, тема о русском Лукоморье в широких рамках от Берлади на Западе до Олешья на Северо-Востоке с Юго-Восточным ответвлением к славному Ахиллову бегу (Тендра), но никак уже не о великом водном пути из Скандинавии до Константинополя-Миклагарда. Если Белобережье, сейчас же за Березанью и, начиная с Березани, как мы видели, составляет важнейшее звено этого пути, знаменитый Ахиллов бег лежит уже на другой тоже важной магистрали к Корсуни-Херсону-Херсонесу, как это явствует из договора Игоря с греками (944 г.), и дальше через наиболее узкую часть Чёрного моря к Синопу в Малой Азии, куда вёл и другой не менее важный путь с Востока, с Азовского моря, из Тмутаракани и Корчева (Керчи), что видно из пути, которым возвращался Игорь из своего неудачного похода под Царьград в 941 году. Наряду с действиями Аскольдовой Руси под Константинополем с 18 по 25 июня 860 года описание грабительских действий «злобуйственного скифского народа, называемого «Рос» у Синопа в то же время в «Житии патриарха Игнатия» (Мавродин 1945: 214 сл.) свидетельствует именно об этом втором (не прямом к Царьграду) пути.

Правильно расценивая события 860 г., как войну между Русью и Царьградом, В.В. Мавродин совершенно произвольно (Мавродин 1945: 215) проецирует отношения середины X в., засвидетельствованные договором Игоря с греками 944 г. и нашими археологическими раскопками на Березани, открывшими богатые вещественные следы пребывания Руси на этом острове с X по XIII века, но не раньше, на середину IX века и пускается в домыслы, ничем не подтверждаемые. Истребление соотечественников Руси «ромеями», которое по Фотию, послужило поводом к военным действиям со стороны её против «ромзев», нельзя рисовать себе по договору 944 г. об острове Эферия. Прежде всего договор этот скорее стремится оградить греков и в частности херсонеситов от нападений со стороны Руси в области Днепро-Бугского лимана (конечно, не «Днепровских и Бугских лиманов» как у В.В. Мавродина), а не наоборот, не говоря уже о том, что никаких ни вещественных, ни документальных данных к тому, чтобы рисовать себе такую картину, будто (у В.В. Мавродина «очевидно») («незадолго до 860 г. греки нарушили соглашение «между Русью и греки») и перебили… русских рыбаков и промысловиков где-нибудь у Белобережья или на Березани, у нас для такой ранней эпохи нет…

В перечне племён, участвовавших в походе Олега 907 г. мы находим тиверцев, с пояснением «яже суть толковины» (Мавродин 1945: 228), но не видим уличей; это сильное лукоморское племя было, очевидно, важнейшим препятствием к проникновению Киевской Руси к Лукоморью до того, как они не были сломлены уже Игорем, после трёхлетней трудной осады им их города Пересечна. Кроме того, Болгария времён Бориса и Симеона, т.е. с середины IX века и до 927 года не была пустым местом, по которому без её желания могли проходить завоевательные или грабительские полчища, ставившие себе чуждые её интересам цели. Поэтому наличие этих двух не подчинённых ни Киеву, ни Царьграду сил исключает всякую возможность говорить, как о русской Березани до середины X в., так и о существовании сквозного великого водного пути до этого времени. Изменение ситуации после того, как с одной стороны, Игорь «примучи уличи и возложи на ня дань», а с другой на болгар-

Однако, абсолютно отвергая связь острова Березани с деревом берёзой, мы отнюдь не считаем исключённую возможность связи его со словом берёза, но это, конечно, должно завести нас вглубь времён во всяком случае до-славянскую, если не до индо-европейскую, когда соответствующее слово приложено было к данной породе дерева за его светлый, белый цвет, за его берёзовую кору (Б -ч: 423), тогда понимать наше современное название пришлось бы не как «берёзовый» остров, а как «белый» или «светлый» остров. Для близлежащего, сейчас же на Запад от него аджиякского мыса, остров Березань, как восточный, как остров восходящего солнца, действительно мог называться белым, светлым, т.е. солнечным островом. И действительно поблизости, тут же как у нас в Северо-Западном Причерноморье против устьев Дуная в древности известен был такой Белый остров, который назывался по-гречески *Λευκή* (белый). У Пиндара *Φαννά* (?) светлый остров (Толстой 1918), и туземцы, повидимому, называли его Спил(ос), что сохранила нам поэма Ликофрона III в. до н.э. «Александра» и древние схолии к ней (Латышев 1893: 398, 402, 407) и что, по-видимому, имело то же самое значение, что и греческое *Λευκή* и вряд ли случайно созвучно с грузинским названием древнейшего металла «меди» — «бронзы» *Стил-эндз-и* и с латинским глаголом *Splendex* «блистать» и прилагательным *Splendidus* «блестящий».

Для устьев Дуная и Добруджи он был действительно светлым островом и Левке в Чёрном море перед устьями Дуная, ныне Змеиный (Фидониси, на румынских картах Шерпидор), и Березань перед устьями Днепра и Буга нередко смешиваются (Латышев 1904: 175).

В путях такого истолкования имени острова Березани, мы находим себе мощное подкрепление в древне-русском Белобережье X века нашей эры, из которого несколькими веками позже средневековые итальянские мореходы на Чёрном море XIII – XV вв. не без посредства болгарского Бялобрежие сделали Барберезе своих карт, о чём мы уже говорили выше. Тогда слово это, слово «скрещённое» будет представлять собою освежение прибавкою первого его компонента «Бело» — к основному старому «рыкающему» берег, берез, утраченного им первоначального смысла «белый», «светлый», «солнечный». И название одноименного лимана жителями его западного аджиякско-тузлинского берега в значении «белый», «светлый», «солнечный», «восточный» тоже будет понятным.

При такой локализации древне-русского Белобережья станет понятным рассказ летописи о зимовке Святослава с малой дружиной зимой 971-972 гг. (972-973 гг.) где-то в Белобережье. Если представить себе это Белобережье не в островном положении, не окружённым водою, чуждой кочевникам-печенегам стихией, совершенно будет непонятным, как Святослав мог надеяться на безопасность от печенегов в любом пункте побережья, и как он действительно мог бы быть в такой безопасности, пока не двинулся в путь к Киеву вверх по Днепру. Только с принятием за место зимовки острова Березани всё становится понятным: пройти в ладьях пороги Днепром, не выйдя на сушу, нельзя было. Путь

ском престоле великого царя Симеона (893-927) воссел слабохарактерный муж византийской Марии с влиятельным «ромэйским» окружением Пётр Кроткий (927-968 г.), создало обстоятельства, при которых «русские рыбаки и промысловики» на Березани и вообще у Белобережья стали обычным явлением, побудившим составителей договора 944 г. учесть его. Проникновение отдельных групп искателей приключений из Новгорода в Киев по позднему великому пути ещё на 100 и даже 150 лет раньше не делают его ещё правильно функционирующим путём и, как раскопки на Гнездовском могильнике близ Смоленска, так и наши раскопки на острове Березани 1927-1931 и 1946-7 гг. вполне это подтверждают. Только в эпоху Игоря путь этот был прочно проложен… Если нельзя будет установить, что Олег действовал под Царьградом, как союзник Симеона Болгарского, то свидетельство нашей летописи о движении Олега к Царьграду в 907 году «на конях» и на кораблях в первой своей части надо отнести к тем фантастическим подробностям (Мавродин, 1945: 229) фольклорного порядка, которыми сразу оброс этот славный поход… Здесь возможно влияние на летописную редакцию рассказа об этом походе, похода Игоря к Дунаю в 944 г. Аналогичным явлением представляется нам бесспорное смешение событий эпохи Игоря и Олега, под именем последнего, как более популярным, в известном еврейско-хазарском документе в толковании его академиком П. Коковцевым (Мавродин 1945: 235 сл.).

Свенельда вверх по Бугу, как будто на конях, давал бы такую возможность и в ладьях: порожистая часть Буга не так непреодолима для ладий, как непреодолимы были Днепровские пороги в районе Ненасытца (древней Неясыти) (Карамзин 1818: т. I, 193, прим. 415)¹³.

Не исключается, конечно, на определённых этапах развития языка и мышления и расширенное применение термина Белобережье для всего берега от Белгорода-Днепровского на Западе, во-первых, как «белого» в смысле «вольного», как территории, на которую не распространялась юрисдикция ни Киевского (а позднее и Галицкого) князя, ни болгарского и греческого царей и где вольные и предприимчивые, при том вооружённые, люди себе нашли способы к существованию, но Березань всё же передовой и головной пункт этого берега со стороны Днепра, как с другой стороны, она же является и передовым пунктом древней Руси, выдвинутым в южное море, прославившее в те века русским...

Во-вторых, также не исключается, конечно, для самых поздних времён, расширенное понимание термина Белобережье, как обозначения белого известнякового берега, всей области выходов т.н. «одесского» известняка по самый остров Березань на Востоке. И в этом случае, так как далее к Востоку таких выходов известняка уже больше нет, Березань для плывущего со стороны Днепров-устья и лимана будет опять таки первым, головным пунктом Белобережья и опять таки Белобережьем по преимуществу.

д. ОСТРОВ ВОЛЧЬЕЙ РЕКИ

Прочная традиция нынешнего названия нашего острова Березань-Барберезе-Белобережье, уходящая далеко вглубь веков и прочно связанная с основными элементами нашей отечественной речи, решительно исключает выплывающее на некоторых картах XVIII – XIX вв. упомянутое уже нами туркизованное, очевидно, тоже в порядке народной этимологии название нашего острова *Бирю(к)-узьень-ада* «островом Волчьей реки», как обозначается впадающая в Сасычко-Березанский лиман степная речушка Березань, в летнее время, как и другие такие речки, пересыхающая.

Совершенно противоестественно было бы перенесение названия такого незначительного объекта как речка Березань, при том не всегда функционирующая, как таковая, на такой значительный объект как Березанский лиман, а тем более как остров в открытом море напротив входа в него. Нам представляется более естественным обратный путь распространения всех этих названий.

Это объяснение, держащееся до сих пор в некоторых словарях, исторических географиях и справочных изданиях, нами решительно отбрасываемое, является ярким образчиком младенческого состояния нашей науки в этой области в XIX веке и её шатания в дореволюционную эпоху «из Немеччины да во Туреччину» и заслуживает сдачи в архив истории научных курьёзов прошлого вместе с её германистическим соответствием «Берёзовым островом» в открытом Черном море, филиалом у нас Скандинавского острова Бьорке. Не лучше и большинство других обычно принимаемых у нас туркологических объяснений названий рек и озёр Северного Причерноморья, как это нами показывается в другом месте...

¹³ О пребывании Святослава на зимовке в Белобережье: «не б(ять) у них брашна уже, и б(ять) глад велик, яко по полутривн(ять) — глава коняча»... Утверждение В.В. Латышева (Латышев 1909: 290, прим. I) со ссылкой на авторитет П.О. Бурачкова (Бурачков 1875: 44), что «о. Березань представляет и физическую невозможность для зимовки большому количеству людей» не опровергает ни в какой мере возможности зимовки там Святослава с малой дружиной. Утверждение же Латышева о том, будто Березань не давала для русских однодеревков «защищённой от ветров стоянки», так как, по Латышеву «остров этот открыт для всех ветров», то это утверждение нашего ученого, писавшего эти строки без личного знакомства с островом, полностью опровергается всем, что нами выше сказано — на основании неоднократного длительного проживания на острове и общения с местными старожилами-рыбаками, а не с горожанином херсонцем П.О. Бурачковым.

е. ВЫСОКИЙ ОСТРОВ

Однако, этимология имени Березани, как Белого, светлого, солнечного острова, острова восходящего солнца не исключает ни в какой мере, но, по-видимому, на другом этапе развития языка и мышления, связи его со вторым компонентом составного имени Белобережье, со словом «берег» не в современном его русском значении всякого берега, а в первоначальном «высокого, крутого берега», которое сохраняет его живое соответствие в современном французском языке «*la berge*», первоначально означавшее одновременно и «гору», что уцелело не только в современном немецком «*Berg*», в противоположность к морю, реке и песчаному взморью — «*косе*», но и в карпато-русском «верх» (рум. *Върфу*) в значении «гора».

Интересно, что как раз в приберезанских местах в говоре местного населения Березани обычно противопоставляется Коса (обычно без прибавления Бейкушская) на материке на восточном берегу Березанского лимана у села Бейкуш, как гора противопоставляется песчаной низине. В слове *ко-са* первая половина «*ко*» — созвучна и по-видимому родственна первому компоненту имени эпонима древних Сколотов-скифов времён Геродота *Ко-ла* (*кса-ис*) и с таким же переходящим без ударения в «*у*» или «*а*» компонентом названий древних местных лиманов, озёр и рек северо-западного Причерноморья, как *Ко-ял*, *Ку-ял* в составе нынешнего *Ку-яль-ник*, *Ку-чур-ган*, *Ко-гиль-ник*, *Ко-гъл-ник*, *Ко-гур-луй*, *Ку-гур-луй* и в акающем варианте *Ка-гул*, также река *Ку-болта* в северной Молдавии между Прутом и Днестром среди притоков Реута, правого притока Днестра, а между Днестром и Южным Бугом правый приток последнего река *Ко-дыма*. Вторая половина его *-са*, по-видимому тождественна с одной стороны с китайским *ша*-«песок» и немецким *Sa* — в том же значении, усложнённым суффиксом *-nd* в *Sa-nd* «песок». Соединительное звено между ними в открытом степном Причерноморье естественно, так как нет никаких непреодолимых преград для сношений и распространения населения в течение веков и тысячелетий на всём пространстве материка на Запад от Джунгарского прохода по великой евразийской равнине до Бискайского залива на Западе, как нет их и на Восток от этого прохода по обширным пространствам плоскогорий центральной Азии. Для нас довольно в данном случае и первого прямого из названных значений «высота», «высокий берег». Интересно, что в языке древнейших исторических обитателей Армении халдов-урартов засвидетельствовано почти полностью созвучное с названием нашего острова слово *barzani* (выделено автором), специализировавшееся уже с первоначального значения своего «высоты» на производном «культовое место», «кумирня» (Марр 1935: 501). Индоевропейский компонент армян, как известно, представляет собою нечто иное, как крайнее юго-восточное звено цепи восточно-индоевропейских племен иллиро-фрако-фригийской в языке центрального из звеньев которой фракийском засвидетельствовано слово *βέεζανα* (Прокопий Кесарийский, 1939: 257), как название географического пункта в северной части Балканского полуострова в Дардании среди укреплений, воздвигнутых или восстановленных восточно-римским императором Юстинианом I (527-565 гг.) в областях, примыкавших к северной, дунайской границе империи в защиту её от напавших на неё с севера варваров. Норберт Йокль в своих работах о древних народах балканского севера («*Realexikon*» Макса Эберта) привлекает для пояснения этого названия уже приведенное нами армянское — высокий, высота, высь, гора. Таким образом, слово это в своём древнем переживающем и в нашем Белобережье и в современной Березани названии имеет свои глубокие, исконные корни в древних туземных языках Причерноморья иллиро-фрако-фригийских, от которых на их северо-восточной периферии когда то в конце концов отпочковались славяне.

Очень важное подтверждение верности принимаемой нами туземной (фракийской) формы древнего названия нашего острова Берзана, закономерного звукового предшественника нашего современного русского Березань с полногласием и с заменой конечного *-а* через *-ь*, мы усматриваем в древнем специальном термине [...] ¹⁴, как называлась доставляемая с Чёрного моря в Грецию солёная рыба. Для нас особенно ценно, что увязыва

¹⁴ Прим. ред. — здесь и далее обозначение авторского пропуска в тексте рукописи.

название этой рыбы с нашим березанским побережьем такой глубокий знаток древностей Причерноморья Ф.К. Брун, хотя ему не было ещё известно выше нами приведенное фракийское *βέεζανα* (Брун 1879: 92).

ж. БЕРЕЗАНЬ-БОРИСФЕН ГРЕКОВ

Для античной эпохи рядом с этим ?...? или ?...? нашей Березанью, иллиро-фрако-фригийским туземным, как будто констатируется ещё и очень близкое к нему в звуковом отношении ?...? или ?...?, как его вместе с Днепро-Бугским лиманом, рекою Днестром и даже в устах греков из метрополии и городом Ольвиею, как естественным и крупнейшим центром всей Борисфенской (Приднепровской) округи, называли греки. Мы сомневаемся в туземности для Поднепровья (не говорим о Побужье) этого древнего негреческого названия Днестра, распространённого на него греками, но в стране как чуждого ей, за ним не удержавшегося и вытесненного нашим словом Днепр (Болтенко 1930: 39).

Нам представляется дело так. Именование тем же термином в доахейские, догреческие времена, по Стефану Византийскому (Латышев: 1890: 256) позднейшего Геллеспонта, нынешних Дарданелл, приводит нас к убеждению, что греки, впервые добравшись в середине VII в. до н.э. до входа в Днепровско-Бугский лиман между мысом Самбаш (Гассан-Паша) в Очакове и Кинбурном слышали в приложении к нему туземное западно-Черноморское фрако-фригийское слово ?...? как нарицательное в смысле «пролив», «морская теснина». Так как на первом этапе знакомства с этими местами их интересовали в основном рыбные промыслы и центр этих промыслов расположился на Березани при солончаке Тузла на Запад от Березанского лимана и на Днепро-Бугском лимане, это название затем было распространено и на Днепр, так как греками Днепровский лиман понимался как простое продолжение реки Днестра.

Только в свете такого понимания Геродотова Борисфена становится понятным непонятое и искаженное всеми нашими переводчиками место «истории» Геродота (IV, 53), где он говорит о впадении Борисфена в море... Во-первых: ?...? [Здесь, очевидно, автором планировался отрывок из Геродота — прим. ред.].

Иван Мартынов (Мартынов 1827: 401) переводит первый отрывок так: «При устье сей реки соль сама собою оседает в неисчерпаемом изобилии. В ней ловятся большие киты без костей, называемые антакеями, коих солят; и много другого доставляет она, достойного удивления»... второй: «Борисфен, приближаясь к морю смешивается с Ипанисом и вместе с ним впадает в одно и то же болото». Ф.Г. Мищенко в 1885 г. (Мищенко 1885): 1) «...у устья реки сама собою собирается соль в огромном количестве; в Борисфенесе водятся огромные рыбы без позвоночного столба, называемые антакеями и идущие на «соление, и много другого достойного внимания»... и 2) «...Вблизи моря сливается с ним Гипанис и впадает в общее с ним озеро»... Наконец, Е.А. Бессмертный в том же году в издании В.В. Латышева (Латышев 1890): 1) «...в устье его сама собою в изобилии оседает соль; в нём ловятся для соления большие рыбы без позвоночника, называемые осетрами, а кроме того есть многое другое, достойное удивления»... и 2) «...Когда Борисфен в своем течении приближается к морю, с ним соединяется Ипанис, впадающий в один с ним лиман»... Наш личный, ещё не опубликованный, перевод этих мест гласит: 1) «...И при устье его (Борисфена) образуется самосадочная соль в неизмеримом количестве. Там ловятся на засол огромные рыбы без костей, называемые осетрами. Приносит он и многое другое, заслуживающее удивления»... 2) «...Итак, когда Борисфен в своем течении оказывается вблизи моря, с ним смешивается Гипанис, впадающий вместе с ним в море в одной болотистой низменности» (дословно: «в одну болотистую низменность»). Последний термин: ?...?, конечно, ближе всего к греческому его пониманию переведен Мартыновым «болото», но во избежание понимания этого слова, как «озеро» (Мищенко) или «лиман» (Бессмертный), что чуждо греческому языку, лучше передать его словами «болотистая низменность». Такой пейзаж и представляет собою побережье на севере Бейкушской косы на восточном берегу Березанского лимана и солончак Тузлы, отвечающий кроме того и другому показа-

нию Геродота об устьях Борисфена об оседании в них самосадочной соли в неизмеримом количестве, на юге такой же пейзаж представлен и на северо-восточной стороне острова Березани, где окаймляющая низкий береговой уступ острова «полоска низменного намывного берега, сложенного из песка и галечника» (Соколов 1896: 243), поросшая камышом «представляет удобное место для причала лодок и судов с мелкой осадкою». Это и есть Геродотово ?...?, куда соединившиеся Борисфен и Гипанис вместе вливают свои воды.

Конечно такое понимание нами истории термина Борисфен у греков отнюдь не означает ни в какой мере, что до появления на нём греков остров наш не носил созвучного с нашим современным туземного названия в значении или «высокий», «крутой берег», «гора», или «светлый остров». В таком случае, именование его греками одним общим именем с Днестром есть простая конвергенция двух разных по происхождению, но близких по звучанию названий ?...? или ?...? с одной стороны, независимо от того, усвоили ли греки название Днестра от фрако-фригийцев Западного побережья в значении «морского пролива» и распространили его сами с пролива между мысом Самбаш и Кинбурном сначала на весь Днепровский лиман, а затем и на всю впадающую в него великую реку или же фрако-фригийцы не делали различия в своем словаре между «рекою» и «проливом» и прилагали к тому, и к другому одинаковое слово ?...? как современные арабы слово «*бахр*».

В последнем случае, если греки застали на Нижнем Днестре это название, как название реки Днепр, со своими знаменитыми поросшими лесом «плавнями» на островах дельты, бывшими причиной именованья греками этой местности ?...? — Полесье со страшным царём животного мира плавней *кабаном-вепрем-боровом*, то тогда ?...? будет означать «Вепря (род. п.) река», т. е. то же самое, что и ?...?, но в обратном порядке именно «Река (Дан)вепря» ?...?. Тогда наше русское «боров», а не «море» будет лежать в основе этого названия.

з. ОСТРОВ БЕРЕКИНТИЕВ

Но так или иначе звучание в обоих наших словах звонкого губного Б, засвидетельствованного древностью (Геродот II, 2) как закономерное звукосоответствие греческому (и, как мы видим теперь и русскому (п/П) в слове *бек* —(ос) — «печ-иво», «печенье», «хлеб», соответствующего греческому и нашему «пек» (во фригийском языке, языке *бруг-ов, берекинтиев* или *асканиев*, как они сами себя называли) ([...] 1896: 186).

Второй вариант их племенного самоназвания полногласный «по-русски», как и имя острова Березани, представляет собой не что иное, как вариант этого имени и остров тогда можно было бы признать и островом берекинтиев-фригийцев, ни в какой мере при этом не обязательно пришлых из Малой Азии, так как «*Бэ-кание*» в топонимике является характерным не только для острова Березани, а лежит и в самом названии могучей многоводной реки *Буг* (т.е. *Бога*), впадающего здесь же рядом в Буго-Днепровский лиман с Северо-Запада.

Однако на определённом уровне развития языка и мышления река, одноименная тому или иному племени, по ней обитавшему, считалась его родоначальником и обожествлялась. Фригийскому происхождению нашего слова «*бог*» и названия реки *Буг* (*Бог*) в то же время не придется удивляться, если вспомнить, что у фригийцев верховное божество бог неба назывался ?...?. (?...? указ. соч.: 198 и сл.) как ?...? даёт у нас закономерно «*бог*, так «скифский» его эквивалент ?...? (возможно, Папай — прим. ред.), который Б.Н. Гракову в его последней работе о скифах (Граков 1947: 86) совершенно справедливо представляется туземным до-скифским, имел у нас закономернейшее звукосоответствие в слове «*пот*», что в точности подтверждается показанием Элия Иродиана (Латышев 1890: 578, Элий Иродиан), о том, что как раз у скифов так («*попаны*») называются идольники, т.е. боги (*попы*) или изображения богов. Давно установлено (Марр 1934: 268), что первоначально одним и тем же словом обозначали и богов, и их изображения, и служителей культа. Общность у нас в языке такого значения слов, неизолитованная, а представленная целым потоком аналогичных явлений, ср. русское «*боров*» рядом с «*вепрь*» и «*кабан*» при наличии также слова

«поросля», более соответствующего звучанию основного фонда слов нашего языка данного порядка, как лат. ?...?, наше «бор» — «сосна», «сосновый лес» ср. «нем ?...? сосна».

Вспомним теснейшую увязку во фригийском культе Атиса (столбцы 715-727; Roscher 1893: 100-101, 1638 сл.) бора-сосны и борова-кабана.

Бог-Буг и Березань, как остров *берекентиев* — фригийцев (*фригов*) — *бругов* (*бригов*) не стоят здесь в северо-западном Причерноморье изолированно. Буг, как нарицательное название для реки (и озера), имеет распространение на запад через Днестр в область придунайских озер, где мы имеем озеро *Катла-Буг*, за которым дальше к западу следует с переходом фригийского «бэ-кания» (ср. фриг. *Бек-ос*) в спорское (праславянское) «пэ-канье», узловым представителем которого в топонимике северо-западного Причерноморья является нынешняя река Прут, древняя Пората или ?...? (Геродот. IV, 48), так же как и белый остров Ахилла — Владыки Чёрного моря (Понтарха) Левка-Фидониси в туземном звучании его названия *Стл (ос)*. Что между Днестром и Прутом проходила древняя диалектическая граница между *бэканием* и *пэканием* свидетельствуют не только Ялпуг на Западе и Катлабуг на Востоке нижнего Подунавья, но и Молдавская речка Ботна на Приднестровском Востоке, правый приток Днестра, впадающий в эту реку чуть пониже Беидер в нашей Советской Молдавии рядом с другой Молдавской же речкой Путною на Западе, правым же притоком Серета в Запрутской Румынской Молдавии, в районе города Фокшан почти на границе с Валахией.

Если принять имя *берек-*, *берег-*, *берез-*, как в основе своей племенное, то вполне понятным станет и одновременное приложение его при полисемантизме речи к ряду слов *гора-небо-бог-солнце*, к которому могут быть возведены значения и «высокий», «высота» и «белый», «светлый», которые уже нами рассмотрены.

Разделявшее для древних греков два Борисфена: южный — Геллеспонт или Дарданеллы и северный Днепро-Бугский лиман, собственно пролив, соединяющий лиман с морем, Чёрное море, древний Понт Аксинский, народной греческой этимологией истолковывалось как «негостеприимное» и потому, когда греческие плавания в это море, участвовавшие, стали обычным делом, было переделано ими в Эвксинский Понт, т.е. — гостеприимное море. Однако название это в его первоначальном туземном звучании, повидимому, совпадало с третьим племенным названием *фригийцев-бругов-берекентиев-асканиев* ?...? (эпоним местности Аскания при одноименном озере в Вифинии «*вождь копьеборных мисийцев*» в Илиаде № 792 в передаче Страбона XII 565, ср. Илиада В 862) рядом с другими мифическими представителями фригийцев в Илиаде ?...?, в другом произношении *Борку(-ко)*, ср. *Борисфен, боров и Борей*, ?...?. Илиада Г 186 (указ. Соч. Стр. 192?) и, пожалуй, лучше ?...? или ?...? (как в надписях именуется малоазиатский лунный бог ?...?), находящее себе подкрепление в эпитете бога Аполлона ?...? от названия местности ?...?.

Это чрезвычайно важно для нас тем, что оно в той же среде фриго-малоазиатской находит соответствие не только основной части нашего слова *Берек (Берег) Берез-*, но и «суффиксу» *-ань*, представляющему собой закономерное звукосоответствие фригийскому - ?...?. Это прежде всего объяснит почему жители Приднестровской Тиры (?...?, ныне Белгород-Днестровский) официально никогда не называли себя тиритами, как следовало бы ожидать по-гречески и как их называет Геродот (Геродот. IV, 51), а тирянами, как это выходило бы по-фригийски, и, прибавим, по-славянски. Элемент «суффикс» *-ань*, имеющий довольно широкое распространение в русской речи и в топонимике, особенно оказывается у себя дома в северо-западном Причерноморье и специально в Побужье. Это прежде всего наше русское слово «елань», или «ялань» — «открытое», «голое», «лишённое растительности место», повторяющееся в ряде речек — *Е(Я)ланей, Яланок, Яланцов, Еланчиков*, начиная от Запрутской (румынской) Молдавии в бассейне нижнего Прута до Приазовья, дальше Умань, Ятрань, Саврань, Гнивань. Тот же элемент здесь же у нас в северо-западном Причерноморье и с другими огласовками, во-первых в форме *Унь-Висунь*, приток Ингульца, впадающего в Нижний Днепр справа повыше Херсона, далее *-ынь*: Горынь, правый приток Припяти на Волини и др. В форме *-ин* (?...?) он занимает другое положение, стоя не в конце сложения, а на первом месте: *Ин-гул, Ин-гул-ец*, названия зна-

чительных рек Буго-Днестровского Междуречья. Напрашивается сопоставление с далёким пространственно северо-восточным удмуртским (вотяцким) ?...?. в значении «бог», увязываемым покойным Н.Я. Марром с «а» — в значении «небо» в широком распространении от далёкого удмуртско-комийского севера (*уе* — «образ», «икона», «бог» и *уе* — «небо» в комийском языке) до древнейших языков передне-азиатского Двуречья на далёком Тигро-Евфратском юге, и, наконец, что надо принять в наших случаях, географической номенклатуры на *-ань*, *-унь*, *-ынь* за суффикс, обозначающий «место» (Марр 1935: 499-502).

В полном соответствии со сказанным стояло бы и наличие на месте нынешнего Станислава (в древности мыс Гипполай между устьями Буга и Днепра на северном берегу Днепровского лимана) святилища Матери — ?...?, если принимать такое чтение соответствующего места Геродота (Геродот IV, 53) другое чтение ?...?. Это вполне гармонировало бы со свидетельствами географов римской эпохи, знающих в нашем северо-западном Причерноморье целый ряд пунктов с малоазиатскими названиями. Так Плиний Старший (Плиний Старший IV, 82) перечисляет на восток от Днепра (опечатка в рукописи?, «Днестра»? — прим. ред.): племя асиаков, одноименных реке ?...?; за ними *кробиггов*, реку Роде, залив Сангарский, пристань Ордеосос.

Эти моменты топонимического порядка рядом с отмеченными фригизмами в существеннейших частях нашего словаря и, по-видимому, не только словаря — говорят о весьма существенной роли в нашей этногонии и в сложении нашего этнолингвистического целого, наряду со скифским, также «фригийского» элемента, для которого прослеженные нами топонимические данные как будто бы указывают определённую, исконную территорию у нас в Северо-Западном Причерноморье, главным образом, в Буго-Днестровской области.

В установлении территориальных связей нашего имени заслуживают быть отмечены в современной топонимике северо-западного Причерноморья, селение Березаны в Запрутской (Румынской) Молдавии между Нижним Прутом и Протокою Елану, в советской Молдавии селение Брезая на юг от упомянутой Ботны.

Нельзя, говоря о Березани-Борисфене, не упомянуть о принятой Н.Я. Марром связи этого имени с нашей Березиной, правым притоком Верхнего Днепра в Белоруссии и с украинским «*буриштыном*», «немецким ?...? *янтарем*», как частей единого янтарного пути с прусско-корского (*Корсь-Курияндия*, ср. *Куриш-Гаф-Курская* или *Корсская* губа, т.е. залив) балтийского Северо-Запада на эвксинский Юго-Восток. Связь ?...? — *буриштын* с древним ?...?, конечно, возможна, но в обратном смысле фригийского приоритета, учитывая чуждость основному массиву немецкого языка начального «Б», заменяемого в этом положении звуком «ф». Самый яркий пример этому «нем [...] «бор», «сосна». Поэтому и ?...? немецкого фольклора — *мальчик*, превращённый в *кабана*, тянет к нему (Фригийскому и нашему «*борову*»), а не к немецкому «*феркелю*» (*поросёнок*). Связи Причерноморья особенно Северо-Западного речными путями с Юго-Восточной Балтикою подчеркиваются повторением названий южных Черноморских в реках Севера, принадлежащих балтийскому бассейну. На первом месте здесь стоит, конечно, Буг (Западный). Но «янтарный» путь или «днепровский» путь, а тем более его соответствующее именование вряд ли древнее установления здесь оживлённого речного транспорта и в связи с ним распространения самого названия Борисфен из греко-фригийского Поморья основной водной лиманно-речной артерией на далёкий север, вряд ли древнее прочной стабилизации у нас греческих колоний, как организованных на греческий лад «политий», т.е. не раньше середины и скорее даже 2-ой половины VI в. до н.э.

Сюда же по времени надо, повидимому, отнести и возникновение грузинского термина ?...? (*бердзени*) в значении не «и-бера» и не «чана», прибавим, и не «фригийца» а ?...? «река» (Марр 1935: 277 сл.).

Греки, овладев анатолийским побережьем Чёрного-Аксинского, т.е. Фригийского моря, стали для кавказских народов преемниками древних анатолийских купцов в торговле ценнейшим металлом I-го тысячелетия до н.э. Сванское «железо» ?...? (из ?...?, при колеблющемся скрещении ?...?) перекликающееся удивительным образом с далёким баскским ?...? «железо» и с более близким чувашским «*топором*» — ?...?, по «*пэкающему*» консон-

нантизму своему ближе стоящему к нашему спорно-славянскому *«то-пор»*, чем по фригийски *«бэ-кающему»* сванскому слову. Вспоминается характеристика нашей страны, в те времена (V в. до н.э.) Скифии, как *«матери железа»*. (Эсхил «Прикованный Прометей», стих 301) и замечательный город металлургов IV – III вв. до н.э. Каменское городище, исследуемое Б.Н. Граковым, так как до этого, до обоснования греков на Березани и в окрестностях до Ольвии включительно, как это прекрасно показал А.А. Иессен в своей последней работе о греческой колонизации в Причерноморье (Иессен 1947), наше Поморье было уже важным производственным центром местной металлургии, но еще как будто не по железу, а по бронзе, притом на привозном в виде полуфабрикатов материале *«меди»* и *«олова»* при том, повидимому, уже в эти отдаленнейшие времена надо учитывать не только малоазиатско-средиземноморские и кавказские источники поступления к нам металла, но и уральские. За это говорит химический анализ серпов из Коблевского клада в Одесском музее, произведенный в конце 20-х годов, о том же в отношении Аджиякского клада, для нас особо важного ввиду его теснейшей связи с островом Березанью, свидетельствует А.В. Добровольский.

Бесспорнейшие связи Северо-Западного Причерноморья и Березани в первую голову и с Малой Азией (и Средиземноморьем) и с Кавказом не исключают ни в какой мере и связей, по крайней мере с эпохи бронзы, и с Уралом, может быть и не без Кавказского посредства, чем можно было бы объяснить то морфологическое сходство бронзовых изделий из Аджиякского клада, которое заставило А.А. Иессена признать его кавказское происхождение.

В заключение можно отметить, что сказочный остров Буян русского фольклора находит свое место во вполне закономерном ряде звукосоответствий: ?...? что с утратой в паузе после первого компонента плавного и при *«укающем»* произношении гласного «о» без ударения и даст наше *Бу-ян*, показатель исконности у нас Днепровского пути и его громадного (если не исключительного) значения со времён самой глубокой и седой древности...

Мы уже отметили, что не считаем перевод названия *Березань* на нашу современную речь, как *Белый, Светлый, Солнечный, Восточный* остров, исключая его перевод, как *Высокий, Высь, Высота, Верх, Гора*; при полисемантизме древнейшей речи оба эти значения увязываются с одним образом солнца, этого *небёнка* (ребёнка), *дитяти неба*, восходящего утром на восток, не по дням, а по часам растущего и поднимающегося в гору и являющегося племенным богом — тёзкою — эпонимом племени, перерождением его древнего животного и растительного (на разных этапах развития языка и мышления) тотема, неодинаковых в зависимости от географического ареала на данном этапе территориального распространения и на данной стадии социально-хозяйственного развития данного этнолингвистического элемента. Причём вполне возможно диалектически разное звучание этого «племенного слова», в пределах смежных говоров одного и того же языка.

При принятии нами солярного, оно же и племенное (первоначально тотемное) — значения, одним из обязательных производных значений его рядом с *«дитя»*, *«малец»*, *«молодец»*, *будет* и *«скорый»*. Из «Березанского» круга (фонетически) слов мы имеем такое слово в русских прилагательных *«борзый»* и наречии *«борзо»*, слав. *Бърз, бързо*. Повидимому, одновременно оно значило ещё и *«крепко»*, *«здорово»*, откуда, наконец, и *«очень»*, что удержалось до сих пор за польским звуковым эквивалентом его *«бардзо»*.

Восстановив для Березани ряд *берез-, берез-, берек*, мы таким же образом для *борз* восстановим аналогичный ряд *борг* и *борк*, которые с утратой плавного в паузе дают *бог* (укающий вариант *Буг*) и *бок*, а с заменой плавного через *й* *«бойк-о»* и наречение того же значения, что *борзо* и имя ныне живущего карпато-русского племени бойков). До сих пор архаическое «борг» очевидно прототип «бога» живёт в украинском слове, означающем «долг». О боге и тезоименитой ему реке, ныне южном Буге, не приходится и говорить, надо только прибавить к нему южно-дунайские озёра *Ял-пуг* (вместо *Ял-буг*, в котором первый компонент тождествен со вторым компонентом имени *Ку-ял* (приодесских лиманов *Куяльников* и *Кат-ла-буг*) напоминающий первым своим компонентом Геродотовых *Кати-аров*, сынов мифического Арпокся наряду с траспиями, и в другом произношении нижнеду-

найских гетов. *Боки* (более архаично современные карпатские бойки) живут в прикарпатских *косто-боках* и *са-боках* (имя последних представляет собою, по-видимому, чистую форму слова, в которой начальное *-са* — член «артикль», как в именах рек Юго-Востока нашей равнины *Са-мара* в бассейнах нижнего Днепра и Волги. *Са-кмара-Урала*, города *Са-Сарканда*, рядом с его древней формой *Мараканда*, подобно нынешнему грузинскому языку, где такой препозитивный артикль удерживается по настоящее время).

К этому же гнезду слов определённой территориальной локализации в Юго-Западном углу нашей великой равнины с основной осью в Южном Побужье надо присоединить и племя *боранов*, тёзок дерева *бора-сосны*, имеющего на территории от Вислы на Западе до Енисея на Востоке наибольшее по сравнению с др. породами деревьев распространение, за которыми признается «в лесах СССР исключительно важное значение» (Сукачёв 1934), племя, которое называется с III в. н.э. среди причерноморцев, тревоживших слабеющую римскую империю.

Здесь живой след одного из важнейших компонентов в нашей отечественной этнографии, роднящий её с таковою Дунайско-Балканских стран и Малой Азии.

Сказанное, думается, нам, отводит от нашей Березани, как излишнее, и сопоставление её имени М. Фасмером (Фасмер 1923: 20) с иранским ?...? — *«высокий»*, и формально (усложнение конечным [...]) и пространственно более от нас далёким, чем приведенные туземные исконно причерноморские иллиро-фрако-фриго-армянские слова того же значения, слова той древней этнолингвистической группы, от крайней северо-восточной периферии, которой отпочковалось когда то ядро позднейшего славянства, в своём дальнейшем росте и распространении полностью почти поглотившее затем эти близко родственные элементы на Западе и Юго-Западе, кроме тех, которые вошли в состав нынешних албанского и румынского народов.

Послесловие к главе III: статья Е.А. Рыдзевской «О названии острова Березань» (Рыдзевская 1947).

После окончательной доработки настоящего раздела нашей итоговой работы по острову Березани мы познакомились в IX томе «Советской археологии», вышедшем в 1947 году с трактующей тот же вопрос статьёй Е.А. Рыдзевской «О названии острова Березань», являющейся, очевидно, результатом длительной и кропотливой работы исследовательницы над этой темой. Работая 40 почти лет над данным объектом и всем, что с ним связано, мы, не видя необходимости что нибудь изменять в основных наших положениях по одинаково нас с автором названной статьи интересующему вопросу, не считаем себя вправе не высказаться здесь же при окончательной сводке всего того, что мы думаем по вопросу, отметив, в чём мы полностью соглашаемся с автором этой статьи и в чём коренным образом с ним расходимся.

Мы находим в этой работе прежде всего целый ряд ценных фактических дополнений к данным, которые мы только что изложили в нашей работе, однако, поскольку ни один из интересных фактов в области топонимики, собранных Е.А. Рыдзевской не колеблет ни одного из наших положений, мы не видим необходимости переносить их из её работы в свою. Затем очень важно для нас, что мы полностью сходимся с автором статьи и в одинаково отрицательном отношении к «берёзовой» этимологии нашего острова, и в одинаково разделяемом нами положении о том, что корней современного нашего названия Березань надо искать в более глубоких слоях истории, чем то время, к которому относится функционирование скандинаво-русского пути «из варяг в греки».

Помимо выдвигаемой нами невозможности «берёзовой» этимологии для названия нашего острова уже по условиям чуждости этого дерева изучаемому нами фитолингвистическому ареалу, а — затем и ввиду совершенной противоестественности усвоения местной топонимики того или иного района из чужих, не бытующих в данной местности языков, при том в порядке перевода названий местных географических объектов с таких чужих языков на местный с сохранением их прежней семантики, примеров чему вряд ли можно привести Е.А. Рыдзевская, опираясь на неизвестное нам до сих пор исследование К.Ф. Тиандера «Город Бирка» (Тиандер 1910: 265-268), лежащее вне круга наших непосредственных ис-

следовательских интересов, опровергает «берёзовую этимологию» и для самого ?...? на озере Меларне, в Скандинавии, являющегося по теории Арне-Брига первоисточником берёзового наименования нашей Березани.

Однако названными двумя моментами наше сходжение с автором статьи оканчивается. Основным дефектом работы Е.А. Рыздзевской несмотря на громадную филологическую и специально топонимическую эрудицию автора, нам представляется её полная оторванность от конкретной исторической реальности.

Подходя с заслуженным пиететом к Н.Я. Марру, его трудам и методу, Е.А. Рыздзевская, к сожалению, не делает из них необходимого исторического приложения. Установление беренского материального состава названия нашего острова не подводит ещё нас к конкретной исторической реальности. Без учёта характера звучания этого материального состава слова само по себе оно не может быть использовано для конкретных исторических выводов. Не менее необходимо для этого и установление, выражаясь археологическим языком, того стратума-слоя в отложениях прошлого социально-исторического развития данной этнолингвистической среды, к которой по семантике своей принадлежит слово данного материального состава и данного звучания. В рассматриваемой статье, к сожалению, никаких попыток в этом направлении мы не видим. Одни лишь простые сопоставления, голые аналогии чисто филологического порядка, ничем кроме этого не объединяемые.

Наличие Волчьих рек и островов в бассейне среднего и нижнего Днепра, Южного Буга и Днестра ни в какой мере не даёт нам права без звукового соответствия соответствующих названий сопоставлять название нашего острова с соответствующими географическими объектами, являющимися представителями совершенно иного, чем наша Березань в её названии, звучания речи и, если мы признаем их в одинаковой мере славянскими, то в таком случае мы вынуждены будем признать их представителями совершенно различных этнических компонентов нынешнего славянства и, стоя на почве сопоставления с одной стороны «Волк», а с другой — *Берез-Берег-Берек* мы никак не можем придавать последнему элементу сопоставления «волчьей» семантики, если только не признаем его просто тюркским *вӱчй*, *бирюк* и т.д., чего однако, автор как будто прямо не делает: приводя все эти тюркские слова и, по нашему мнению, позднейшее тюркское осмысление древнего названия *Бюрю-узень-ада*, автор рассматриваемой нами статьи, признавая теоретически, как и мы, древность и исконность современного географического названия Березани, бессознательно протаскивает его, по нашему глубокому убеждению, совершенно невозможное тюркологическое объяснение, так как в нашем этнолингвистическом ареале других носителей соответствующих звукосочетаний с волчьей семантикой неизвестно, а в нашем этнолингвистическом ареале такие звукосочетания из звериных значений могли бы увязываться только с *боровам-вепрем* и название ?...? в том членении этого составного слова, которое придаётся А.И. Соболевским в его «Русско-скифских этюдах» (Соболевский 1922: 275) — означало бы реку *Вепрь*, или *Кабан*, каковое для Нижнего Днепра в зоне его знаменитых плавней, древней геродотовой *Гилей* будет в полнейшей мере соответствующим данному физико-географическому ареалу. Притом, конечно, не обязательно, чтобы река, получающая это название или такое осмысление более древнего названия, была обязательно зоной обитания кабанов; кабан мог быть тотемом древних, взрывающих землю своими копытами или палками-копалками, подобно кабаньему рылу, примитивных представителей древнего домотыжного болотного земледелия туземных борисфенитов, кабан, подобно бурелому, крушащий на своем пути через чащу все заросли и даже деревья, смело может служить териоморфным олицетворением стихии могучей, прорывающейся через пороги реки.

Приводимые Е.А. Рыздзевской интересные фольклорно-этнологические данные о волках-оборотнях и общие для неуров и древних германцев (по Ф.А. Брауну) предания о вытеснении тех и других с прежних мест обитания нашествием змей, подкрепляя это и данными своеобразного орнамента, т.н. германского звериного стиля, равно как и одинаковая семантика волчьего воя, как предвестья победы в древне-северной Эдде и у тюркских куманов-половцев, ничем не подкрепляют «волчьей» семантики названия острова Березани,

если не принимать её совершенно исключаемого для нас тюркизма, как явления для нашей территории исторически весьма позднего и наносного.

Ничуть не убеждает нас и гипотеза автора о том, что пункт «*Волчий хвост*» из одной рунической надписи с о-ва Готланда, пункт, где-то на юге, где лицо, о котором гласят руны «*сидело с мехами*», может быть и ожидая со своими товарами попутного ветра, будто бы, означает именно наш остров. Для этого надо прежде всего доказать, что Березань и Днепр (о речке Березани не может быть и речи «ввиду её ничтожности») означают «*Волчий остров*» и «*Волчья река*», что вне тюркологической плоскости невозможно...

В связи с этим, мы не можем не отнести к области безудержной фантастики обоснование автором приложения к Березани скандинавского названия *Волчий хвост* длинным, вытянутым очертанием острова. С каким бы то ни было хвостом на Березани могла бы быть сопоставлена и то не всегда, одна только песчаная коса на северо-востоке острова, которая поминутно меняет свои очертания до совершенно не похожих ни на какой хвост, а весною 1931 г. была сильным напором воды с Днепра во время наводнения снесена в море, а не размыта, и сейчас вновь образовалась. Южная самая высокая (острая в плане) оконечность острова, совершенно аналогичная в контуре своём с профилем Аджиацкого мыса и других известковых мысов между о. Березанью и Одесской бухтой поразительно напоминает не какой нибудь хвост, а профиль морды дельфина...

Что касается окончания названия «*Березань*» или второго его компонента *-ань* (элемент «*ион*» или «*С*» Н.Я. Марра), то совершенно правильно подыскивая аналогичные речные названия, как *Кизань* в бассейне нижнего течения Волги и *Юрезань* в бассейне Камы и даже более близкую *Фезань* в бассейне Тясмина притока Днепра, что, конечно, вообще не лишне, автор рассматриваемой нами статьи остаётся при этом в сфере ничего не дающих аналогий, не замечая имеющих прямое отношение к березанскому географическому ареалу названий как древняя *Гипань* (?...?) (*Нура* (— *Южный Буг* — *Кубань* и *Умань* со всей свитой приведенных нами выше аналогично оканчивающихся названий и рек, и населённых пунктов, которые в бассейне Южного Буга, начиная с *Саврани*, оказываются вполне у себя дома, что позволило нам в связи с этим сделать попытку подыскать для него соответствующий древний этнический субстрат, исторические представители которого оказываются менее далёкими в этнолингвистическом и в географическом отношении от ныне славянского, северного Причерноморья, чем Приуралья и нижнее Поволжье, сближение с которыми, конечно, не лишне и не случайно, но является менее непосредственным и органическим, чем фригийские этногонические связи славянства вообще и нашего южного Побережья в частности.

Удивительно, что Е.А. Рыздзевская не почувствовала, что приводимое А.С. Грибоедовым параллельное название для Березовского острова в конце Днепровского лимана (с отождествлением которого с нашей Березанью мы вполне согласны) *Гата* (*На а*), является не чем иным как фонетическим вариантом турецкого *Ада-остров* и ничего «неясного» в себе не включает, по существу, ничего нового и в то же время не прибавляя к тому, что мы уже знаем о наименованиях острова. Здесь только зубной звук потерял свою звонкость и стал глухим, а начальный гласный слова «*а*» получил типичное для украинского произношения густое придыхание «*г*» — («*г*...?») и стал звучать «*га*» (?...?).

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСТРОВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВРЕМЯ (1884-1912 гг.)

I. РАЗВЕДОЧНЫЕ РАСКОПКИ НА ОСТРОВЕ В 1880-1890 гг.

а) VI-й АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД В ОДЕССЕ И РАСКОПКИ Р.А. ПРЕНДЕЛЯ В 1884 г.

С 1869 года развитие археологии в России вылилось в устройстве Всероссийских археологических съездов, собиравшихся во всё последующее время до начала первой мировой войны регулярно через каждые 3 года, причём места созыва очередных съездов передвигались по всей стране в порядке некоторой очередности, из столиц империи переходя в крупные краевые центры или важные по своему историческому прошлому города.

В 1884 году очередь принять у себя шестой по счёту всероссийский археологический съезд дошла до Одессы. Среди мероприятий, связанных с подготовкой к этому съезду были и разведочного характера раскопки на острове Березани. Эти первые на нашем острове археологические раскопки проведены были там весной 1884 г. доцентом Новороссийского Университета Ромулом Александровичем Пренделем, совместно с лаборантом Видгальмом.

Задачей экспедиции Р.А. Пренделя (Прендель 1886) было «отыскание следов пребывания на острове человека доисторической эпохи», предположение о чём было высказано ещё Барбот-де-Марни (Барбот-де-Марни 1869).

Внимание исследователя привлекли к себе заметные уже при самом беглом и поверхностном осмотре берегов острова залегающие в северной его половине на желтоватом песке, перекрывающем коренную породу острова, т.н. одесский известняк, «Кухонные остатки» в слое рыхлой сероватой земли, в виде золы, черепков глиняной посуды в перемешку с ракушками мидий и кардиумов и костями быка, свиньи, овцы, разных рыб и птиц.

Невольно у исследователей напрашивалось сравнение этого особенно мощного на севере острова слоя «кухонных остатков», непрерывно тянущегося вдоль берега всей северной половины острова и постепенно к югу сходящего на нет, со знаменитыми в то время датскими кьёккенмедингами и хотелось констатировать и у нас нечто подобное.

Такая установка при начале работ Р.А. Пренделя была настолько определённно и твёрдо выражена, что и по окончании работ экспедиции, когда раскопками было уже выяснено, что древности с острова Березани принадлежат совсем иной эпохе и культуре, чем датские кьёккенмединги, все находки экспедиции Пренделя в университетском археологическом Музее, куда они поступили из раскопок, были снабжены Видгальмом этикетками: «О. Березань. Кьёккенмединги».

Траншея, которую Прендель заложил на Северо-Западном берегу острова в месте, где при исследовании им береговых отложений замечены были торчащие из обрыва человеческие кости, пройдя от берега острова внутрь его в направлении с ЗСЗ на ВЮВ между обрывом берега и находившимся неподалеку курганом, причем местами траншея эта была еще пересечена поперечными канавами, подтвердила залегание в этой части острова древнего кладбища.

На глубине около одного метра от поверхности по направлению заложённой траншеи, т.е. в общем с СЗ на ЮВ здесь обнаруживались единичные необтёсанные камни, глубже которых залегал тёмный слой земли с обильной примесью золы, обугленных костей и кусков древесного угля, в котором находились также цельные кувшинчики, бальзамарии («слезницы»), как их называет Прендель, пользуясь обычной терминологией того времени) или крупные черепки глиняной посуды. В кувшинах и урнах находили золу и обугленные кости животных. В одном, напоминающем по виду макотру, сосуде обнаружены были сильно выветрившиеся кости детского скелета.

Ниже этого слоя в разных горизонтах и с разной ориентировкой в отношении стран света обнаружено было несколько человеческих скелетов, кости которых не удалось извлечь в целом виде из-за их рыхлости. Под черепом одного из этих скелетов, обращённого лицом на северо-восток, обнаружена была медная древнегреческая монета, а в ногах большая урна с золой. Суммарное описание керамики, найденной при этих раскопках Пренделем, не даёт никакой опоры для каких бы то ни было определений, но непосредственное знакомство с этими материалами в целом уже в 1923 г. при передаче коллекций бывшего археологического Музея при Новороссийском Университете в Одесский Историко-Археологический Музей показало, что в целом весь этот материал античный и в общем относится к раннему времени древне-греческой колонизации у нас в Северном Причерноморье (не позже начала V в. до н.э.). К сожалению, дневника раскопок не сохранилось и все находки поступили в Музей в общей массе без дифференциации мест и условий нахождения отдельных находок.

Немного влево от траншеи найдены были кости другого ребенка и вместе с ними отдельные янтарные бусы, составлявшие, по видимому, ожерелье.

Ничего в этом древнем некрополе на Северо-Западе острова, что указывало бы на наличие здесь признаков «доисторической» культуры, следов которой искал на Березани Р.А. Прендель, обнаружено не было, почему дальнейшие поиски перенесены были на восточное побережье острова, несколько напоминающего очертаниями своих берегов очертания африканского материка с уклонением от них в южной половине острова к южно-американскому типу очертаний.

На восточном берегу были заложены два шурфа: один — непосредственно у северо-западного основания восточного, напоминающего африканский полуостров Сомаль, выступа острова, другой на ЮЮВ от него, в небольшом отдалении, сейчас же после того как береговая линия, идущая от этого выступа почти прямо в южном с лёгким отклонением к западу направления, делает резкий поворот на юго-восток...

Здесь в верхних слоях между тщательно осматриваемыми и просеиваемыми обломками раковин, костей, угля и черепков найдены были две монеты времён Екатерины II, железные болты и гвозди, чуть пониже несколько глиняных «трубочных головок», очевидно, часто и позже попадающих при раскопках на о-ве Березани так называемых турецких или запорожских трубок. В самых нижних слоях попадались кусочки меди и так называемые (ольвийские) «дельфинчики».

В заключение работ на острове экспедиции Р.А. Пренделя заложён был ещё небольшой раскоп на западном берегу острова там, где слой с «кухонными остатками» сходил на нет, в месте, где «на поверхности земли выступало несколько камней, обрисовавших в общих чертах контур могил...» Здесь обнаружены были обращённые друг к другу лицом два костяка, один из которых смотрел на запад, другой на восток. По сравнительно хорошей сохранности черепов и других костей, Прендель заключает о принадлежности этой могилы «сравнительно более новой эпохе», не конкретизируя этого и не представляя никаких к этому вещественных доказательств.

Вывод исследователя из этих первых археологических раскопок на острове по отношению к поставленной им себе при начале работ задаче был отрицательный: «Слои кухонных остатков едва ли могут принадлежать эпохе доисторического человека, а должны быть скорее отнесены ко времени древнегреческих поселений на берегах Чёрного моря».

За всё время пребывания экспедиции Пренделя на острове «нигде не было найдено ни кремня, ни изделий из кремня или другой какой-либо твёрдой кристаллической породы», но всё же накануне отъезда экспедиции с острова одним из рабочих представлен был Р.А. Пренделю найденный им на склоне обрыва «кусочек кремня, напоминающий в общем обломок кремневого ножа»...

Так, в связи с VI-м археологическим съездом в Одессе начались археологические раскопки на острове Березани.

В том же году прибыл в Одессу и начал здесь свою преподавательскую деятельность в Новороссийском Университете Эрнест Романович Штерн, завоевавший себе впоследствии имя в науке своими систематическими из года в год раскопками на острове...

После раскопок Р.А. Пренделя Березань продолжает посещаться отдельными лицами из учёных разных специальностей, среди которых следует отметить зоолога А.А. Браунера в 1886 и 1896 гг. и геолога Н.А. Соколова в 1894 г., результатом посещения которого явились в основном те основные положения относительно геологического прошлого острова, которые предпосланы нами настоящей работе...

В эти же годы «работали» на острове, так называемые «счастливчики»-кладоискатели, деятельность которых засвидетельствована теми исследователями острова, которые оставили после себя отчёты о своих работах на острове в последние годы XIX столетия.

В эти же именно годы в основном, по-видимому, сложилась в ближайшем к нашему острову городке Очакове замечательная коллекция любителя-коллекционера священника Н.Л. Левицкого¹⁵, на которую обратила внимание при посещении Очакова в 1893 году проездом в Ольвию экскурсия членов Одесского Общества Истории и Древностей, предпринятая тогда в порядке подготовки к предстоявшему в том году в Вильне девятому археологическому съезду. Коллекция Левицкого привела многих участников экскурсии в восхищение и один из них, Херсонский уездный предводитель дворянства Г.Л. Скадовский, поставил себе целью произвести на острове раскопки, что ему и удалось осуществить через семь лет.

б) РАСКОПКИ Б.В. ФАРМАКОВСКОГО в 1896 г.

Только в 1896 г. на Березань приезжает для проведения здесь опять-таки разведочного характера археологических раскопок первый специалист-античник, что естественно диктовалось уже результатами работ Пренделя на острове.

Это был молодой ещё тогда магистрант Новороссийского Университета Борис Владимирович Фармаковский (1870-1926 гг.), успевший уже к тому времени проявить себя в специальной литературе своей талантливо, с любовью и знанием дела написанной статьёй, посвящённой некоторым замечательным образцам древне-греческой, специально аттической красно-фигурной керамики, хранившимся в Музее Одесского Общества истории и древности (Фармаковский 1893: 14-44). Это явилось, несомненно, подготовкой его через несколько лет вышедшего в свет капитального исследования (Фармаковский 1902)¹⁶, которое он блестяще защитил в Одессе в качестве магистерской диссертации. Б.В. Фармаковский был вполне подготовлен как к раскопкам вообще, так в особенности к раскопкам в местах поселений античной эпохи.

Только что перед этим завершив свою двухгодичную заграничную командировку, которую он получил в качестве профессорского стипендиата, готовившегося к профессорскому званию по истории древнего искусства, успешной сдачей своего магистерского экзамена, Б.В. Фармаковский тогда находился ещё под свежим впечатлением недавнего посещения им с одной стороны всех тех стран, которые когда то были ареною развития античной культуры (Греция с Турцией и Италия), а с другой — ряда стран европейского Запада (Франция, Германия, Англия), где он, со свойственной ему большой внимательностью и вдумчивостью знакомился с главными зарубежными собраниями памятников древности, работая в лучших книгохранилищах и особенно пристально останавливая своё внимание на излюбленной им отрасли древнего прикладного искусства, на вазовой живописи...

Не ограничиваясь ознакомлением с интересовавшими его памятниками древности в Музеях и по книгам Б.В. Фармаковский за время своей заграничной командировки успел поработать в различных археологических школах и институтах, которые западная архео-

¹⁵ Десять древних черепков глиняной посуды разных эпох, среди которых обращали на себя внимание специалистов образчики древне-греческой посуды древнейших стилей, начиная с принадлежавших VII вв. до н.э. были им подарены Императорской Археологической комиссии, передавшей их в Эрмитаж, см. «Отчёт комиссии» за 1896 г. стр. 211. Черепки эти происходили в основном с северного, как мы уже видели, более богатого остатками древности, берега острова.

¹⁶ Печатались частями с 1899 г. в «Записках Русского Археологического общества» в тогдашнем Петербурге.

логия имела тогда уже на классической почве Ближнего Востока, усвоив себе тот строго методический подход к делу проведения археологических раскопок, который счастливо выделяет Б.В. Фармаковского из ряда не только предшествующих наших археологов-раскопщиков, но и многих копавших не мало лет спустя после первого выступления его на поприще полевых археологических исследований, которые заполнили затем весь почти остальной его жизненный путь (Болтенко 1928) и доставили ему весьма почётное место в истории не только наших отечественных археологических исследований, особенно с делом всей почти его жизни, каким для него с этих пор стало изучение древне-греческой Ольвии (1896-1926 гг.), древнейшего в нашем смысле слова города не только в северном Причерноморье, но и во всей великой восточно-европейской равнине...

Началом этой блестящей деятельности Б.В. Фармаковского явились весьма скромного масштаба раскопки его в 1896 г. в Ольвии, именно сначала на обширном некрополе этого древнего города, раскинувшемся на территории села Парутина, и одновременно с этим на острове Березани.

Очень поучительна в методическом отношении работа Б.В. Фармаковского в самом начале своих ольвийских студий одновременно и в Ольвии, и на острове Березани, так как действительно нельзя понять как следует ни истории древне-греческой Ольвии без острова Березани, ни истории этого миниатюрного островка без хорошего знания истории и древностей необъятного прилегающего к нему на суше материка, особенно же ближайших к нему побережий.

Натолкнуло Б.В. Фармаковского на мысль произвести раскопки на острове Березани ознакомление в Очакове с частными коллекциями древностей в порядке изучения тех случайных находок древностей из Ольвии и её окрестностей, которые, минуя официальные руслу, попадали в частные руки, но, конечно, важны были для исчерпывающего понимания облюбованного объекта археологического исследования не в меньшей мере, чем совершенно также необходимые расспросы местного населения. Конкретно, упомянутая уже нами коллекция священника Н.Л. Левицкого с замечательными в ней керамическими находками с о. Березани, казалась молодому, начинающему исследователю свидетельством «присутствия греческих поселений на означенном острове, начиная с VII в. до Р. Хр. вплоть до первых веков нашей эры» (Фармаковский 1898: 211-212).

Это-то и заставило Б.В. «произвести на Березани несколько пробных разведок, желая установить, где собственно должна быть произведена в будущем, раскопка» (Фармаковский 1898: 212).

Осмотр берегов острова показал исследователю по всему северному берегу его, а также на протяжении не менее 500 метров от него по восточному берегу и не менее 300 метров по западному, в обрывах «беспрерывно смываемых волнами моря» массу черепков греческой посуды разных времён с золою, углем, раковинами, костями домашних животных, рыб, птиц. Кое-где по обрывам усмотрены были Б.В. Фармаковским также остатки человеческих костяков, особенно частые в северо-западной части острова.

Здесь то, в местности, задетой уже предшествующими исследованиями Р.А. Пренделя, и была заложена Б.В. Фармаковским траншея по обрыву берега к морю до одной сажени шириною и до трёх сажений в длину с углублением до материка.

На глубину около 2,1 м в траншее этой обнаружилось в ходе раскопок две могилы, одна из которых, находясь на самом краю обрыва к морю, по-видимому незадолго до раскопок Фармаковского успела в значительной своей части обрушиться в море, в результате чего от костяка уцелели только череп с рёбрами, при которых обнаружены были три бусинки и несколько кусочков красной краски, так называемого «реальгара».

Несколько поотдалив от обрыва к юго-востоку та же траншея обнаружила вторую могилу, по-видимому, уже несколько тронутую незадолго до раскопок Фармаковского. У левой ступни костяка стояла тут глиняная чаша с двумя ручками, у правого плеча положен был грубый глиняный сосуд.

Поблизости без непосредственной связи с этой могилой найдены были фрагменты большой амфоры и при ней камни...

Раскопка Б.В. Фармаковского на северо-западе острова с её небольшими материально в силу отмеченных причин (обвал берега и хищнические раскопки предшествующего времени) результатами теряется в истории археологического исследования острова между предшествующими там же раскопками Р.А. Пренделя, уже констатировавшего распространение в этой части острова древних погребений и последующими раскопками, предпринятыми на том же участке территории острова через каких-нибудь 4 года после этого в 1900 г. раскопками Г.Л. Скадовского, которые позволили не только предположительно говорить о большом некрополе на острове, но показали нам в плане значительный его участок, вскрытый раскопками этого исследователя.

Напротив, второй участок работ Б.В. Фармаковского на острове, заложен был им на незадетом поисками Р.А. Пренделя, северном берегу острова.

На расстоянии приблизительно в 100-110 метров к Востоку от рассмотренного уже нами первого участка работ на острове в 1896 г. на западном его берегу.

Здесь на глубине 3,12 м обнаружен был Б.В. Фармаковским детский костяк с маленькой чернолаковой амфорой в головах его. В насыпи найдены были бронзовое кольцо и масса обломков грубой глиняной посуды.

Устройство могил, раскопанных Б.В. Фармаковским и характер находок в них позволил исследователю отнести их к типу, констатированному им в то же время в выделенном им тогда же первом слое погребений на ольвийском некрополе и датировать их первыми веками нашей эры, т.е. временем римской империи. В Ольвии такие могилы, вырытые в грунте обычно в виде прямоугольных ям не глубже 2,14 м, иногда с подбоем под материк на некоторой глубине, характеризуются своим расположением в восточно-западном направлении с положением в них покойника головой на Восток (Фармаковский 1898: 201).

Датировка и сравнительно точная локализация Б.В. Фармаковским своих находок, к сожалению, остались совершенно неучтёнными и недооценёнными в последующих археологических трудах и публикациях об острове и несколько не отразились на получивших в этих публикациях широкое распространение концепциях об историческом прошлом острова.

Личным выводом Б.В. Фармаковского из его археологической разведки на о. Березани в 1896 г. было предположение, что березанский некрополь занимает северный берег острова приблизительно на полкилометра вглубь его, причём самую древнюю часть его надо искать в его северном конце, где, по показаниям очаковских жителей, были находимы черепки древнейших стилей (ОАК 1898: 212).

II. БЕРЕЗАНЬ — «ОСТРОВ МЁРТВЫХ»

(раскопки архаического некрополя на Березани Г.Л. Скадовского в 1900-1901 гг.)

а) РАСКОПКИ И ИХ ДОКУМЕНТАЦИЯ

Следующий после голодного 1899 г. год 1900-й был годом больших раскопок и в Ольвии, и на острове Березани.

Голод 1899 г. заставил Парутинских крестьян для поддержания своего существования приняться за усиленное раскапывание своих приусадебных участков и огородов, раскинувшихся на месте древнего Ольвийского некрополя. В результате на мировом рынке древностей оказалось немало первоклассной ценности вещей из Ольвии, а в Николаеве в основном тогда именно сложились крупные собрания древностей вроде приобретшей затем мировую известность коллекции Фогеля. Это стимулировало и Археологическую комиссию начать со следующего 1900 года систематические раскопки древней Ольвии, которые в 1900 и 1901 годах вёл профессор Киевского Университета Ю.А. Кулаковский.

В те же 1900 и 1901 годы и на Березани велись раскопки большого масштаба, которые по размаху своему и по плановости далеко оставляют за собою не только имевшие до того место на Березани археологические разведки, но и последующие систематические раскопки. Руководитель этого предприятия один из богатейших, если не богатейший, помещик

Херсонской губернии, Херсонский уездный предводитель дворянства Георгий Львович Скадовский обладал большими личными средствами и не меньшим энтузиазмом для проведения взятого им на себя дела, но, к сожалению, не имел при этом необходимой научной подготовки и специальных знаний, чтобы качественно довести до конца и достойной и авторитетной публикацией завершить своё, правильно в большом масштабе спланированное, научное предприятие. Если бы раскопки Г.Л. Скадовского, охватившие обширную сплошную площадь, начиная с крайней северо-западной оконечности острова, проведенные добросовестно и с любовью, продолжались с такой плановостью и в таких темпах, как начались, идя последовательно с Запада на Восток и с Севера на Юг, при научно-компетентном руководстве и в сотрудничестве, и при консультации специалистов всех необходимых научных дисциплин, то все археологические загадки Березани были бы уже раскрыты и пролили бы свет на ряд немаловажных проблем нашей отечественной истории.

Дилетантизм и Херсонский дворянский патриотизм Г.Л. Скадовского, имея и свою положительную сторону, является основной причиной того, что результаты большой проведенной им на свои средства работы остались почти полвека в основном не опубликованными и почти не отразились как и работы по Березани Б.В. Фармаковского, на позднейших научных публикациях об этом острове и об его памятниках.

Дневники Г.Л. Скадовского до нас не дошли, и нам не удалось установить их судьбы. В нашем распоряжении имеется лишь один черновой и весьма несовершенный экземпляр его рукописного отчёта о работах 1900 г. (НА ОАМ № 59187, представляя собою рукопись на 170 страницах больших листов писчей бумаги в переплёте). Следов существования такого же отчёта за 1901 г. нам не удалось установить ни в Одессе, ни в Херсоне, ни в Ленинграде, несмотря на все поиски такового. Так же неизвестны местонахождение и судьба многочисленных таблиц иллюстраций к «отчёту», ссылками на которые пестрят страницы «отчёта». Эта обильная документация послужила очевидно основанием к планированию Археологической комиссией особого выпуска «Материалов по археологии России», посвящённого Березани (ОАК за 1904 г.: 42).

Вторым не менее важным документом опять таки для работ Г.Л. Скадовского на о-ве Березани только за один 1900 г., которым мы располагаем, является копия плана его раскопок за тот же год, изготовленная по специальному нашему заказу в конце 20-х гг. в Херсонском Музее, за что выражаем нашу искреннюю благодарность тогдашнему директору этого музея Ирине Васильевне Фабрициус, ныне ст. научному сотруднику Ин-та Археологии АН УССР (НА ОАМ № 59248). План даже без текста чрезвычайно красноречив и поучителен. К сожалению, копия немая, без цифровых и литерных обозначений, которые имеются в тексте отчёта и которые, если бы они имелись на плане, приводили бы его в связь и в соответствие с текстом. Большая и весьма трудная работа по установлению такой связи и соответствия нами проведена и установила, что не всё, что отмечено в тексте, нашло свое отражение на плане. С другой стороны, план позволяет в целом ряде случаев корректировать данные текста «Отчёта», в котором в свою очередь не мало из того, что есть на плане, отсутствует. Кроме того, в тексте система нумерации разных объектов, раскрытых раскопками не достаточно расчленена и не выдержана последовательно. Одинаковая нумерация сопровождается и погребения, и кострище, и кладки, и настилки из камня вперемешку с черепками. Нередко целые серии номеров подряд дублируются в «Отчёте» в приложении к разным объектам и наоборот встречаются пропуски номеров на почве описки, например, после 130-го № 181-й: 50 номеров пропущено... При всём том, располагая всего двумя документами из массы, притом документами не первичными, зафиксированными на поле раскопок, а вторичными, выполненными уже впоследствии на основании этих первичных документов, мы всё же считаем себя не только вправе, но и обязанными ввести в обзор истории исследования острова Березани и его проблематики всё, что можно извлечь из отчёта и плана Г.Л. Скадовского.

Нас не смущает при этом, что Г.Л. Скадовский пользуется не научной терминологией в обозначении своих находок: вазочка, сосудик, кувшинчик, мисочка, мокотра, флакон и т.п. Только амфора, кратер, лекиф, алабастр и арибал являются употребительными у него

терминами древнегреческой керамики. В некоторых случаях является возможным по косвенным данным узнать килик или аск (сосуд, арибал со сквозной дырой).

Дворянско-губернский патриотизм Г.Л. Скадовского был причиной того, что все его находки, как и находки губернского земского статистика Виктора Ивановича Гошкевича, самоотверженного основателя Музея древности Херсонского края, как и находки того же времени смотрителя арестного земского дома И.Як. Стемповского из Тирасполя с окрестностями в Приднестровье, попали не в Музей Одесского Общества Истории и Древностей, в краевой большого масштаба Всечерноморский центр Одессу, где они скорее были бы изучены и лучше защищены от превратностей судьбы, а в глубоко захолустный «губернский» Херсон... Первым результатом этого была депаспортизация в мировой научной литературе ряда предметов, происходивших из Поднестровья и попавших в таком порядке в Херсонский музей. С лёгкой руки Макса Эберта в ?...? затем в публикации ?...?, они благодаря своему хранению в Херсонском Музее, получили в мировой научной литературе новые паспорта: «Херсон, Днепр», вместо: «Тирасполь, Днестр», что, конечно, представляет собою грубейшую историко-географическую неточность ([...] 1910; [...] 1926).

В период вражеской оккупации коллекции Херсонского Музея подверглись варварскому ограблению оккупантами «под метлу» и до момента написания настоящих строк в Музей не возвратились, почему автор не имел возможности, выполняя эту часть своей работы в послевоенный период, обратиться к вещественным материалам, корректируя или дополняя документацию.

б) ЧТО ИЗВЕСТНО ДО СИХ ПОР В НАУКЕ О РАСКОПКАХ Г.Л. СКАДОВСКОГО В 1900 г.

О раскопках Г.Л. Скадовского в 1900 г. в науке известно лишь то, что сообщил о них 23. X. 1900 г. в Заседании ООИД профессор Э.Р. Штерн (Штерн 1901: 88-91), приглашённый в начале октября Скадовским в своё имение в Белозерку для рассмотрения предметов древности и классификации, и определения глиняной посуды, найденных им при раскопках архаического могильника в северо-западной части острова, при чём исследовано было до 800 могил.

Между завтраком и обедом находки Скадовского были рассмотрены гостем и получили от него общую датировку от VII-го по V-й века до н.э. Вместе с тем Э.Р. Штерн сделал из обзора результатов раскопок Скадовского на березанском некрополе в разрез с ранее высказанным мнением Б.В. Фармаковского и, казалось бы, и данными самих рассматриваемых раскопок, что в них мы имеем «остатки одного из древнейших греческих поселений на побережье Черного моря». Это смелое, но трезвое мнение надо было доказать ещё дальнейшими раскопками, что Э.Р. Штерн и осуществил в 1904 г. и что и составляет его основную заслугу в исследовании острова Березани, но пока это была ещё голая гипотеза...

Посуду, раскопанную Скадовским Штерн разбил на две группы:

1) большинство её он отнёс к импорту из Милета и Малой Азии (ныне обозначается обычно, как родосско-ионийская), отмечая в ней хорошую представленность фрагментов «кувшинов (М.Б. по-видимому, энохой) и амфор с характерным изображением тёмнобурых косорогов ?...?¹⁷ и других зверей на жёлтом фоне». В то время такие находки на нашей территории известны были лишь в единичных случаях, которые он при этом и перечисляет. В общем, однако, большую часть «милетской» и малоазиатской посуды из находок

¹⁷ Это слово Штерн упорно всё время нашей работы с ним по 1913 г. употреблял вместо известного русского «Козерог» для обозначения горного козла или эгагра (сарга ?...?), весьма распространённого в Греции, на островах и берегах Эгейского моря и в Передней Азии, включая Синд на Востоке, Туркмению и Дагестан на Северо-Востоке. Ему посвящены прекрасные страницы в публикации датского ученого (1914, столбцы 265-272) в специальном приложении. Употребление Г.Л. Скадовским никем кроме Штерна неупотребляемой штерновой идиомы «Косорог» вместо козерога, горного козла или эгагра, наряду с вышеприведенными греческими названиями некоторых форм сосудов в его отчёте показывает, что отчет редактировался не раньше октября 1900 г.

Скадовского 1900 г. Штерн относит не к этому типу древнейшей фабрикации, а «второму или младшему периоду милетского производства» (по терминологии ?...?) т.е. к концу VI и V векам до н.э. Он отмечает довольно хорошую представленность этой именно младшей (позднейшей) милетской (по нын. терминологии родосско-ионийской) керамики в Ольвии и оттуда в Одесском Музее.

2) вторую, меньшую половину (часть) посуды с о. Березани из раскопок Скадовского в 1900 г. по Штерну составляли предметы аттического импорта, «представленного исключительно чёрнолаковыми и чёрнофигурными сосудами, относящимися главным образом к VI в. до н.э.». Штерн особо отмечает среди фрагментов этих чёрнофигурных чаш наличие нескольких с сигнатурами мастеров керамистов, так называемых «?...?». Наилучше сохранившаяся из этих чаш, составляемая однако тоже из массы фрагментов, по надписи является работой рук Глева, сына Нейарха-мастера, от которого в то время известно было всего 14 чаш с его приписью. Штерн особенно подчёркивает далее, что при раскопках Скадовского не найдено было «ни одного черепка краснофигурной посуды, ни «строного стиля» (прибл. до 470 года), ни «красивого стиля» (прибл. до 430 г.), ни «живописного стиля» (до конца столетия).

Эти показания исключительно компетентного свидетеля, каким был Э.Р. Штерн, видевший все находки Скадовского своими глазами, являются в нашем положении совершенно обязательной предпосылкой к чтению и пособием к пониманию отчёта Скадовского, почему мы и сочли себя обязанными здесь предпослать изложение впечатления Штерна от находок Скадовского, изложению данных его отчёта.

Однако, перечитывая сейчас сообщение Э.Р. Штерна после того как нами изучен отчёт Скадовского и после того, как мы приобрели почти 40 летний личный опыт (с 1908 г.) непосредственного знакомства (и в Музеях Одесском, Херсонском и в Эрмитаже, и на раскопках как Штерновых, так и своих на острове Березани) с вещественным материалом Березанских находок, мы видим, что Штерн рассматривает здесь, определяет и классифицирует далеко не всю добытую Скадовским при раскопках его на острове в 1900 г. глиняную посуду, а одну лишь импортную посуду, оставляя без всякого внимания всё туземное в ней, которого среди результатов раскопок Скадовского было немало. Это обстоятельство ещё лишний раз побуждает нас не довольствоваться той подачей материалов Скадовского, которую нам даёт Штерн, при всей её ценности, а попытаться проработать их самостоятельно, хотя и находясь для этого в несравненно худших условиях, чем те, в которых Э.Р. Штерн находился в Белозерке в октябре 1900 г.

На основании изложенных нами выше наблюдений своих Э.Р. Штерн сделал два вывода: во-первых, тот, что... в VI в. до н.э. афинская торговля проникает в милетские колонии на побережье Чёрного моря и оттесняет здесь влияние Милета; березанский могильник, по Штерну, как бы представляет момент, где конкуренция этих двух центров (у Штерна «держав») находится в равновесии и рынок ещё не завоёван окончательно Афинами; во-вторых, же, из полного отсутствия краснофигурной аттической посуды V – VI веков он заключает, что поселение на Березани прекратило в V в. своё существование.

Определение Штерном всего импортного материала из раскопок Скадовского конечно, бесспорно, и соображения его о малой вероятности «предположения, что Березань была каким-то «островом мёртвых», что сюда перевозили покойников с материка для сожжения или погребения в земле», кажутся вескими (ОАК за 1904: 47).

Однако, дальнейшие рассуждения Штерна имеют ввиду только греков, опять-таки совершенно игнорируя самое существование на близлежащем материке в каких нибудь 1 1/2-3 км туземцев, почему мы считаем необходимым эти рассуждения написать полностью: «... Откуда могли привозить на этот остров такое множество покойников. Ближайшей греческой колонией была Ольвия (хотя и она находилась на расстоянии больше 30-ти верст), но она имела, как доказывают раскопки, собственный некрополь по крайней мере с начала VI в., и следовательно отсюда не могли быть доставляемы покойники на Березань».

Допустить же, что на противоположном берегу материка было какое то нам неизвестное, но во всяком случае не вполне незначительное поселение, у нас нет решительно ника-

кого основания, да и помимо того не было в обычаях древних греков устраивать некрополи дальше, чем перед воротами и за стенами своих городов. Наконец какой-нибудь причины для вывоза трупов на отдаленный остров придумать нельзя. Если боялись разграбления, расхищения или осквернения соседями-варварами этих бедных по содержанию ям, заполненных урнами с пеплом, интересными для нас в научном отношении, но не имевшими цены в древности с точки зрения рыночной стоимости керамических и др. изделий, то, конечно, легче было бы защищать неприкосновенность этого некрополя, если бы он был устроен вблизи от поселения, а не на отдаленном необитаемом острове (Штерн 1901).

Первыми значительными своими раскопками в 1904 г. в противоположном Северо-Восточном углу острова Штерн доказал существование на острове ископаемого поселения VII – VI вв. до н.э., рассуждения же его совершенно опровергают возможность функционирования Березани в качестве «острова-мёртвых» только для окрестного греческого населения. Что же касается до туземного населения ближайших к Березани пунктов, то вопрос об этом пока остаётся открытым до раскопок: с одной стороны, в Викторовке на западном берегу Березанского лимана (прямо на север от нашего острова); с другой, до продолжения раскопок архаического березанского некрополя в его более восточных, не затронутых Скадовским частях. Чудовищно изумительным представляется нам только факт полного игнорирования Штерном туземного населения при любых его соображениях...

Пока при несомненном наличии в составе погребённых на острове в VII – VI вв. не только греков, но и туземцев, не найдено еще ни бесспорных догреческих туземных погребений на острове, как и не найдено пока и таких же бесспорных догреческих туземных (земляночных) жилищ, хотя и туземные пласты погребений в результате раскопок Скадовского 1900-1901 гг., и туземные жилища-землянки в результате наших раскопок 1927-1931 и 1946-1947 гг. на острове найдены были. Принадлежность тех и других к догреческому времени также требует теперь доказательства раскопками, как в 1900-1904 гг., такое доказательство необходимо было для гипотезы Штерна о древнейшем греческом поселении на острове VII – VI вв.

Далее Штерн высказывает (Штерн 1901) в своём докладе о раскопках Скадовского в 1900 г. совершенно бесспорную, на наш взгляд, и трезвую мысль, к сожалению, впоследствии им оставленную, о том, что «поселение или эмпорий на Березани»... поглощено было развитием торговли в колонии Ольвии и окончательным утверждением греков в этом пункте материка. Так как торговые операции сосредоточились в Ольвии, то эмпорий на острове, к которому при дурной погоде нельзя пристать, лишился всякого значения и с течением времени оставлен был своими жителями. Сравнительная безопасность от набегов соседних варваров в это время, по видимому, не играла больше решающей роли»...

Оставляя информацию о прочих находках, равно как и о различных типах сожжения и погребения на острове на долю самого автора раскопок, что, к сожалению, не было тем выполнено в печати и остается в меру наших сил, нашим долгом, Штерн отмечает ещё здесь скудость монетных находок, среди которых выделяет два-три «Асса» ольвийских, средней величины типа «Деметры», с которыми он сопоставляет один большой с головою Афины, находку Видгальма на Березани же. Это заставляет его поставить вопрос о пересмотре датировки этих «ассов», обычно датировавшихся нумизматами III в. до н.э., а А.Л. Бертье-Делагардом и более поздним временем...

в) ХОД РАСКОПОК Г.Л. СКАДОВСКОГО

Для раскопок своих Скадовский выбрал крайний западный (северо-западный) выступ острова (в рукописи отчёта ошибочно вместо «С-3» стоит «СВ», каковые описки, могущие быть исправленными только при помощи плана, нередко в тексте) у отвесного скалистого берега, с трех сторон омываемого морем, по рельефу своей поверхности имевшего вид длинного узкого холма с неровною поверхностью, изрытого буграми и впадинами от кладонисательских ям, из которых некоторые, по мнению исследователя, были вырыты не дальше как за неделю до его прибытия на остров. В некоторых ямах в изобилии разброса-

ны были человеческие кости и черепки древней чёрнолаковой и простой глиняной посуды, находившиеся также повсюду по поверхности холма в виде, так называемого, подъёмного материала. Одна такая яма наполнена была древесным углем.

Раскопки свои Скадовский, применительно к наличию большого числа рабочих и отсутствию научного персонала, вёл в траншейном порядке широкими и длинными «полосами» (термин, применяемый им в отчёте) неодинаковой ширины и длины, закладываяемыми, начиная с первой полосы (на нашем плане 1) (с западного выступа в расстоянии 46,20 метров от юго-восточной оконечности северо-западного мыса острова в западно-восточном направлении): полоса 1-я шириною в 2,8 метра и длиною в 25,20 метра в метрических мерах, в которые мы везде переводим сажени, аршины и вершки, в которых сделаны все измерения Скадовского и Штерна.

Перпендикулярно к южной границе 1-й полосы параллельно проложена была вдоль всего обрыва к морю западного берега, избранного им для раскопок крайнего западного выступа острова, в северо-южном направлении широкая и длинная траншея до самого юго-западного мыса северо-западного выступа острова, ввиду её громадного протяжения с севера на юг в свою очередь расчленённая на «кварталы» (тоже технический термин Скадовского, взятый как будто из кладбищенской терминологии) числом 5. Обозначаются у нас на плане П₁, П₂, П₃, П₄, и П₅. В дальнейшем, начиная с III квартала, в тексте своего отчёта Скадовский иногда сбивается в своей терминологии, заменяя преобладающий у него основной термин «полоса» словами «траншея», или даже «квартал».

Доведя эту вторую свою северо-южную траншею, перпендикулярную к первой западно-восточной до поворота юго-западным мыском обрыва к морю в западно-восточном направлении, Скадовский опять таки идёт вдоль обрыва к морю северо-западного выступа острова теперь уже южного, а не западного, как это было во II-й полосе, параллельно к далеко на севере оставшейся южной границе I-й полосы и также, как и при её закладке, опять в западно-восточном направлении III полосу, так же заложенную перпендикулярно ко II-й, как последняя была заложена перпендикулярно к первой; длина её с 3 на В 21 метр, ширина на 3 на границе с полосой II-й 5,78 метра, на противоположном восточном конце 4,20 метра. Тут затем по вскрытии III полосы по порядку закладываются и прирезаются к каждой предшествующей южной полосе с севера новые полосы в порядке нумерации от III до VIII, при чём северной границей полосы VIII является южная граница полосы I. Две первые — прирезанные с севера к полосе III на юге нашего выступа полосы IV и V сравнительно узкие одинаковые по площади, имея одинаковую с III длину, т.е. 21 метр, а в ширину каждая по 4,20 метра. После пятой полосы, однако, Скадовский, пропустив площадь, равную двум предыдущим полосам IV и V, т.е. шириною уже не в 4,20 метра, а в 8,40 метра, широкую полосу VI «из экономии по уборке земли», а непосредственно перешел к раскапыванию такой же, как пропущенная двойная полоса VI, широкой полосы VII и только по завершению ее раскапывания, продолжая его не к северу прирезкою VIII полосы, представлявшей собою широкий, оставшийся нераскопанным выступ между раскопанными полосами I на севере и VII на юге, а к югу, ликвидируя теперь такой же оставшийся нераскопанным южный выступ между VII на севере и V на юге, принявшись сначала за раскопку полосы VI, а затем уже полосы VIII на север от полосы VII. Однако обе эти новые полосы и VI на юг от VII и VIII на север от неё не были вскрыты Скадовским исчерпывающе на всей их площади, а в обеих на юго-западе каждой из них оставлено было по недокопанной (см. план) узкой полоске, из которых таковая (более широкая) в VI полосе не была оставлена не раскопанной до самого юго-западного угла полосы VI, а угол этот при схождение северо-западного угла полосы V с северо-восточным углом квартала П₄ и юго-восточным углом квартала П₃, был раскопан, тогда как на полосе VIII такая же (но более узкая) не раскопанная юго-западная полоска по границе с полосой VII осталась не раскопанною до самого юго-западного угла полосы. Если все полосы с юга на север от III по VII имеют правильные прямоугольные очертания, на полосе VIII эта правильность заканчивается и полоса эта остаётся прямоугольной только в западной своей части: северная её граница с полосой I-й составляет всего 18,20 метра, а южная с полосой VII должна

была бы иметь 21 метр, в соответствии с северной границей полосы VII, но так как юго-запад её остался до конца раскопок недокопанным, в виде полоски, имеющей форму русской печатной буквы «Г» с коротким на западе выступом к северу, то очертания границ полосы VIII-й становятся совершенно причудливыми и восточная её граница представляет собою даже не прямую, а кривую линию, так как юго-восточный угол полосы дальше от обрыва к морю на западе, чем северо-восточный. То же явление с восточной границей мы имеем и далее к северу от полосы I на полосе IX, восточная граница которой представляет собою уже не кривую, а ломаную линию из трёх, разной длины, отрезков, кончающуюся на севере у юго-восточного угла полосы X, где прямолинейное построение восточных границ полос восстанавливается. Полоса X-я на юге по границе с IX имеет длину в 13,85 м, на севере по границе с XI-й 16,33 метра, ширина её 6,39 метра. Полоса XI-я имеет ширину на прямом продолжении восточной границы полосы X — 8,16 метра. Длина её по северной границе 16,33 м. Но тут с примыкающей к ней с севера полосы XII (граница на нашем плане не начерчена, она граничит с нераскопанным к северу от неё пространством). Восточная граница полосы XII идёт уступом, представляя собою прямоугольно изломанную прямую линию из трёх отрезков. На севере с полосой XIII, последней с юга на север, она граничит всего лишь на протяжении 1,13 метра. Полоса XIII построена на севере вдоль северного обрыва к морю северо-западного выступа к морю перпендикулярно к узенькой полосе XII вдоль западного обрыва, как на юге — нашего северо-западного выступа III-я полоса построена перпендикулярно к полосе II-й. Очертания границ XIII полосы кроме, северной и западной, где они обрываются к морю причудливо прямоугольны, идя уступом к западу, нарушаемым посередине врезающимся здесь с запада нераскопанным прямоугольным языком.

Мы дольше, чем это интересно и нам, и нашему читателю в одинаковой мере, вынуждены были остановиться на описании внешних моментов хода раскопок Скадовского в 1900 г. и их топографических рамок, чтобы сделать возможным понимание читателем прилагаемого нами плана Скадовского, ставшего для нас в конкретных условиях нашей работы над его раскопным наследием основным документом, заменяющим в значительной мере сами раскопанные объекты, описания, которых Штерн ожидал от Скадовского, и которое ныне вынуждаемся обстоятельствами при исключительно неблагоприятных предпосылках сделать мы, так как выполнить это кому-нибудь другому будет гораздо труднее, чем нам, даже если обнаружится и станет доступною для исследования вся остальная, пока для нас являющаяся пропавшей, документация раскопок Скадовского.

Позволяем себе думать, что хотя такая работа и сможет, несомненно, прибавить существенные коррективы к излагаемому нами ниже, наша настоящая работа вряд ли будет бесполезною для наших продолжателей.

Изложенное освобождает нас в дальнейшем от необходимости идти на поводу у Скадовского в соответствии с разворачиванием хода его раскопок 1900 г. и позволяет, имея перед глазами план его раскопок, как нечто единое, целое и законченное, обозреть его, так сказать, «с высоты птичьего полета» и в таком порядке перейти к рассмотрению разных категорий открытых им памятников, их распространения на плане и соотношения между собою.

РАЗБОР РАСКРЫТЫХ РАСКОПКАМИ СКАДОВСКОГО ОБЪЕКТОВ. «ЗОНА РАЗГРАБЛЕНИЯ КЛАДОИСКАТЕЛЯМИ И ДР. ЛИЦАМИ»

При грубо суммарном беглом, так сказать, «с высоты птичьего полета» обозрении плана раскопок Г.Л. Скадовского бросается в глаза неравномерное и в этой своей неравномерности планомерное распространение в пределах раскопанной Скадовским площади объектов археологического внимания исследователя, их, так сказать, строгая, чуть-ли не закономерная зональность в пределах этой площади.

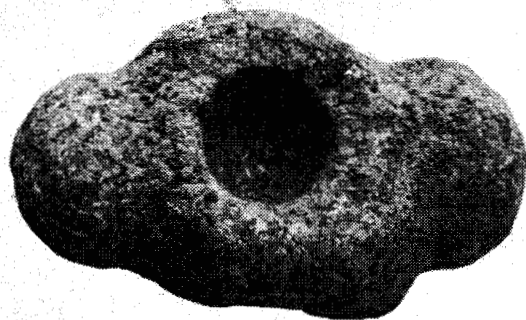
Это в полной мере будет правильным, прежде всего в отношении зоны «разграбления кладоискателями и др. лицами». В порядке обозрения плана зона эта почти не задевает

ФОТО 1:
К статье
В.Г. Петренко
«Проблема «Триполье
и Степь»
и памятники энеолита
— ранней бронзы
Северо-Западного
Причерноморья»

Энеолитический могильник Кошары I
(общий вид на нижнем ярусе расчистки и погребение 4).

ФОТО 2: К статье В.Г. Петренко.

«Степная триада»: скипетр, булава и скелянский горшок.
Березовское поселение. Раскопки В.П. Цыбескова

северного обрыва к морю, исключая то место, где он переходит в западный, на крайнем западе полосы XIII Скадовского, и то, нигде не углубляясь здесь в сушу от берегового обрыва больше, чем на I метр.

Вдоль Западного обрыва к морю на протяжении побережья полосы XII эта «зона разграбления» тянется сплошь, нигде не достигая удаления от обрыва в 1,5 метра, а на следующей к югу полосе XI максимальное (и то в одной лишь точке) удаление от обрыва к морю в сушу острова достигает 2,1 метра, на всем протяжении следующей полосы X «зона разграбления» совсем не представлена, прерываясь здесь, таким образом, на протяжении 6,30 метра.

Очень характерно, что интенсифицируется деятельность грабителей по мере приближения к крайнему западному выступу здесь берега острова в море (полоса I Скадовского), занимая здесь всё побережье полосы IX и примыкающую тут к ней северо-западную часть побережья полосы I (самый мысок) и врезающаяся здесь в сушу острова сплошным клином, доходящим тут до 7,70 метров от берега. После нового перерыва в «зоне разграбления» на протяжении 4,20 м по юго-западному обрыву упомянутого крайнего западного выступа острова (на полосе I) в пределах полосы I и примыкающего к ней северного участка берега первого квартала полосы II наблюдается новое значительное вторжение «зоны разграбления» от берега моря вглубь суши острова на протяжении 12,60 метров вдоль берега. Здесь граница «зоны разграбления» не вклиняется в сушу острова, а распространяется на неё мягко округлыми очертаниями вроде морского залива на расстояние до 4,20 метров от берега вглубь суши острова, занимая юго-западный угол первого квартала и весь северо-запад второго квартала полосы II Скадовского. Юго-западное побережье площади второго квартала этой полосы раскопок Скадовского до раскопок никаким разграблением не подвергалось, но сейчас же по переходе в третий квартал той же полосы наблюдается новое вторжение грабителей с моря вглубь острова на всем протяжении пятна в 4,20 метров по берегу и в 3,50 метров от него вглубь суши острова, опять с мягкими округлыми границами. Дальше по береговой линии третьего квартала II полосы «зоны разграбления» не наблюдается, но зато здесь в южной половине этого квартала наблюдается явление уникальное в топографии «мест разграбления кладоискателями и другими лицами» в пределах площади раскопок Скадовского 1900 года: два округлой формы пятна, так сказать, «острова» разграбления, одно, отступив от обрыва к морю вглубь острова всего на 0,70 м, диаметром 62,80 м, в юго-западной части полосы, другое на расстоянии от него далее вглубь острова на 1,75 м к востоку, приближающееся к овальной форме и занимающее весь юго-восточный угол квартала представляет собою пятно длиною в 4,90 метров и шириной в 3,25 м.

Если определить здесь максимальное удаление крайней точки проникновения вглубь острова этого грабительского пятна, окажется равной 9,10 м. Это случай максимального, но, подчеркиваем, не сплошного проникновения здесь вглубь суши острова в пределах площади раскопок Скадовского следов предшествовавшего раскопкам разграбления.

Далее по берегу четвертого квартала II полосы «зона разграбления» возобновляется в виде сплошной компактной полосы, тянувшейся от северной до южной границы квартала и доходящей на севере до максимального углубления в сушу острова на расстояние в 2,80 м, в центре тоже и на юге до 3,50 м; между этими максимальными углублениями в сушу такие уменьшаются до минимумов в 1,40 и 2,10 м.

В пределах 5 квартала II полосы западный берег, более не знает «зоны разграбления» и только в юго-восточном углу этого квартала обнаруживается опять одно грабительское пятно, но уже на южном берегу площади раскопок Скадовского на острове в 1900 г. Тут тянется оно по берегу до границы с полосой III на 2,80 м, углубляясь в сушу острова здесь всего на 1,40 м. Далее следов грабительств не видно и на всем побережье полосы III, кроме её юго-восточного угла, где на самой границе раскопа Скадовского опять над берегом обнаруживается грабительское пятно на протяжении 7,70 м, углубляющееся в сушу острова на 1,40 м с мягкими округлыми краями этого пятна.

Наше несколько педантическое обозрение «зоны разграбления» архаического некрополя представляет собою для нас то значение, что оно должно помочь нам разобраться в том,

какие объекты исследовательского внимания могли быть разрушены предшествовавшими раскопкам грабительскими поисками на острове.

Прежде всего наш обзор показывает, что архаический некрополь очень мало сравнительно пострадал от хищнических раскопок и что раскопки эти и поиски грабителей ограничивались как правило непосредственной береговой полосой и стимулировались, несомненно, теми торчавшими над обрывом костями и предметами древности, которые видны были при объезде берега с острова с моря или при обходе его с суши, что ясно и из отчета Р.А. Пренделя, и Б.В. Фармаковского, и из непосредственных впечатлений каждого, кто видел берега острова по сегодняшний день включительно.

Некоторое исключение, представляемое центральной частью побережья северо-западного выступа острова при мысе полосы I обязано своим происхождением, по видимому, не понским и раскопкам грабителей, а таковым предшествовавшим Скадовскому исследователям острова Р.А. Пренделя и Б.В. Фармаковского.

Действительно, на небольшом планчике острова, приложенном Р.А. Пренделем к его «отчёту» мы видим, что на месте наблюдаемого Скадовским клина Пренделем заложена была траншея.

Для нас важно знать, какая категория памятников разрушена была на архаическом некрополе до раскопок Скадовского и до составления им его замечательного и ценнейшего при всех его дефектах и неточностях плана.

По-видимому, таковыми были в основном обыкновенные могилы вроде тех, которые мы наблюдаем на плане Скадовского на наиболее врезающемся в море юго-западном мысу Северо-западного выступа острова, где раскинулся архаический некрополь, в пределах 5-го и значительной части 4-го кварталов II полосы Скадовского и примыкающей к ним западной половины полосы III.

Интересные каменные сооружения, кроме крайнего северо-восточного угла 4-го квартала второй полосы, отсутствуют не только здесь, но и на всём протяжении здесь южных полос раскопа Скадовского III, IV, V притом в зоне, где густота нетронутых до раскопок Скадовского археологических объектов исключает возможность говорить здесь о каких-нибудь существенных повреждениях этих объектов, которые могли бы помешать их констатации здесь. А ведь это составляет широкую прибрежную полосу на юге раскопа Скадовского в 12,60 метров, на которой таких сооружений не было. То же можно сказать и о северной периферии раскопа и там, на территории полос XIII, XII и XI, кроме границы со следующей полосой X, таких сооружений нет на очень широкой полосе на север от подковообразного в плане каменного сооружения на юге полосы XI в соседстве с полосой X, шириною в 25,20 метров.

Это даёт нам право утверждать, что предшествовавшие раскопкам Скадовского поиски и раскопки, что подтверждается отчасти и отчётами Пренделя и Фармаковского никаких каменных сооружений не обнаруживали и не разрушали и в западной прибрежной полосе тем более, что зона этих сооружений по плану Скадовского начинается, довольно далеко отступив не только от берега, но и от крайних пунктов проникновения вглубь суши острова следов поисков и раскопок на острове, предшествовавших работам Скадовского, располагаясь исключительно по восточному, наиболее удалённому от берега краю раскопа Скадовского, не доходя здесь в направлении к западу даже до половины раскопанной Скадовским площади и составляя вместе подобие дуги по восточному, удалённому от обрыва к морю, краю раскопа Скадовского 1900 г. с севера на юг в пределах полос плана Скадовского IX, I, VIII, VII и VI. Не говоря об этой сплошной «зоне» значительных каменных сооружений отдельные сооружения такого рода, выступающие за пределы этой зоны в тесном смысле слова отстоят от края обрыва к морю: упомянутое уже подковообразное сооружение на юге полосы XI, самое северное сооружение этого рода отделено от обрыва к морю довольно широкой полосой в 5,25 метров, крайнее южное серповидное или крючковидное сооружение в северо-восточном углу 4-го квартала полосы II, принадлежность которого к «зоне» вызывает серьёзные сомнения, отстоит от южного обрыва на 10,50 метров, от западного на 5,90 метров. Более увязанное с «зоной» кольцевое каменное сооружение

в западной половине полосы VI, стыке её с полосой VII отстоит от западного обрыва острова на 9,80 метров...

В меньшей мере то же можно сказать и о другой интереснейшей категории памятников, раскрытых раскопками Г.Л. Скадовского в 1900 г. о «кострищах», зона распространения которых, прежде всего совпадая с зоной распространения каменных сооружений и полностью её перекрывая, распространяется значительно шире, заполняя и внутреннюю сторону дуги, образуемой цепью каменных сооружений на востоке раскопа Скадовского и сверх того выклиниваясь ещё в юго-западном направлении от VI полосы, где в зоне обих кольцевых каменных сооружений этой полосы и между ними наблюдается самая густая концентрация кострищ и вширь и вглубь. Здесь клин, образуемый ими, занимает западную четверть полосы 5-й, заходя в зоне серповидного (крючковидного) в плане каменного сооружения в северо-восточном углу 4-го квартала II полосы на восточный край этого квартала на восток от названного сооружения и дальше к юго-западу в крайней западной части полосы IV, в юго-западном углу которого кострище 121 своими краями задевает и примыкающие края северо-западного угла полосы III прилегающей части 4-го квартала полосы II. Это крайнее на юго-западе «кострище» не доходит до южного обрыва на полосе III на 5,95 метров, до западного к западному обрыву подходит «кострище» в зоне заполнения ими дуги, образуемой каменными сооружениями на востоке раскопа. На севере клин «кострищ» на полосе XII приближается к западному обрыву на 2,35 метров, а на полосе XIII даже на 0,70 метров, а к северному на 2,35 имея здесь наибольшее к нему приближение.

КОСТЯКИ, ОТКРЫТЫЕ РАСКОПКАМИ СКАДОВСКОГО ВНЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ, ИХ СТРАТИГРАФИЯ И ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Оставляя пока до дальнейшего специального обзора каменных сооружений и кострищ, заслуживающих углублённого рассмотрения, мы займемся сначала рассмотрением основной рядовой массы погребений на Березанском архаическом некрополе, раскопанном Скадовским в 1900 году. Из сказанного выше видно, что, по-видимому, именно в основном эти погребения, но, возможно, частично и кострища, пострадали от поисков и раскопок, имевших место на острове до работ здесь Скадовского. Ими, очевидно, и заполнялись до этого те «плеши», которые на плане Скадовского обращают на себя внимание отсутствием на них каких-либо конкретных открытых памятников в зоне «мест разграбления» по плану и отчёту Скадовского в прибрежных местах его раскопа в разных пунктах.

Уже при беглом обзоре плана бросается в глаза подавляющее преобладание здесь костяков в вытянутом на спине положении, а среди них заметное преобладание в центральной части раскопа костяков, обращённых головой на СВ, ногами на ЮЗ, у которых на юге, начиная с VII полосы и на севере, начиная с X полосы, это преобладающее положение с успехом оспаривается костяками, сориентированными головами прямо на В, а ногами на З. Иные положения и в частности скорченные костяки находятся в весьма незначительном меньшинстве. В общем вытянутых на спине костяков с головами, обращёнными на В и ногами на З — 17, к северу от дуги значительных каменных сооружений на Востоке раскопа Скадовского, 43 — в зоне дуги и, наконец, на юг от неё — 40, всего в общем 100.

Таких же костяков головами на СВ, ногами на ЮЗ, в центре — 72, на севере — совсем нет, на юге — 10, всего 82.

После этих общих беглых замечаний мы должны перейти к детальному обзору всех видов погребений и сопутствующих им обстоятельств в порядке большей или меньшей распространённости тех или иных типов, сначала вытянутых, затем скорченных.

I. ВЫТЯНУТЫЕ КОСТЯКИ С ГОЛОВАМИ НА ВОСТОК

Сюда мы относим и костяки, представляющие собою небольшие отклонения к северу или к югу от прямой восточной ориентации. Среди них мы ставим на первое место сначала костяки

в строго вытянутом положении на спине с такими же вытянутыми по бокам вниз руками и ногами, затем костяки, у которых руки представляют разные отклонения от прямого вытянутого вдоль туловища положения, далее те, у которых ноги отклоняются от прямого вытянутого положения и, наконец, такие, которые, лёжа на спине, имеют поджатые, как у скорченников ноги, при одинаковой ориентации головы. Однако раскопки Мариупольского могильника в 1930-1932 гг. показывают отсутствие принципиального различия для определения принадлежности к одному обществу и племени ориентаций головою на Восток или на Запад.

К вытянутым на спине костякам в строгом смысле слова, без каких бы то ни было отклонений от вытянутого труположения в конечностях, принадлежит на полосе XIII (крайний север раскопа) один лишь костяк 510, который, однако, никак нельзя рассматривать изолированно от окружения и, прежде всего от лежащего рядом с ним костяка 509, в таком же, как и он, положении, бок о бок с ним рядом к Югу, большего, чем он, судя по плану, роста с прямо вытянутыми на Запад ногами, но с левой рукою, согнутой в локте и кисти её, покоящейся на донной части в области живота; правая рука этого костяка тоже согнута в локте, и кисть её находится у черепа рассматриваемого нами костяка 510, темя которого не выше линии ушей более крупного по росту костяка 509. Между обоими костяками стоял ряд вертикально поставленных черепков толстостенной посуды. Никакого иного сопутствующего инвентаря при этом парном погребении, в котором вряд ли будет ошибкою признать супружескую чету, не имеется.

Взгляд, брошенный на дальнейшее окружение изучаемого нами женского(?) скелета 510 с его мужской(?) парю 509, позволит до некоторой степени представить его стратиграфию.

Прежде всего у Скадовского ни на плане, ни в тексте отчёта ничем и нигде не отмечается специальная могильная яма при этих костяках. На расстоянии 1,05 метра к северу от костяка 510 обнаружено было кострище округлой формы диаметром в 4,20 метра из земли вперемешку с углём, черепками и золою толщиной в 0,11 метра, покоящееся на слое перегорелого песка толщиной в 0,26 метра. Среди прочих находок в кострище в отчёте Скадовского отмечается арибал, без дальнейшей детализации.

Кострище залегало под другим вытянутым на спине погребением 508 на 2,80 метра к Северу от главного и, повидному, старшего из нашей пары костяков 509, залегавшей, как и кострище, глубже погребения 508. Костяк этого погребения головою также на Восток с лёгким отклонением к Югу имел левую руку согнутой в локте и кистью, направленной в область таза, правая также согнута в локте с кистью на груди. На груди красная краска (реальгар). Левая нога костяка вытянута, а правая согнута была в колене в направлении к Северу, ступня этой ноги находилась у середины берцовой кости левой ноги (см. план). За черепом слева лежала разбитая амфора. К Юго-Западу от кострища обнаружен был тоже вытянутый на спине костяк 511 с головою на СЗ, руками вытянутыми вдоль туловища и ногами, вытянутыми прямо на ЮВ. При костяке не было приложено никакого инвентаря. В непосредственном с ним соседстве с Юго-Запада обнаружен был слой угля, мощностью в 0,13 м в виде округлого пятна диаметром около 1 метра, на нём покоилась нижняя часть амфоры, прикрывавшая кучу обгорелых человеческих костей (512). На Юг-Юго-Запад от него на расстоянии 0,35 метра обнаружена была в самом юго-западном углу полосы XIII могильная яма 513 протяжением с В на З в 1,40 метра глубиною в 0,70 метра. На дне её в центре была обнаружена каменная плита, к Западу от которой раздавленный кувшин, а в Юго-Западном углу ямы три вертикально-поставленных каменных плитки. За ними в том же углу могильной ямы на дне её, представляющем тут материковый известняк, выдолблена была круглая ямка диаметром в 0,22 метра, в которой ничего обнаружено не было¹⁸.

В пределах той же XII полосы Скадовского обнаружена была ещё группа каменных гробниц, из которых ближайшая к рассмотренным нами погребениям 505-я на расстоянии 1,93 метра от костяка 508 имеет в длину с Востока на Запад 2,80 метра и в ширину 0,88 метра глубина её 0,53 метра; она была обставлена со всех сторон плитами камня-дикаря.

¹⁸ Для изучения данного участка Березанского некрополя нами полностью использованы все фактические данные текстового отчета Скадовского и существенно дополнены данными, вытекающими из изучения плана, но в текстовом отчёте Скадовского не упоминаемыми.

С восточной стороны она покрыта была четырьмя большими плитами, одна из которых имела заострённый верх. Остальная часть покрыта была плитами дикаря, завалившимися внутрь гробницы, на дне которой лежал вытянутый костяк на спине головою на Восток. Плечевые кости его рук лежали на месте по бокам вдоль туловища, обе руки в локтях были согнуты и кистями своими обращены к нижней челюсти черепа скелета. Правая нога была вытянута, левая слегка согнута к Югу. У правой ноги находились большой железный нож, ольвийский медный асс с изображением Деметры, крючок от медного предмета.

Могила эта пересекала накрест залегавшую под нею мелкую могилу 506 в 0,13 м глубиною, накрытую камнями разной величины, которая в длину имела 1,66 метра, и в которой ничего обнаружено не было. На 0,35 метра к Северу от гробницы 505 раскопана была параллельная ей гробница 503, находившаяся в то же время на расстоянии 1,75 метра от северного обрыва к морю и 7 метров от западного. Она сложена была из больших каменных плит и имела в длину 2,10 метра и в ширину 1,13 метра. Восточная сторона гробницы по Скадовскому, прикрыта была тремя большими плитами, одна из которых "фигурная" с расширенным основанием и закруглённым верхом с круглым валиком наверху, и, по мнению Скадовского, служила раньше надгробием. Под этим рядом камней оказалась ещё квадратная плита в 0,08 метра толщиной и в 1,05 метра в длину и в ширину, перекрывавшая середину гробницы. Под этой плитой находилась рыхлая чёрная земля, заполнявшая гробницу внутри, а на дне её вытянутый на спине костяк головою на Восток, правая рука его вытянута была вдоль туловища, а левая, согнутая в локте, кистью своей покоилась на тазе. Из ног правая была вытянута, левая слегка согнута в колене к югу так же, как и у захороненного в соседней гробнице костяка 505; у кисти левой руки находились 8 медных стрелок, у левого локтя круглый точильный брусок...

У основания гробницы 503 с южной стороны, т.е. влево от захороненного в ней костяка обнаружен был детский костяк 507, череп которого прикрыт был дном амфоры.

В головах обеих параллельных гробниц 503 и 505 на расстоянии 0,70 м к Востоку от восточного конца могилы 503 обнаружена была ещё покрытая сверху камнями могильная яма 504 длиною с Севера на Юг 1,93 метра и шириною 0,88 метра, в которой ничего обнаружено не было.

Общий обзор исчерпывающе обзранных нами погребений крайней северной из полос (XIII), раскопанных Скадовским в 1900 г. на Березанском архаическом некрополе, позволяет сразу же высказать кое-какие соображения общего порядка.

Рассмотренный нами только что небольшой участок березанского архаического некрополя позволяет схватить некоторые моменты стратиграфии всего некрополя и его отличие от других аналогичных некрополей того же приблизительно времени. Э.Р. Штерн, через которого наука в основном знает, что открыл на некрополе Г.Л. Скадовский, считал некрополь этот, принадлежащим к открытому им позже в 1904 г. и затем, исследовавшемуся им же на месте в порядке дальнейших раскопок на острове по 1913 г., древнейшему в Северном Причерноморье греческому ионийскому (милетскому) поселению, которое в дальнейшем, другие ученые стали называть даже «городом» (Пападимитриу 1910; Марр 1935: 351) (здесь в тексте у автора есть упоминание о Фридрихе Билабеле, но ссылка на работу отсутствует — прим. ред.) и, даже теперь, когда в нашей науке может считаться общепринятой точка зрения Т.Н. Книпович (Книпович 1935: 90-110) о том, что греческой колонизации прежде основания постоянных поселений городского типа, организованных по образцу греческой полис, что датируется в общем временем не ранее середины VI в. до н.э., предшествовал длительный период доколониальной торговли, основные исследователи вопроса для греческого поселения на Березани делают исключение и признают его существование уже в VII в. (Книпович 1935: 103; Иессен 1947: 54).

Штерн информирует нас об открытии Скадовским за одну раскопочную кампанию 800 могил, принадлежавших поселению, просуществовавшему с середины VII в. до начала V в. до н.э. вряд ли более какихнибудь 150 лет... Интересно сравнить его с чемнибудь аналогичным из той же эпохи и того же социально-исторического и культурно-этнического мира. Действительно в 1907-1908 гг. на крайнем юго-Востоке Эгейского моря датс-

ким учёным Кинхом были тщательно проведены раскопки в местности Врулия на южной оконечности острова Родоса в пункте, где проходили в древности важнейшие рейсы на путях из гор. Линда на Родосе к о. Криту и к Сицилии, на которую линдийцы совместно с критянами вывели в 690 году колонию Гелу на южном берегу этого далекого острова. Мало того тут же проходил морской путь из Египта, Сирии и с о. Кипра в Ионию с её далёкими северными колониями до наших берегов включительно и в собственную Грецию со всем миром островов Эгейского моря.

Надо прибавить к этому ещё, что тут, особенно по проливу между Родосом и лежащим на ЮЗ от него островом Карпатом (?...?), с июня и до сентября месяца денно и ночью дуют пассатные ветры, которые делали лёгким для кораблей под парусами достижение в это время Египта. Это приводило к южной оконечности Родоса очень много судов в эти месяцы, а если учесть, что южная оконечность Родоса в Восточном Средиземноморье для пловцов из Эгейского моря в открытое Средиземное море, где уже нет больше островов, где на каждом этапе в Эгейском море возможен был причал, передышка, запас воды, то последним таким пунктом тут являлась именно южная оконечность Родоса (?...? 1914: 5), совершенно так же как у нас на Чёрном море для плывущих из бассейнов Днепра, Буга и Днепро-Бугского лимана в открытое море таким местом последнего большого привала и обеспечения достаточным запасом свежей пресной воды и пр. была наша Березань...

С тех пор со времени Псамметиха I с 664 г. сношения между Египтом и греческим миром особенно оживились, значение местности Врулия стало особенно значительным (?...? 1914).

Тщательное исследование небольшого некрополя и раскопки поселения установили, что поселение было очень небольшим и просуществовало около 100 лет от 670–660 гг. приблизительно до 560 г., так как в раскопках поселения имели место лишь единичные находки аттических чёрнофигурных черепков начала VI века, которые в инвентарь некрополя проникнуть не успели (?...? 1914: 89).

Этот старший современник Березанского архаического некрополя оказался чрезвычайно однообразным. В нём оказалось два основных типа мест упокоения: 1) прямоугольные могильные ямы, все без исключения, одинаково сориентированные головою на ЮВ, ногами на СЗ с несущественными отклонениями от этого основного направления на несколько градусов в ту или другую сторону, таких могил было 33 и 2) погребения в глиняных сосудах, каковых было 42. Последние вместилища хранили в себе исключительно костяки детей, умерших в раннем младенчестве. Так как обычно так хоронили детей не старше 3-х летнего возраста и лишь в виде единичного исключения некрополь Врулий дал случай погребения в сосуде ребёнка, у которого уже начали меняться молочные зубы, т.е. в возрасте около 6 лет, эта колоссальная смертность малых детей чрезвычайно поразила исследователя, особенно по сравнению с погребениями микенской эпохи на том же Родосе, где детских погребений не обнаружено. Как мы увидим, громадная смертность малых детей разделялась и архаическим некрополем на острове Березани, но можно сказать, что на этом сходство кончается...

В прямоугольных могильных ямах хоронились взрослые и дети, вышедшие из младенчества, кроме двух таких ям, заключавших в себе труположения. В одном случае такая могила заключала в себе похоронную урну с костяком ребёнка. Во всех остальных случаях могильная яма была местом, где останки покойника сжигались при сильном огне, но везде, где уцелели от действия огня черепа или их части они оказывались в ЮВ конце могильной ямы. Другая особенность могильных ям во Врулии это то, что заполнялись они в несколько приёмов, иногда «до отказа», когда 9 покойников один на другом были сожжены в одной и той же яме, которая таким образом служила и крематорием и могилой. В общем, благодаря этому, число похороненных на врулийском некрополе равняется приблизительно 125 человек, среди которых совсем малых детей 43...

Другой особенностью врулийского некрополя является группировка в его составе могил взрослых и детей пространственно обособленными небольшими группами, как думает Кинк, с чем трудно не согласиться, семейно-родственными, в которые входили, как взрослые, так и малолетние члены семьи... В пределах каждой такой группы погребения детей

не занимали совершенно особой от взрослых территории, а группировались обычно при отдельных (родительских) костяках.

Уже первое сопоставление с Врулией пункта, который, принадлежа к тому же греческому миру, притом того же родосско-милетского круга, почти одной и той же эпохи, пункта, который по своему географическому положению должен был, как будто бы в сношениях эпохи играть не меньшую роль, чем Врулия, нашей Березани, показывает глубочайшие отличия, которые требуют своего разъяснения.

Первое отличие это — чрезвычайное разнообразие типов захоронения на нём, которое при принятии сравнительной непродолжительности обитаемости острова и однородности этнического состава его населения совершенно не может быть мало мальски удовлетворительно объяснено.

Штерн видел самое существенное различие в типах погребения это в отличии древнейшего ионийского (милетского) трупосожжения (кремация), характеризующей «первый период заселения острова», от аттического труположения (ингумации), которое, по Штерну, проникает и быстро распространяется вместе с экспансией в область Причерноморья со времён тирании Писистрата афинской торговли, характеризующейся проникновением сюда аттической чёрнофигурной керамики. Однако очень трудно себе представить, чтобы такой решительный переворот мог произойти в самой консервативной из областей человеческого быта в погребальном ритуале с такой невероятной быстротой без коренного изменения при этом состава населения здесь...

Однако и в области ингумации мертвых мы не видим ничего общего с единообразием Врулии, не имеющей разнообразия разных типов погребений.

Характерные отличия Березани от Врулии частично могут быть выявлены уже на анализе описанной нами XIII полосы.

Начнём с черт, сближающих оба некрополя. Наше изучение показало нам здесь 12 объектов: среди них мы видим сосуды, которые на Врулии использовались под детские погребения. На плане и в нашем предшествующем изложении отмечен сосуд (низ амфоры) 507 на юг (слева) от гробницы с вытянутым на спине головою на В. взрослым погребением. И действительно этот низ сосуда прикрывает собою череп детского костяка, лежащего тут же у основания гробницы 503. Далее к западу мы видим ещё разбитую амфору за черепом слева на Юг от лежащего к Западу от только что упомянутого вытянутого на спине костяка 508 головою на ЮВ. Не исключена возможность, что амфора эта, в которой при раскопках ничего не оказалось, могла в себе заключать скелет младенца, который за время после своего захоронения мог полностью истлеть. Одинаковая почти ситуация по отношению к рядом лежащим взрослым костякам как будто подтверждает это предположение.

Далее к Юго-Западу мы видели обгорелые человеческие кости 512, покоящиеся на слое угля в 0,13 м, толщиной и в диаметре в 1 метр. Кости эти прикрыты низом амфоры (параллель к 507). Таким образом, мы видим здесь и кремацию, но несколько другой техники и ритуала, чем во Врулии.

Прежде, чем перейти ко второму случаю кремации в данной (XIII) полосе некрополя, мы должны подвергнуть анализу загадочную могильную яму 513 в самом юго-западном углу полосы. Дно этой ямы, углубляющейся на 0,70 м, составляет материковую коренную породу острова — известняк. Протяжение ямы с Востока на Запад к обрыву над морем 1,40 м. На дне в центре её каменная плита, к западу от которой раздавленный кувшин. Так как никакого костяка в могиле не оказалось возникает дилемма относительно её функциональности на основании врулийской практики. Врулийские прямоугольные могильные ямы с кремацией после их засыпки прикрывались плитой, которая полагалась над тем местом, где должна была покоиться голова покойника и по-видимому должна была служить как бы её заместительницею. Уравнение *камень=человек* вполне естественно у народов, которым свойственны литогенные представления об антропо- и этногенезе, о происхождении человека и племени от камней. И у древних греков, у которых имелся миф о восстановлении рода человеческого после потопа уцелевшими праотцами Девкалионом и Пиррою через бросание себе через плечи за спину костей матери-земли, т.е. камней, так же как в

нашем русском фольклоре, где превращённому женой-чародейкой Марией Лиходевной (она же Лебедь Белая) в «бел горюч камень «старчище»» или Микола Можайский возвращает человеческий образ по ритуалу Девкалиона и Пирры, поднимая этот камень с земли и перебросив через плечо себе за спину с произнесением определенной формулы, примеров таких можно было бы привести, сколько угодно, но и этих достаточно, чтобы показать, что и грекам, и нашим предкам было свойственно представление о камне-человеке.

Однако возможно всё же, что в данном случае центр внимания в этой могильной яме не в камне, а в соседнем к Западу разбитом кувшине. Врулиа даёт примеры захоронения детей в возрасте одного — нескольких месяцев в небольших глиняных горшках. Ничего не может быть естественнее полного истребления таких хрупких косточек. Исключительный интерес этого кенотафа (пустой могилы) или же детской с истлевшим детским костяком в кувшине могилы всем сказанным не исчерпывается. Кенотафы известны древнейшей похоронной традиции нашего побережья и были констатированы Е.Ф. Лагодовской при раскопках её на Усатовском курганном могильнике (Лагодовська 1934: 62). К тем же полуторатысячелетним традициям вводит нас и интереснейшая деталь данной могилы три вертикально-поставленные каменные плиты в Юго-Западном углу могилы, которые напоминают наблюдаемое Е.Ф. Лагодовской (Лагодовська 1934: 59) в том же Усатовском курганном могильнике исключительно ритуальное значение Юго-Западного угла, где в кромлехах воздвигались обычно в вертикальном положении рядом три высоких каменных плиты-менгира. Как увидим, живучесть древне-Усатовских традиций в жизни Северного Причерноморья времён древне-греческой колонизации этим не оканчивается. Того же порядка и выдолбленная далее в Ю.З. углу могилы в известняковом дне её чашевидная круглая ямка диаметром в 0,22 м, очевидно, ритуально-жертвенного назначения.

Вернёмся к костяку 508, при котором, обращённом головою на ВЮВ с южной стороны слева лежала раздавленная амфора. Не возвращаясь к уже описанным деталям положения костяка припомним тут лишь ту важную ритуальную подробность, что на груди у него, к которой прижата была кисть правой руки, лежал кусок красной краски (реальгара). Хотя это вполне возможно при любой этнической принадлежности мертвеца, это могло быть, как и самое положение его головой на Восток, отголоском и далёким пережитком практики знаменитого неолитического Мариупольского могильника (Макаренко 1933), где ориентированные головами на Восток, вытянутые на спине покойники, засыпались полностью подряд специально издалека в массе доставленной красной землёю. Кроме личного предубеждения первого учёного толкователя Березанского архаического некрополя Э.Р. Штерна, и кроме наличия влево от костяка пустой раздавленной амфоры, которая могла к костяку и не принадлежать, нет никаких данных за то, что данное погребение греческое, тем более по Штерновской формуле «афинское» или по афинскому ритуалу, а не туземное, продолжающее древнейшие погребальные традиции Северного Причерноморья, с которыми оно нам представляется имеющим более общего, чем с чисто греческой Врулией той же эпохи.

Эти соображения не позволяют использовать в защиту теории Штерна факт залегания костяка 508 с реальгаром на груди и амфорой налево (к югу) от черепа на кострище диаметром в 4,20 метра и толщиной в 0,11 метра, соответствующая приблизительно средней мощности одного нормального врулийского трупосожжения, определяемого Кинхом в 0,10 метра. Здесь, среди земли, смешанной с золою, углями и черепками, найден был один арибал, ближе не определяемый, но скорее всего по общей обстановке архаический (коринфский). Под кострищем слой из 0,26 м перегорелого материкового песка.

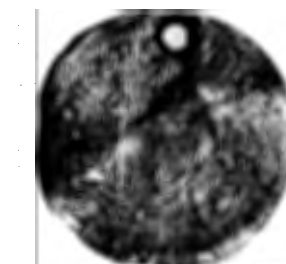
Архаическая греческая принадлежность, как этого кострища, так и груды обгорелых костей 512 на углях, перекрытых низом амфоры, не вызывают в нас сомнений в отличие от костяка 508 над ними и могилы 513 («кенотафа»).

В одной плоскости с большим кострищем залегают ниже костяка 508 бок о бок один подле другого два вытянутых на спине костяка головами на В 509 и 510 и, повидимому, как нами было описано выше, составляют супружескую пару. Разделены между собою они тонким рядком из воткнутых в землю крупных фрагментов толстостенных амфор.

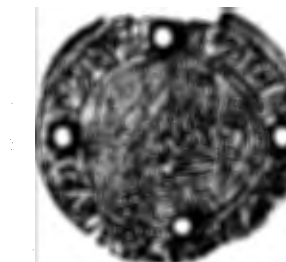
ФОТО 3: К статье Т.Н. Кокоржицкой и И.В. Корпусовой «Новые находки нюрнбергских в Белгороде-Днестровском».

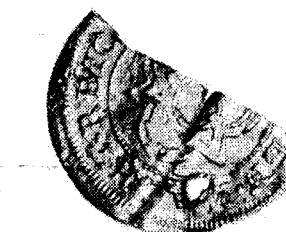
1

2

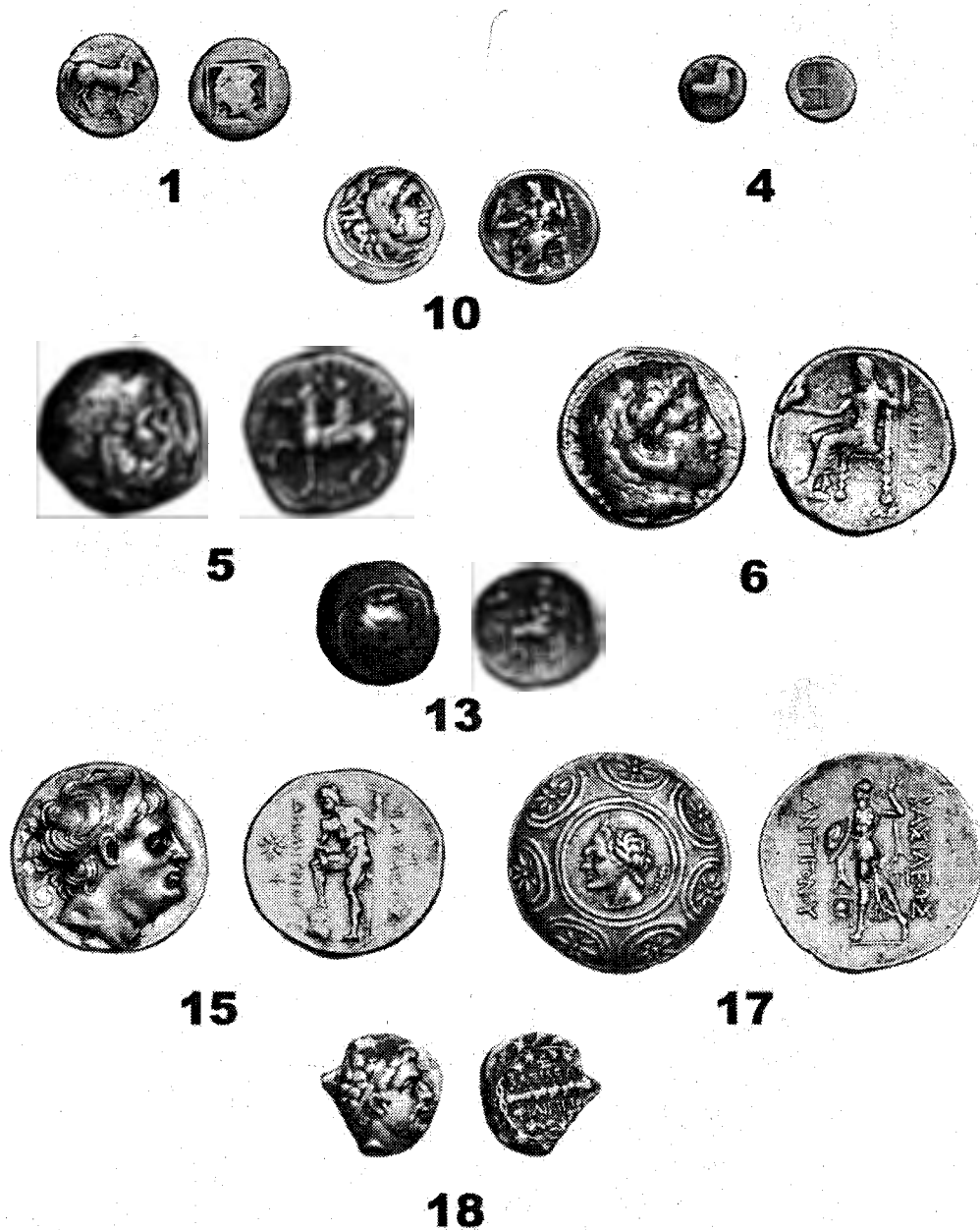

3

4

ФОТО 4: К статье С.А. Булатович «Серебряные монеты правителей античной Македонии в собрании Одесского археологического музея»

Никакого другого похоронного инвентаря при них не было и данных для признания их за греков никаких нет, так как черепки греческой тары от вина находились нами при позднейших раскопках на Березани в бесспорно-туземных жилых ямах-землянках наряду с основной туземной серой лепной посудой с налепными валиками под венчиками.

На ЮЗ от большого кострища, ногами упираясь в ноги костяка 510, северного из парных, мы видим костяк 511 в строго выдержанном вытянутом на спине положении, но с головою на СЗ, в ориентировке, противоположной к обычной врулийской, без всякого инвентаря. Никаких ценных в отношении установления (его грецизма) также нет.

В восточной стороне полосы ещё два вытянутых на спине головою на В костяка, при северном из которых 503 налево от него покоился детский костяк с накрытым низом амфоры черепом, у кости левой же руки его находились 8 бронзовых наконечников стрелок без дальнейших определений, а у левого же локтя круглый точильный брусок. Такого же положения соседний костяк 505.

У правой ноги его большой железный нож, ольвийский медный асс с головой Деметры и крючок от медного предмета. Перекрывающие изголовье обоих костяков 503 и 505 плиты напоминают надгробный ритуал Врулии. Наличный инвентарь неопределённый и не позволяет категорически высказаться ни за принадлежность обеих могил к грекам (ольвийские ассы заходили, как нам известно, в порядке торговых сношений очень далеко вглубь материка), — ни против него. Остальные предметы могли принадлежать в одинаковой мере и греку в местных условиях, и туземцу. Во всяком случае, из наличных на полосе труположений мы имеем устойчиво преобладающее восточно-западное направление с ориентировкою головы на В костяков в вытянутом положении: 503, 505, 508, 509, 510 и сюда же мы имеем право присоединить и пустую могилу 513, также сориентированную. Изолированно стоит костяк 511, ориентирующийся головою на СЗ. Но залегание под 505 могилкою накрест могилы 506 в Северно-Южном направлении и параллельно к ней к востоку от 506 тоже пустой могилы 504 позволяет как будто и по их залеганию, и безинвентарности, и пустоте, как возможном результате истления костяков, думать о большей их древности на Березани сравнительно с ориентированными на Восток (и Северо-Восток), хотя и такая ориентация, будучи характерной для древне-усатовского курганного могильника, у нас значительно древнее какого то ни было проникновения аттических влияний на Чёрное море. Северно-южная ориентация весьма бедных или вовсе безинвентарных неглубоких скорченных погребений головами на юг, прикрытых каменными плитами, характеризуют также древне-усатовские бескурганые погребения (Лагодовська 1934: 62).

Переходя к соседней с юга полосе (XII), мы констатируем там на глубине 0,53 м от поверхности множество (по отчёту); на плане шесть кострищ круглых очертаний с диаметрами в них от 1,05 до 2,10 метра, местами залегающих на глубину 0,70 м. Под ними обнаружена была уже на 0,35 м в каменном материковом грунте могильная яма — 492, в которой вытянутый на спине костяк головою на СВ длиною в 1,62 м, представляющей по Деникеру современный средний рост во Франции. Возле черепа (без более точного указания на плане или в отчёте) высокий узкий кувшин с тремя чёрными поясками. У правого бедра костяка несколько черепков от мисочки того же типа.

В той же могильной яме под этим костяком второй, отделённый от первого тонкой прослойкой мусорной золы, покоящейся на материковом камне, составляющем дно ямы. Костяк в скорченном положении на правом боку головою на СВ. Кисть правой руки на груди, кисть левой касается локтя правой. На животе разбитая вазочка. Детских погребений и урн в полосе этой вовсе нет. Если в отношении верхнего костяка, уже залеганием своим под кострищем опровергающего схему Штерна с типичной стратиграфией березанского архаического некрополя, вопрос может ещё оставаться открытым, туземец он или греческий «первого периода заселения», то нижний скорченный костяк бесспорнейшим образом туземный и греческий похоронный инвентарь не только не может доказать противного, как туземный мог бы доказать его туземность, но как раз наоборот.

Если бы мы стали на путь констатации древних греков всюду, где встречаются бесспорные греческие изделия (ольвийские ассы, родосско-ионийская или родосско-милет-

ская, а также аттическая чёрнофигурная керамика и т.п.), то нам для последовательности пришлось бы признать за греческие те погребения в глубине нашей равнины, как в Болтышке нын. Александровского района Кировоградской области (быв. Чигиринского уезда, Киевской губ.) в среднем Поднепровье, где найдено было, между прочим, в деревянном срубе замечательное горло большого «родосско-милетского сосуда» (Фармаковский 1916: табл. VI и VII; Книпович 1934: 90-110), как дальше в Подонье в бассейне Хопра, где также найдена была горловина ионийской вазы той же родосско-милетской группы в виде головы быка или с берегов реки Калитвы ниже слободы Криворожье, где в курганном погребении вместе с восточного происхождения серебром найден был большой глиняный сосуд с горловиною в виде головы барана, так наз. стиля *Фикелдура*, вероятно Самосского происхождения, конечно, такого заключения никто не сделает.

Между тем такие факты — наличие в глубине материка далеко от моря прекрасных изделий древне-греческого художественного ремесла конца VII в. до н.э. при современной постановке дела исследования древне-греческой колонизации в Северном Причерноморье имеют громадное непосредственное значение для изучения прошлого нашей Березани.

В настоящее время большинством исследователей, занимающихся у нас вопросами древне-греческой колонизации, моменты первого появления на наших берегах греков, — занимающихся морскими промыслами рыбной ловлею, торговлей, пиратством и обоснование тут первых поселений городского типа с господствующим греческим населением, организованным на подобие греческой полис, разделяются один от другого значительным отрезком времени от нескольких десятилетий может быть даже и до столетия продолжительностью и прежде принимавшиеся в частности для Ольвии в Северо-Западном Причерноморье даты основания их в середине VII в. до н.э. относятся уже не к возникновению организованных гражданских общин типа древне-греческой полисии, а к первому появлению здесь греков. В частности казавшиеся противоречивыми данные Евсевия Кессарийского об основании Борисфена и Псевдо-Скимна (Латышев 1890: 88) об основании Ольвии, нами как будто бы приведены к согласию между собою отнесением первого сообщения к древнейшему греческому поселению на о-ве Березани в середине VII в. до н.э., а второго к Ольвии с объяснением выражения текста [...] «при мидийской власти» в соответствии с языковой практикой времён греко-персидских войн, называвшихся у них «мидийскими», в смысле: «в пору установления персидской власти»... над (Лидией) и Ионией, т.е. в середине VI в. до н.э. (около 546 г.) (Болтенко 1930), что как будто не вызывает теперь серьёзных возражений в нашей советской специальной литературе (Книпович 1934: 103; Иессен 1947; Славин 1943: 94). Теперь такая заниженная датировка принимается и для других греческих колоний на Северном берегу Чёрного моря с единственным исключением для поселения на острове Березани, где культурный слой VII века до н.э. является бесспорным (Книпович 1934: 104; Иессен 1947: 57). Существование поселения на Березани уже во 2-й половине VII в., к которому принадлежит и наш некрополь с 1904 г. надо, конечно, считать доказанным, как доказано и пребывание и *жизнь* греков на этом острове с этого времени, но совершенно не выяснен ни характер этого поселения (можно ли его) считать городом, как это мы находим у Биладель и Н.Я. Марра, ни тем более состав его населения. Этот вопрос сливается с другим более обширным, принципиальным и глубоким вопросом о роли туземного населения при возникновении греческих колоний. Роль эта первыми исследователями сводилась почти к нулю. Иначе нельзя оценить изложенное выше заключение Штерна о раскопках Скадовского и его результатах. Но и Б.В. Фармаковский ещё в 1913 году так оценивал положение при начале древне-греческой колонизации у нас: «ионийцы были первыми распространителями культуры, первыми, кто положил здесь основы цивилизации» (Фармаковский 1914: 78). Такая точка зрения советской наукой не разделяется. Ни в какой мере не отрицая могущественных южных влияний с берегов тёплых морей с древнейших времён существования человека в нашей великой равнине, мы всегда считали абсолютно не научным стремление связывать все культурные явления у нас исключительно с античным, собственно этнически-греческим очагом культуры и цивилизации (Болтенко 1926: 8, прим. 3). В настоящее время совершенно правильно А.А. Иессеном в уже названной пос-

ледней работе его о древнегреческой колонизации поставлен в иной плоскости, чем он до недавнего времени ставился. «Греческую колонизацию Северного Причерноморья нельзя рассматривать односторонне только с точки зрения истории Греции, греческих племён и греческой культуры» (Иессен 1947: 89).

Вполне соглашаясь с ним в том, что возникновение греческих колоний на северном побережье Чёрного моря было подготовлено развивавшимися издавна, в течение полутора тысячелетий, меновыми отношениями населения наших степей с южными странами, в том числе и странами Эгейского моря, дополняя это только такими же сношениями и со всем Востоком от Переднеазиатского Двуречья через Кавказ и Каспий до Урала включительно и непосредственно, и через Кавказ, соглашаясь с ним также и в датировке перехода племён Северного Причерноморья на высшую степень варварства ещё ранее возникновения здесь постоянных греческих поселений, мы не можем согласиться с отождествлением этого процесса с окончательным оформлением «скифского» (хотя бы и в кавычках) общества. Это анахронизм, которым страдают у нас большинство авторов, трактующих эти вопросы (Капошина, 1941: 172). Справедливо в изучении некрополей греческих колоний в Сев. Причерноморье исследователи признают за туземные погребения в скорченном положении, на Ольвийском некрополе, датируемые VI — началом V в. до н.э. и затем и в более поздние времена на II — III вв. н.э., что соответствует и нашим находкам на Березани 1927 г., открытие скорченного погребения с обломками римского пифоса III в. н.э. Однако вполне разделяя автохтоннистские позиции С.И. Капошиной, мы не считали бы возможным прилагать к этому конкретному автохтонному населению термин «скифы», давая ему более широкое, чем это допускает историческая точность, применение его и во времени, и в пространстве.

В настоящее время наша специальная литература обогатилась небольшой по объёму, но ценной по содержанию и выводам работой Н.В. Пяташевой по вопросу (Пяташева 1946: 175-182). Поводом к этой работе послужила попавшая незадолго до Великой Отечественной войны в Государственный исторический музей в Москве небольшая, культовая статуэтка («герма») со своеобразными чертами, говорящими о варварском её происхождении. Найдена была она при земляных работах у Стрелецкой бухты Гераклеяского полуострова, входившего в состав территории древнего греческого Херсонеса. Автор справедливо вводит недавно открытый памятник в ряд варварских скульптурных памятников Северного Причерноморья, сопоставляя его в качестве прототипов с антропоморфными стелами доскифской эпохи Северного Причерноморья из Белогрудовки (Уманьщина) и Тиритаки (Крым близ Керчи), относя их вслед за В.Ф. Гайдукевичем и Л.М. Славиним к 2-ой половине II-го тысячелетия до н.э., но мы не решились бы категорически называть туземное население этого времени киммерийцами, но только потому, что ничего положительного не знаем, как далеко вглубь прошлого Северного Причерноморья от VIII — VII вв. уходит это племенное название на нашей территории. Однако у нас есть свидетельства о том, что древним киммерийцам в отличие от скифов, а, повидимому, и некоторых других соседних народов, свойственно было изготовление антропоморфных культовых изображений кумиров, за названием которых в слове «кумир» наш русский язык закрепил собственное племенное имя кимеров с лёгким видоизменением произношения. Варварское мышление не проводит существенного различия между богом и его изображением и особых отличных одно от другого слов для передачи этих понятий не имеет. Поэтому, прежде чем специализироваться на изображении бога слово «кумир» очевидно, как и до сих пор сохраняет его грузинский эквивалент ?...? имело значение «бог». Слова ?...? или ?...? варианты того же племенного названия киммерийцев приобрели в том же грузинском языке значение «героя» и то же слово ?...? и ?...?, имея в осетинском языке то же значение «героя», усложняет его ещё значение великана, «исполина», что в полном согласии с Геродотом (IV), и свидетельствует об их воинственности и о сравнительной высокорослости их...

Для эпохи 2-го слоя Кобыякова городища в Подонье близ станицы Аксайской, признаваемого А.А. Миллером (Миллер 1926: 138; рис.34) доскифским и датируемого VII-м — нач.

VI в. до н.э., термин киммерийский представлялся бы нам приемлемым, если не этнически, то эпохально и такими могли бы быть признаны так называемые надгробия-примитивы. То же приложимо и к свидетельствуемому А.А. Миллером со ссылкой на Б.В. Фармаковского таким же самым изображениям, найденным последним в закладе каменных сооружений древнейшей Ольвии...

Совершенно правилен вывод Н.В. Пяташевой о том, что бесспорно в эпоху VII – начала VI вв. до н.э. народ, в традициях которого было изготовление подобных памятников, жил ещё в районе нижнего Поднепровья. Бесспорно, что антропоморфные надгробия примитивы представляли собою вещественное изображение покойника и в качестве такового ставились на могиле умершего кимера и назывались его племенным именем, что означало по существу «человека» (вообще) и «человека» (данного) племени, т.е. кимера. И по-видимому наши слова «камень» и «комонь» восходят к тому же племенному объекту.

Антропоморфные очертания камня, конечно, усиливают такую семантику надгробия, но отнюдь не обязательны, и увязываются с литогенной антропо- и этногонией, т.е. с учением о происхождении человека и племени от камня, имеющим распространение в определённом круге племён и долго переживающим затем в древнегреческом мифе о восстановлении после потопа рода человеческого Девкалионом и Пиррою, в малоазиатском рассказе о превращении в камень скорбящей о гибели своих детей Ниобы, в рассказе русской былины о превращении в камень женой-лиходейкою русского богатыря и о возвращении ему человеческого облика чудесным старцем, наконец, о том, как перевелись на Руси богатыри... Таковы функции каменной плиты, полагавшейся в древнем поселении Врулиа на острове Родосе VII – VI вв. до н.э. на могиле сожжённого в ней покойника, как раз на месте, которому должна была соответствовать его голова...

Совершенно законна увязка Н.В. Пяташевой Кобяковских антропоморфных надгробий-примитивов с наличием в тех же слоях погребения скорченника. Нам представляется здесь уместным с нашей стороны упомянуть с одной стороны о скорченниках березанского архаического могильника, раскопанного Г.Л. Скадовским, занимающих в его стратиграфии, как мы только что видели, самое глубинное положение, и о скорченниках III в. н.э., открытых нами при раскопках 1927-28 гг. вместе с крупными фрагментами пифосов того времени с поперечными желобками, на месте развалин древнего архаического поселения на Березани, с другой стороны о стоящей несомненно в какой-то связи с этими скорченниками не менее интересной, чем херсонесская, Березанской герме, извлеченной рыбаками зимою 1928-1929 гг. у южного мыса острова, напоминающего Южную оконечность Южно-американского материка и несомненно быстрее разрушаемого морем и напором вешних льдов с лимана, Днепра и Буга. Когда-то она высилась здесь, по-видимому, над самой высокой точкой естественной поверхности острова на южном его мысу и затем вместе с ним обрушилась в море, пока не была из него извлечена рыбаками...

Мы также как и Н.В. Пяташева, считая и таманских, и херсонесских, и ольвийских, и березанских, и других скорченников за туземцев Северного Причерноморья, как таковыми были на рубеже 3 и 2-го тысячелетий до н.э. и наши усатовские скорченники, считаем невозможным именовать их «скифами» и поэтому вместе с Н.В. Пяташевой мы не признаём за «скифов» не только скорченников Херсонесских, но и ольвийских (конечно, вместе с неотделимыми от них березанскими).

В подкрепление она совершенно справедливо ссылается на типичные скифские погребения эллинистического и римского времени, среди которых скорченные трупоположения, «свидетельствующие о большем примитивизме духовного (М.Б., конечно, и социально-экономического) развития», не констатируются...

Что особенно важно и для нас, Херсонесские скорченники в большинстве случаев, как это подчеркивает Н.В. Пяташева, сопровождаются античным инвентарем и в пределах IV в. до н.э. как и во II – III вв. н.э. этим инвентарем они и датируются. «Встреченная среди них варварская керамика никак не может быть отождествлена со скифской. Она имеет гораздо более грубые формы и технику и находит аналогии среди позднего материала каменных ящиков и погребений доскифской эпохи. Архаизм её, несмотря на более

позднее время, составляет отличительную черту именно таврской культуры» (Пяташева 1946: 176).

Здесь мы расходимся и с Н.В. Пяташевой, которая, идя по течению («установившемуся» без всяких к тому оснований в современной науке взгляду), в разрез с прямыми свидетельствами древности о киммерийцах и об уровне их социально-экономического и культурного уровня, признаёт «остатками киммерийцев, сохранившимися в античную эпоху в Северном Причерноморье, [...] тавров, со всеми особенностями их чрезвычайно примитивной и самобытной культуры, резко отличной от современной им культуры скифо-сарматской и, прибавим мы, предшествовавшей ей в господстве своём в Северном Причерноморье культуры киммерийской, которую, конечно, вряд ли можно вслед за В.И. Гошкевичем отождествлять с нашим Северно-Причерноморским Халколитом и ранней бронзой, (что теперь принято называть «Усатовской культурой»), как явление значительно более позднее». Мы согласны с А.А. Иессеном в том, что «переход степных племён северного Причерноморья на высшую ступень варварства произошло ранее возникновения постоянных греческих поселений на северном побережье... Только с переходом местного населения на высшую ступень варварства создаются условия для основания колоний и их дальнейшего развития», но называть это общество «скифским» и для Приднепровья говорить о скифском союзе племён раньше середины VI в. до н.э. является, хотя и общераспространённым, но ни на чём не основанным мнением...

Достаточно прочесть II главу IV книги в подлиннике Геродота, именно мотивы поведения (слово «поведения» вписано карандашом) киммерийских «басилеев», которые по-видимому вполне соответствовали «басилеям» архаической Греции, хотя бы времён Гесиода, и «предпочли лечь мёртвыми в родной земле и не убежать вместе с массой, при наступлении скифов с Востока, помня те блага, которыми они пользовались на родине, а также и те бедствия, какие ждали их на чужой стороне, как «беженцев»... Здесь, несомненно, выражено самосознание социальной верхушки сильно расслоившегося уже родово-племенного общества и наша расценка рассказа об этом Геродота диаметрально-противоположна даваемой ему Б.Н. Граковым (Граков 1947: 17): отнюдь не консерватизм родовых старшин представляли геродотовы киммерийские «басилеи», так как они именно в первую голову обогащались из тех грабительских походов, которые их соплеменниками обрушивались на Малую Азию и через Кавказ (Дарьяльским ущельем), и через Балканы, и вероятнее всего и через Чёрное море, как наперерез его в самом узком месте между Херсонесом и мысом Бриксаба-Бараним лбом (ныне Сарыч) в Крыму, с одной стороны, и Синопом и мысом Керемпе (древним Карамбис) и вдоль Крымско-Кавказского берега, с другой, на своих तेозименитых им легких судах «камарах», предшественниках позднейших древне-русских ладей и запорожских чакс XVI – XVII века...

Усложнялся, но не менялся в целом, с притоком новых завоевательных племён основной массив населения страны, усложнялся ход её развития, но не прерывался и поэтому мы в «скифскую» эпоху не видим, кроме распространения специфических скифских бронзовых наконечников стрелок, никаких новых предметов материальной культуры, которые бы позволяли провести грань между «киммеризмом» и «скифизмом» в Северном Причерноморье. Высшая ступень варварства была достигнута и киммерийцами и скифами самостоятельно и поэтому только стали возможными опустошительные нашествия тех и других последовательно одних (скифов) за другими (киммерийцами) по одним и тем же социально-историческим и психологическим причинам. Победы Урартийцев над Ассирией в IX – VIII веках и контраст наступление последней на Урарту должны были соблазнить и приманивать к вторжению в богатые страны Передней Азии и варваров Северного Причерноморья (киммерийцев), и варваров Каспийско-аральских и более дальних восточных степей. Первыми были Причерноморцы уже около 720-715 гг. обрушившиеся на Закавказье и Север Малой Азии, защищавшийся против северных варваров державой Урарту, ослабленной в то время и к 714 г. пришедшей к катастрофе, немедленно использованной ассирийцами; лет через 40 около 680 года на той же арене появляются, но более восточным путем скифы, обосновывающиеся в районе между озёрами Ваном и Урмиею и

умело вовлекаются искусной ассирийской дипломатией в орбиту своей политики и влияния и переключаются ею к непримиримой борьбе с пришедшими раньше их к пределам передовых великих держав Передне-Азиатского культурного мира киммерийцами. Скифы наносят им ряд сокрушительных ударов. С падением Ассирии в 612 году наступает период хаоса в передней Азии и по 584 г. период хозяйничанья здесь скифов (28-летнего, по Геродоту). После того, как туземные великие державы Нововавилонское Халдейское царство Навуходоносора на юге, Лидия на СЗ и Индия на СВ пришли между собою к соглашению и к установлению на некоторое время своеобразного «равновесия», членом которого стал и Саисский Египет, жертвою этого и вероломства мидян стали скифы, которые, подвергшись разгрому в Мидии, вынуждены были в основной своей массе отхлынуть на север за Кавказ (584 г.). За поколение до похода Дария на скифов (513/2 г.). Геродот отмечает большой сдвиг племен, в результате которого невры оказались передвинувшимися в область будинов, Геродот же даёт и легендарный вариант преломления этого события в памяти туземного населения Северного Причерноморья: в областях, не затронутых непосредственно скифским вторжением середины VI-го века, гимирай ассирийцев-киммерийцы, превратились, вероятно, по созвучию гмер, гвер, звер, змер, змей в змей в украинском и русском фольклоре сохранилась память об этих «змеях» в «змиевых валах», в сказаниях о «Змее Горыныче» о «Тугарине Змеевиче»...

Этапы распространения скифских бронзовых стрелок от Туркмении (до VII в.) через Переднюю Азию (в VII в.), наши Северо-Черноморские степи (в VI в.) и Подунавье (около 500 г.), установленные исследованиями Б.Б. Пиотровского, Т. Сулимирского, Марущенко как будто подтверждают такую картину разворота междуплеменных отношений на территории нашей родины в широких её рамках в середине I-го тысячелетия до н.э.

Исконные связи Востока и Северо и Юго-Востока и Уральского и Арало-Каспийского с его центром и Днепровско-Дунайским Юго-Западом всё более и более вскрываются и углубляются советскими археологическими и лингвистическими исследованиями, начиная с трудов Н.Я. Марра.

Мы склонны крымских тавров считать социально-историческим культурным и этническим реликтом того до греко-скифского и докиммерийского состояния всего нашего Северного Причерноморья, задержавшегося в горах Южного Крыма до II – III веков нашей эры, когда они, войдя перед этим в тесную политическую связь со скифами, постепенно слились с ними, конечно, оставивши и свои неизгладимые этнические следы на результатах этого этнического скрещения. Недаром средневековые византийцы упорно называют Русь тавро-скифами...

Мы не возражаем против увязки скорченников на херсонесском и пантикапейском некрополях с засвидетельствованными в составе населения и Херсонеса, и Пантикапея таврами и увязки и тех, и других с встречающимися в обоих этих крымских центрах антропоморфными надгробиями примитивами, как это делает Н.В. Пяташева, но без отождествления их с киммерийцами.

Глубокой седой тотемистической стариной веет от замечательного места в старинной русской былинке о нашествии на Русь Калина-царя, где туры (русское звуко- и смыслосоответствие греческого ?...?) выступают и представители нашей земли перед лицом нависшей над градом Киевом невзгоды:

*«Из-под тоя березки из-под беленькой
Выходило два тура и три тура,
И шли они туры мимо Киев-град
И видели над Киевом дивным дивно,
Дивным дивно и чудным чудно:
Выходила девица и слёзно плакала...
Сходились туры с родной матушкой:
«А шли мы туры мимо Киев-град,
И видели над Киевом дивным дивно,
Дивным дивно и чудным чудно:»*

Выходила девица и слёзно плакала...»

И говорит турица, родна матушка:

Глупые туры, малы детушки,

А не девица выходила и слёзно плакала,

А плакала стена городова,

А она сведала над Киевом невзгодушку...»

Только широким распространением в наших Северо-Причерноморских степях в эпоху освоения коня названия тавров можно понять, учитывая причерноморские названия этого животного русское «конь» и грузинское «*и-хен-и*» приложение никак не объяснимого удовлетворительно из греческого языка названия «*кен-тавр*» к фантастическому облику коне-людей, возникшем у оседлого населения южных стран, включая Грецию, при первом соприкосновении их с первыми, вторгшимися из наших степей всадниками, первоначально не знавшими седла и казавшимися как бы сросшимися со своим конём, к шее которого они, естественно, прижимались.

Первым, почувствовавшим звучание и значение русского слова «конь» в первом компоненте древнего кентавра «*Кен*» и давшим ему простое трезвое объяснение, был А.С. Хомяков, мнение которого было, затем принято и И. Бедсоновым, комментатором «Песень, собранных Рыбниковым» (Бедсонов 1864: 53).

Тип таврских антропоморфных надгробий-примитивов сводился к грубо схематизированному изображению человеческой головы, но, как это констатирует Н.В. Пяташева к концу II – началу I вв. до н.э. он начинает изменяться в направлении роста удлинения-выступа у основания плиты для того, чтобы можно было её установить над могилой. Это прослеживается Н.В. Пяташевой на ряде образцов из разных пунктов. Самый замечательный из них упомянутая нами Херсонесская герма, перед войной 1911-15 гг. попавшая в Государственный исторический музей в Москве (Пяташева 1946: 180).

Изученный и опубликованный Н.В. Пяташевой объект представляет собою завершение круга развития местных таврских памятников ритуального характера, более развитое и усовершенствованное в условиях восприятия античных влияний. Известняковая стела небольшого размера (0,13 м высоты). Чётко подчёркнутая – глубокой работой резца шея выделяет, таким образом, и заканчивающееся книзу клином лицо и отчётливо выделяющиеся плечи. Сверхлом по плоскому с широкими скулами лицу обозначены близко поставленные друг к другу глаза, рот и слабо прочерченные две линии носа...

Герма Березанская, которую мы уже вскользь выше упомянули, была значительно выше Херсонесской (высота её 0,70 м.). И на ней при всём очевидном варварском характере её чувствуется известное восприятие античных влияний, начиная с самого материала (мрамора). Данный экземпляр по своей обработке из всех известных нам и опубликованных Н.В. Пяташевой ближе всего стоит к последнему из них Херсонесскому. Клинообразно заканчивающаяся внизу голова, повидимому, должна изображать, как и Херсонесская, бордатовое мужское лицо. Хотя шея и плечи с боков, и низ бороды спереди прекрасно выделены, сделано это не с такой резкостью, как в Херсонесском образце, а достигнуто лёгким сглаживанием поверхности на широкой площади. Особенно отличается березанская «герма» от Херсонесской сзади, представляя собою в отличие от последней почти гладкий столб, в котором видно лишь лёгкое закругление верхней поверхности головы и суженность книзу всей головной части столба. Расширение книзу стелы более незначительно у березанского образца, чем это мы имеем у Херсонесского.

Особенно интересна передача подробностей лица: резцом чрезвычайно своеобразно обозначены брови, начертание которых в виде двух дуг, которые, спускаясь довольно круто в середине лица вниз, образуют длинный прямой отросток, замыкаемый внизу короткой перпендикулярной к отвесно падающим на неё концом этих дуг чертою...

Поразительно здесь полное тождество в передаче носа и бровей человеческого лица с таковыми, выполненными в совершенно иной технике (низкий рельеф), на открытой Бледженом в 1937 г. при раскопках 1-го города Трои вблизи его оборонительной стены профилированной известняковой плите с рельефным изображением овала человеческого

лица: внутренняя линия этого овала образует сходящиеся, так же, как и на нашей березанской «герме», в длинном прямом отростке, представляющем нос, дуги бровей (Ельницкий 1946: 212, рис.3).

Хотя Трою I отделяет от нас и немалое пространство и очень длительный промежуток времени с начала 3-го тысячелетия до середины 1-го тысячелетия, связи между Северо-Западным Черноморьем и Северо-Западом М.Азии были весьма древни и, повидимому, постоянны, благодаря наличию постоянного морского течения, идущего из Северо-Западного Причерноморья (Одесской бухты) к Северо-Западной оконечности Малой Азии в Босфор и Мраморное море. Этим путём жители Большого Куяльника, носители так называемой «Усаговской» культуры, ещё на рубеже 3-го – 2-го тысячелетий получали с северо-запада Малой Азии свой антимонит (сурьмяной блеск), кусок руды которого найден был нами на Большом Куяльнике при первых наших раскопках там в 1921 году.

Схема «нособровей», одинаково представленная в Березанской «герме» и в рельефе человеческого лица с известняковой плиты древнейшей Трои (1), конвергирует и с характерной для дунайского культурного мира времён халколита и ранней бронзы схемой заканчивающихся в обе стороны спиральными завитками медных височных колец (1925: 177, рис.79)...

Эта устойчивость древнейшей «троянской» традиции, линейной схемы нособровей, дожившей до нашей березанской «гермы», можно думать, середины I-го тысячелетия до н.э., заставляет нас вспомнить о другой древнейшей традиции, сохранённой нам Стефаном Византийским и роднящей берега нашего Днепро-Бугского лимана с «троянскими» берегами геллеспонтской Фригии и Фракии, именно, что Борисфеном, кроме известной реки (и города) Понта назывался и Геллеспонт (Дарданеллы) раньше Геллы (Латышев 1880: 257)...

Если для Херсонесской гермы Н.В. Пятшевой, учитывая её местное происхождение, не возникает сомнения в возможности её возникновения в эпоху, когда долго державшиеся в своей горной изоляции суровые тавры окончательно вышли из неё и вошли в тесную политическую и культурную связь с окружающим миром, когда на основе могучего скифского царства Скилура и Палака, поставившего под удар опоры хозяйничанья в Крыму заморских пришельцев Херсонес, Боспор, Феодосию, в следующих поколениях в первые века нашей эры вместо прежних тавров и скифов мы встречаемся уже с тавро-скифами, для Березани, древнейшего «торжища Борисфенитов» ещё с VII вв. до н.э., центра борисфенской рыбопромысловой округи после первого появления здесь греков, которое вызвало здесь массовый приток и длительное поселение для торгового общения с пришельцами и туземцев с материка, в этом новом центре самого передового района нашей великой равнины, где уже были догреческие полуторатысячелетние связи с заморским югом и где, как это установлено новейшими исследованиями давно уже развился местный очаг металлообработки (Иессен 1947: 26), для Березани, дело обстояло совершенно иначе и не могло быть оснований к тому, чтобы сочетание местных традиций с греческими влияниями должно было ждать века для оформления этого сочетания, которое мы в условиях острова Березани и Днепро-Бугского лимана считали бы возможным датировать уже VI-м веком...

Подпись М. Болтенко

Артамонова-Полтавцева О.А. 1940. Древнейшее поселение на острове Березани // КСИИМК (V).

Архангельский А.Д., Страхов Н.М. 1932. Геологическая история Черного моря // Бюллетень Московского Общества Испытателей природы, отдел геологии. Т.Х, 1.

Б-ч С. Семасиология // Брокгауз и Ефрон. Новый Энциклопедический словарь. Полутом 57.

Багров Л.С. 1918. История географической карты // Вестник археологии и истории, вып. XXIII. Пб.

Байов А. 1906. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736-1739 гг. Первые три года войны. СПб.

Барбот-де-Марни Н. 1869. Геологический очерк Херсонской губернии. СПб.

Барсов Н.П. 1885. Очерки русской исторической географии. Варшава.

Бедсонов П. 1864. Заметки // «Песни, собранные Рыбниковым». Ч. III. Петрозаводск.

Болтенко М.Ф. 1908. Краткий указатель Музея Одесского Общества истории и древностей. Одесса.

Болтенко М.Ф. 1926. Керамика з Усагова // ТКУ. Т. I. Київ.

Болтенко М. 1928. Б.В. Фармаковский (некролог) // Східний світ. Харків. 6.

Болтенко М. 1930. Про час виникнення та назву давнішої Іонійської оселі над Борисфеном (з Березансько-Ольвійських Студій) // ВОКК. Ч.4-5. Одеса.

Брикнер А.Г. Иллюстрированная история Петра Великого. Т. II. СПб. 296 с.

Брим В.А. 1931. Путь из варяг в греки // Известия Академии Наук СССР. Отделение общественных наук. Серия VII. № 2.

Брун Ф.К. 1844. Исследования о городах русских // Журнал министерства внутренних дел. VII.

Брун Ф.К. 1879. Черноморье. Ч. I, Ш. Одесса.

Бурачков П.О. 1875. О местоположении древнего города Киркинитеса и монетах ему принадлежащих // ЗООИД. Т. IX. Одесса. С. 1-133.

Василенко Н. Крымское ханство // Брокгауз и Ефрон. Новый Энциклопедический словарь. Т. 23.

Васильевский В.Г. Рецензия на книгу Ф.К. Бруна «Черноморье. Сборник исследований по исторической географии южной России. Ч. I» // ЖМНП.

Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба (Херсонская губерния). СПб.

Географическо-статистический словарь Российской империи. 1865-1881. Т. 1-5. СПб.

Геродот. История. II, 2; IV, 48, 51, 53.

Гомер. Илиада. В 862.

Граков Б. Н. 1947. Скифы. Київ.

Добрынин Б.Ф. 1948. Физическая география СССР. Москва.

Ельницкий Л. 1946. Обзор иностранных историко-археологических журналов // ВДИ. №3 (17). С. 143-153.

Ефименко О. 1922. Історія українського народу. Харків.

Журнал министерства внутренних дел. 1851. XXX, III.

Иессен А.А. 1947. Греческая колонизация Северного Причерноморья, её предпосылки и особенности. Ленинград.

История ВКП/б. 1950. Краткий курс.

Капошина С.И. 1941. Скорченные погребения в Ольвии и Херсонесе // СА. №7. С. 161-173.

Карамзин Н.М. 1818. История государства Российского. Т. I, VIII. СПб.

Книпович Т.Н. 1934. К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII – V вв. до н.э. // ИГАИМК, вып. 104, М.-Л. С. 90-110.

Ковалевский Ф.М. 1906. Остров Березань, военно-исторический очерк // ЗООИД. Т. XXVI. Протокол Зас. 361. Одесса. С. 48-52.

Кочубинский А.А. 1899. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории восточного вопроса. Война пяти лет (1735-1739).

Крокос В.И. 1924. Материалы для характеристики почвогрунтов Одесской и западной части Екатеринославской губерний // Журнал научно-исследовательских кафедр в Одессе. №10-11; Українські геологічні вісті. Київ. №11.

Крокос В.І. 1924. Четвертинні поклади Одеського району // Українські геологічні вісті. Київ. №11.

Крокос В.І. 1926. Наслідки геологічних обслідувань нижнедніпряньського району 1925 року // Матеріали в справі дослідження ґрунтів України. Секція ґрунтознавства С.Г.Н.К.Н.К. З.С. України. Окремий відтиск.

Лагодовська О. Ф. 1934. Проблеми Усагівської культури // Наукові записки Інституту Історії і археології АН УРСР. Кн. I.

Латышев В.В. 1890, 1893. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и

Кавказе. Т. I-II. СПб.

- Латышев В.В. 1899. Заметки по древней географии северного побережья Чёрного моря. V. Об острове св. Эферия // ЖМНП. май, отд. клас. фил.
- Латышев В.В. 1904. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II (латинские писатели). СПб.
- Латышев В.В. 1909. ПОНТИКА. СПб.
- Мавродин В.В. 1945. Образование древнерусского государства. Ленинград.
- Макаренко М. 1933. Мариупольский могильник. Київ.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1934. Немецкая идеология.
- Март Н.Я. 1934. О числительных // ИР. Т.3. М.-Л.
- Март Н.Я. 1935. Чуваши — яфетиды на Волге // ИР. Т.5. М.-Л. С.323-372.
- Март Н.Я. 1935. Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык // ИР. Т.5. М.-Л. С.467-533.
- Март Н.Я. Отчёт о поездке к восточно-европейским яфетидам // ИР. Т.5.
- Мартынов И. 1827. История Иродотова, переведенная с греческого языка. Ч. II. СПб.
- Миллер А.А. 1926. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг. // Сообщения ГАИМК. №1.
- Мишулин А.В. 1941. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. // ВДИ. №1(14). С.230-280.
- Мищенко Ф.Г. 1885. Геродот. История в девяти книгах. Перевод с греческого. Т. I. Москва.
- Мурзакевич Н.Н. 1868. Некоторые пояснения // Серафимович С. Херсонские святители // ЗООИД. Т. VII. Одесса. С.132.
- Неймайр М. 1902. История земли. Т. I. СПб.
- Новороссийский календарь. 1854.
- Отчёт Археологической Комиссии за 1896 г. 1898. СПб.
- Отчёт Археологической Комиссии за 1904 г. 1907. СПб.
- Пападимитриу С.Д. 1910. Древние сведения об острове Березани // ЗООИД. Т. XXVIII. Протоколы. Зас. 398.
- Плиний Старший. Естественная история, IV, 82.
- Прендель Р.А. 1886. Археологические расследования на острове Березани // Труды VI Археологического Съезда в Одессе. 1884 г. Т. I.
- Прокопий Кесарийский. 1939. О постройках (пер. С.П. Кондратьевна) // ВДИ (4).
- Пятышева Н.В. 1946. Античное влияние на культурную скульптуру Причерноморья // ВДИ. №3 (17). С.271-360.
- Рыбаков Б.А. 1939. Анты и Киевская Русь // ВДИ. №1 (6).
- Рыдзевская Е.А. 1947. О названии острова Березань // СА, Т. IX.
- Рябков П.З. 1896. Рыболовство в Херсонской губернии. Херсон.
- Сборник военно-исторических материалов. Т. XI.
- Скадовский Г.Л. Раскопки на острове Березани. 1900 г. // НА ОАМ НАНУ. Инв. № 59187, 59248.
- Славин Л. 1943. Основні підсумки вивчення Ольвії за радянський період // Наукові записки Інституту Історії і археології України АН УРСР, кн. I.
- Синцов И. 1891. Результаты геологической экскурсии в Николаев // Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. Т. XVI. Вып. 1.
- Соболевский А.И. 1922. Русско-скифские этюды // ИОРЯС. Т. XXVII.
- Соколов Н.А. 1896. Заметка об острове Березани и дислокациях понтийских отложений в области Сиваша и Перекопского залива // Изв. Геологического комитета 1895 г. Т. XIV (6-7). СПб.
- Соловьев С.М. 1851-1879. История России. Т. XX. «История России в царствование Алексея Михайловича».
- Страбон. География. VII. 17 // Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. 1890. СПб.
- Сукачев В.Н. 1934. Дендрология с основами геоботаники. Ленинград.

- Тюндер К.Ф. 1910. Город Бирка // МНП, июнь
- Толстой И.И. 1918. Остров Белый и Таврика на Эвксинском Понте. Петроград.
- Уваров А.С. 1851. Исследования древностей южной России и берегов Черного моря.
- Фармаковский Б.В. 1902. Аттическая вазовая живопись и её отношение к искусству монументальному в эпоху непосредственно после греко-персидских войн // Записки Русского Археологического Общества. Пб.
- Фармаковский Б.В. 1914. Архаический период в России // МАР, Вып. 34. С.15-78.
- Фармаковский Б.В. 1893. Три керамических фрагмента Одесского Музея ИОИД // ЗООИД. Т. XVI.
- Фармаковский Б.В. 1916. Милетские вазы из России // Древности. Т. XXV, Москва.
- Фасмер М. (von Max Vasmer). 1923. Russisches etymologisches Wörterbuch. Переиздано: Heidelberg, 1950-1958.
- Циммерер Г. 1903. Европейская Турция и Армения // История человечества. Всемирная история. Т. V. Юго-Восточная и Восточная Европа. Пер. с нем. (под ред. Г. Гельмольта). СПб.
- Штерн Э.Р. 1901. О новейших раскопках в г. Аккермане и на о. Березани // ЗООИД. Т. XXIII. Протоколы. Заседание 329.
- Штерн Э.Р. 1904. Раскопки на о. Березань // ОАК за 1904 г.
- Эберт М. 1910. Reallexicon.
- Эсхил. Прикованный Прометей. Стих 301.
- Arne T. 1917. Det stora Svitjod. Stogholm.
- Йокль Норберт. 1924. «Albaner», «Illyrer», «Thraker» // Ebert M. Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin.
- Koehler H.K.E. 1826. Mémoire sur les îles et la course consacrée à Achille dans le Pont-Euxin. St. Ptsbg.
- Roscher W.H. 1893. Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen mythologie. Leipzig.

Остров Березань и исследование его исторического прошлого (1848-1948 гг.)

Оглавление

1. Природные условия острова и его геологическое прошлое и географическое положение.
2. Судьбы изучения острова в новое время от эпохи возрождения до 1880-х гг., в связи с историей Чёрного моря в эту эпоху.
3. Отложение прошлых судеб острова Березани в его названии.
4. VI-й археологический съезд в Одессе. Первые археологические раскопки на острове проф. Р.А. Пренделя в 1884 г.
5. Березань — «остров мёртвых». Раскопки на березанском некрополе Б.В. Фармаковского в 1896 году и Г.Л. Скадовского в 1900-1901 гг.
6. Березань — уникальное в археологии, нетронутое веками древнейшее ионийское (милетское) поселение на северных берегах Чёрного моря VII – V вв. до н.э., первоначально на полуострове, а с течением времени превратившимся в остров, почему древнее поселение на нём запустевает. Раскопки Э. Р. Штерна 1904 г.-1906 г.
7. Сомнения в верности теории Штерна. Наше сотрудничество с ним в 1908-1913 гг. культурные слои и находки времён позднее V в. до н.э. Проблема «римской» и «древнерусской» Березани.
8. Через 15 лет. Разведка наша с В.И. Крокосом в 1924 г. и раскопки 1927 года. Продолжение наших работ со Штерном 1909 и 1913 гг. Установление быстроты отступления береговой линии острова и бытия «римской» Березани. Итог работ 1927 года.

9. Полное восстановление масштабов исследования острова довоенного времени в экспедиции 1928 г. Древняя Киевская керамика.

10. Ревизия Штерна в 1929 г. Раскопки в турецком валу и внутри турецких валов. Древние землянки на острове: проблема строительства греков и туземцев на острове в VII – VI вв. до н.э.

11. Раскопки в новом плане 1930-1931 гг. Древне-русская Березань X – XIII вв. Характер её залегания над Березанью римской и этой последней над ионийской. Интенсивность древне-русской жизни и хозяйствования на острове.

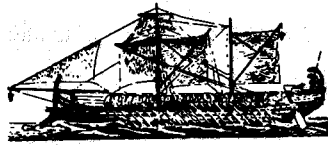
12. Ещё через 15 лет. Раскопки 1946-1947 гг. Проблема греко-туземного Торжища Борисфенитов Геродота и места рыбных промыслов греков и туземцев.

13. Работы на материке против о. Березань в 1949 г. (прим. ред.: фрагмент документа с окончательной датой работ не сохранился) в Викторовке и Рыбаковке (Аджияска).

14. Выводы.

15. Перспективы дальнейшего исследования острова.

(Прим. ред.: названия глав №13-14 вписаны автором от руки)

ПЕРСОНАЛИИ

